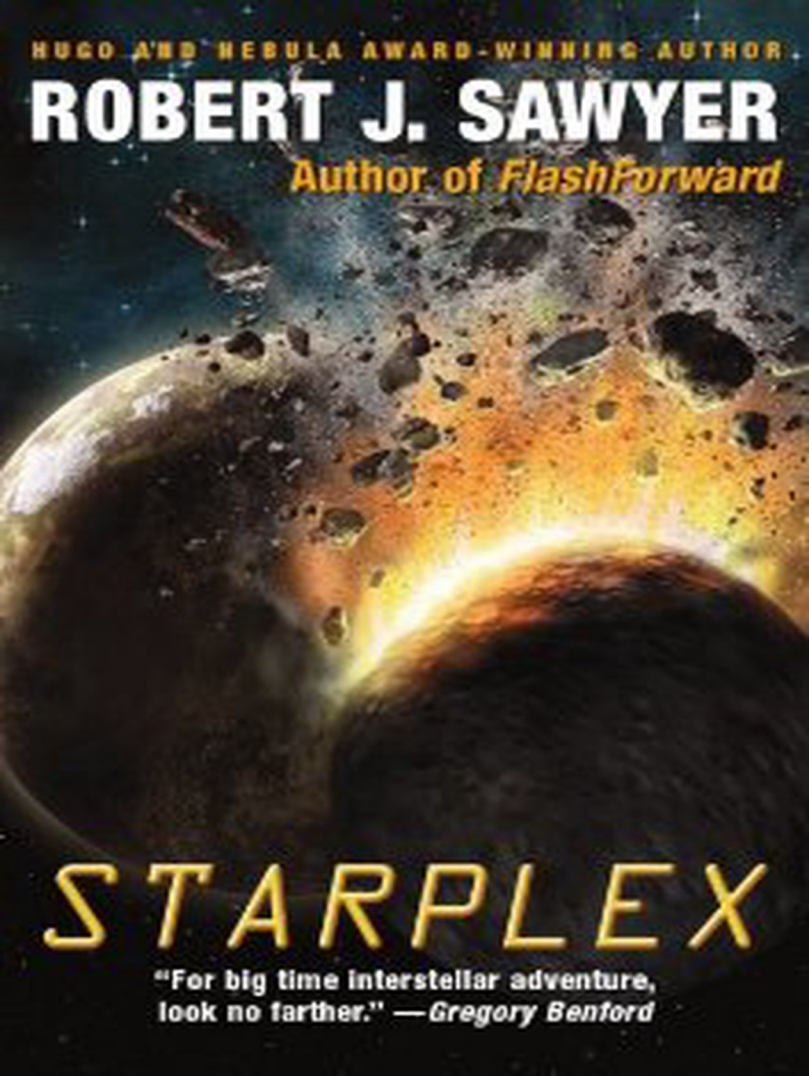

HUGO AND NEBULA AWARD-WINNING AUTHOR
ROBERT J. SAWYER
Author of FlashForward
STARPLEX
"For big time interstellar adventure, look no farther." —Gregory Benford

Старплекс
Роберт Дж. Сойер

Аннотация
Роберт Дж. Сойер. Старплекс
Благодарности
Предисловие
Альфа Дракона
Глава I
Бета Дракона
Глава II
Гамма Дракона
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Дельта Дракона
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Эпсилон Дракона
Глава XIII

Глава XIV
Глава XV
Дзета Дракона
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Эта Дракона
Глава XXIII
Глава XXIV
Глава XXV
Эпилог

Аннотация

Галактику пронизывает обширная, неизвестно кем построенная сеть межзвёздных порталов, позволяющих мгновенно перемещаться на огромные расстояния. Человечество совместно с двумя инопланетными цивилизациями ведёт исследования новых областей Галактики по мере того, как узлы сети становятся доступны для посещения. Для координации этой работы, а также с целью установления контактов с новооткрытыми цивилизациями Содружество планет построило огромный научно-исследовательский корабль «Старплекс». Его первому директору, канадскому социологу Кейту Лансингу придётся преодолевать враждебность подчинённых, трудности межвидового общения, технические проблемы и собственный кризис среднего возраста, занимаясь при этом поиском ответов на фундаментальные вопросы жизни, Вселенной и всего остального.

Любительский перевод.

Роберт Дж. Сойер
Старплекс

Посвящается Ариэлю Райху

Каждому писателю-фантасту невероятно повезёт, если у него будет друг, который одновременно и кандидат физико-математических наук, и юрист, специализирующийся в области интеллектуальной собственности.

Спасибо, Ари, за то, что помог мне отправить «Арго» в релятивистский полёт, рассчитать точки Лагранжа для системы Квинтальо, разработать химическую структуру для нового типа материи и провести судебный процесс над обвиняемым-инопланетянином.

Благодарности

Данное произведение сформировалось из первичного облака идей благодаря помощи Сьюзан Эллисон, редактора издательства «Ace Books», и доктора Стэнли Шмидта, редактора журнала «Analog»; Ричарда Кёртиса; доктора Ариэля Райха; моих собратьев по перу Дж. Брайана Кларка, Джеймса Алана Гарднера, Марка А. Гарланда и Жана-Луи Труделя; экстраординарного корректора Говарда Миллера; постоянных придирчивых читателей моих рукописей: Тэда Блини, Дэвида Ливингстона Клинка, Теренса М. Грина, Эдо ван Белкома, Эндрю Винера и, в особенности, моей прекрасной жены Каролины Клинк.

Предисловие

«Старплекс» был впервые опубликован в 1996 году, и в том году он стал единственным романом, номинированным одновременно и на «Хьюго», и на «Небьюлу» — а также, к моему восторгу, выиграл канадскую премию «Аврора».

Многое изменилось с тех пор, как я написал эту книгу. Во-первых, конечно же, были сделаны некоторые новые астрономические и космологические открытия — оставим читателю в качестве домашнего задания выяснить, отменяют ли они какие-то из научных идей, изложенных в книге.

Во-вторых, с тех пор, как была написана эта книга, изменился я сам. Те, кто читал мои более поздние произведения, такие как «Вспомни, что будет», «Calculating God», «Hominids», «Mindscan», «Rollback» и «Wake», вероятно, считают меня автором фантастики сегодняшнего дня или ближайшего будущего, действие которой разворачивается прямо здесь, на Земле. Собственно, «Старплекс» — это лебединая песнь моего творчества в области фантастики далёкого будущего с космосом, звездолётами и инопланетянами — но

я хотел покинуть этот поджанр с наибольшей помпой, на какую я был способен.

И всё же, в некотором смысле, «Старплекс» действительно стал мостиком между моими ранними, более традиционно научно-фантастическим книгами, и моими поздними работами, которые ближе к мэйнстриму. Посмотрите: в романах моей трилогии «Quintaglio Ascension» («Far-Seer», «Fossil Hunter» и «Foreigner»), написанных на заре моей карьеры, все персонажи — инопланетяне. А непосредственно перед тем, как написать «Старплекс», я стал обладателем премии «Небьюла» с романом «Смертельный эксперимент», в котором были только персонажи-люди. Однако я хотел посмотреть, как можно смешать реальных инопланетян с реальными людьми, не порождая неразберихи и так, чтобы обе стороны выглядели правдоподобно.

Когда Лари Нивен писал «Мир-кольцо» (одно из моих любимейших произведений), он уклонился от этой задачи: двухсотлетний Луис Ву и сверхудачливая пси-одарённая Тила Браун — никак не персонажи, взятые из жизни. Я же хотел показать, как обычные люди с обычными людскими проблемами типа кризиса среднего возраста или корпоративных интриг могут существовать бок

о бок с реально иными инопланетянами.

Ещё одной целью «Старплекса» было разрешить все основные загадки современной космологии и попытаться аккуратно увязать их друг с другом. Для этого мне понадобился сюжет, охватывающий одиннадцать миллиардов лет и шесть миллиардов световых лет, но по-моему я справился неплохо.

И наконец, как у большинства писателей-фантастов моего поколения, выросших на оригинальном сериале «Стартрек» («Звёздный путь»), у меня было желание написать хотя бы одну книгу про «“Стартрек” каким он должен был быть»: историю о гигантском исследовательском корабле, выполняющем миссии первого контакта.

Я, однако, не хотел, чтобы его действие разворачивалось в военизированной обстановке — я всегда считал это наиболее скучной и неправдоподобной частью «Звёздного пути». Мне хотелось создать в целом пацифистское произведение, в котором, тем не менее, присутствовали бы эпичные и захватывающие, но правдоподобные космические битвы и ситуации первого контакта, в возможность которых читатель бы мог поверить. Я надеюсь, вы довольны результатом.

Роберт Дж. Сойер

Изгиб дуги людской морали незаметен, но она склоняется к справедливости.

Мартин Лютер Кинг младший

Альфа Дракона

Кто-то за это заплатит.

Гравитация уже отключилась, и теперь Кейт Лансинг парил в невесомости. Обычно невесомость его успокаивала, но не в этот раз. В этот раз он устало вздохнул и покачал головой. Ремонт повреждений «Старплекса» обойдётся в миллиарды. А сколько граждан Содружества погибло? Это выяснится в ходе дознания, перспектива которого его совершенно не радовала.

Все удивительные открытия, которые они сделали, включая первый контакт с темнянами, всё ещё могли оказаться в тени политики, а то и межзвёздной войны.

Кейт тронул зелёную кнопку «ПУСК» на консоли перед собой. Сквозь стеклосталь корпуса донёсся лязг, сопровождающий отделение челнока от кольца доступа на задней стене причального отсека. Маршрут был заранее запрограммирован в компьютере челнока: выход из причальной зоны «Старплекса», полёт к стяжке, вход в неё, выход на периферии системы Тау Кита и движение к одному из причалов Гранд-Централа,

космической станции Объединённых Наций, контролирующей движение через ближайшую к Земле стяжку.

И, поскольку всё было запрограммировано заранее, во время путешествия Кейту было совершенно нечего делать, кроме как обдумывать недавние события.

Что само по себе было чудом, хотя в тот момент он не воспринимал его как таковое. Мгновенные путешествия через половину галактики стали рутиной. Как это было непохоже на тот ажиотаж, который Кейт застал восемнадцать лет назад, когда была открыта Стягивающая сеть — громадный массив по всей видимости искусственных порталов, пронизывающих галактику и делающих возможным мгновенные перемещения между узлами сети. Тогда Кейт называл всё это магией. В конце концов, двадцатью годами ранее потребовались ресурсы всей Земли только для того, чтобы основать Новый Пекин — земную колонию на планете Тау Кита I, в 11,8 световых лет от Земли, и Новый Нью-Йорк на Эпсилоне Индейца III, в 11,2 световых лет. А сегодня люди с лёгкостью прыгают с одного края Галактики на другой.

И не только люди. Хотя строители стяжек так

и не были обнаружены, в Млечном Пути существовали и другие формы разумной жизни, а именно валдахуды и ибы, которые совместно с уроженцами Земли — людьми и дельфинами — одиннадцать лет назад основали Содружество Планет.

Челнок Кейта достиг края причального ангара 12 и двинулся в открытый космос. Челнок представлял собой прозрачный пузырь, способный поддерживать жизнедеятельность одного человека в течение пары часов. Вокруг экватора пузыря располагалась широкая белая полоса, содержащая оборудование системы жизнеобеспечения и маневровые двигатели. Кейт развернулся, чтобы посмотреть назад, на корабль, который покидал.

Причальные ангары располагались по краям большого центрального диска «Старплекса». По мере отдаления челнока взгляду Кейта открывались сцепленные между собой треугольные жилые модули, четыре сверху и ещё четыре снизу.

Боже, подумал Кейт, оглядывая корабль целиком. *Боже мой!*

В четырёх нижних модулях не светилось ни одно окно. Центральный диск пересекали тонкие шрамы — следы лазерных ударов. По мере

того, как челнок смещался вниз, становились видны звёзды сквозь зияющую круглую дыру в центральном диске, где из него был вырезан цилиндрический сегмент в десять палуб толщиной.

Кто-то за это заплатит, подумал Кейт снова. Заплатит по самому высокому тарифу.

Кейт повернулся и посмотрел вперёд сквозь изогнутую стенку пузыря. Он уже давно не пытался заметить какие-либо видимые признаки присутствия стяжки. Стяжки остаются невидимыми бесконечно малыми точками до тех пор, пока что-нибудь не коснётся их, как, например, его челнок — Кейт взглянул на консоль — через сорок секунд. В таком случае стяжка раздувается, охватывая проходящий через неё объект.

Он пробудет на Гранд-Централе примерно восемь часов — достаточно, чтобы доложить премьеру Петре Кеньятте о нападении на «Старплекс». После этого он вернется назад тем же путём. Будем надеяться, к тому времени у Яга и Длиннорыла будут новости по второй большой проблеме, которую им приходится решать.

Маневровые двигатели челнока заработали по сложной схеме. Чтобы выйти из сети в системе Тау Кита, нужно войти в местную стяжку сверху

и сзади. Звёзды сдвинулись, отражая изменение курса челнока, уточняющего угол входа в стяжку, а потом…

Потом челнок коснулся её. Сквозь прозрачный корпус Кейт увидел, как багрово-огненная линия разрыва между двумя сегментами пространства прошла по челноку; по мере прохождения один рисунок созвездий сменялся другим. Позади — зловещий свет зелёной звезды из области пространства, которую он покидал, впереди — розовая туманность…

Туманность? Что-то не так. В небе Тау Кита нет туманностей.

К тому времени, как челнок завершил прохождение стяжки, сомнений уже не оставалось: он прибыл не в то место. Красивая туманность розового цвета, формой напоминающая шестипалую руку, занимала на небе четыре угловых градуса. Кейт завертелся, оглядывая окрестности во всех направлениях. Созвездия, видимые с Тау Кита, ему были хорошо знакомы — незначительно искажённые версии земных созвездий, в частности, Волопас, а в его составе — яркий Арктур и само Солнце. Но этих созвездий он не узнавал.

Кейт ощутил прилив адреналина. Новые сектора пространства открываются регулярно,

активизируя новые разрешённые направления входа в стяжку. Наверняка он попал в только что заработавшую стяжку, активация которой сузила допустимый диапазон углов входа, ведущих на Тау Кита.

Нет причин для паники, подумал Кейт. Добраться до места назначения проще простого. Ему нужно просто вернуться к стяжке и войти в неё под немного другим углом, убедившись, что курс челнока в точности совпадает с осью конуса направлений, приводящих к станции Гранд-Централа.

Однако же — опять новый сектор. Уже пятый в этом году. Чёрт, подумал Кейт, как жаль, что пришлось разобрать половину запланированного второго «Старплекса» для ремонта первого; если дела пойдут так и дальше, второй исследовательский корабль очень пригодился бы.

Кейт проверил маршрутный рекордер, убедившись, что сможет вернуться к этому месту. Судя по всему, аппаратура работала безупречно. Его первый порывом было осмотреть новый сектор, определить, что полезного он может предложить. Но челнок предназначен лишь для коротких прыжков сквозь стяжки. Кроме того, у Кейта была назначена встреча, которая — он глянул на ча-

сы-имплант — должна начаться через сорок пять минут. Он вернулся к консоли и ввёл инструкции для повторного входа в Стягивающую сеть. Потом проверил параметры входа, которые привели его сюда, и нахмурился.

Что такое? Ведь он вошёл под точным углом для Тау Кита.

Он ни разу не слышал, чтобы стяжка сработала неправильно, однако…

Когда он поднял взгляд от консоли, звездолёт уже был перед ним.

Формой он напоминал дракона, с длинным змееобразным центральным корпусом и огромными стреловидными надстройками, похожими на крылья. Вся конструкция состояла из кривых и сглаженных углов, а поверхность была совершенно гладкой — ни следа швов, окон или каких-либо отверстий, ничего, похожего на двигатели. Должно быть, он весь светился, поскольку вокруг не было звёзд, чтобы его осветить, и никакая его часть не была затенена. До сих пор Кейт считал, что нет корабля прекраснее «Старплекса» (до полученных им в недавнем бою ужасных шрамов), однако «Старплекс» всё же оставался промышленным изделием, прагматичным и функциональным. А этот чужой звездолёт был

произведением искусства.

Корабль-дракон двигался прямиком к челноку Кейта. Согласно цифрам на консоли корабль был почти километр длиной. Кейт схватил рычаг управления, чтобы уйти с траектории приближающегося корабля, однако дракон внезапно полностью остановился относительно челнока в пятидесяти метрах от него.

Кейт ощутил, как колотится сердце. Когда новая стяжка появляется в сети, первой задачей «Старплекса» является поиск каких-либо следов разумных существ, активировавших стяжку, пройдя через неё в первый раз. Однако сейчас, в одноместном транспортном челноке, у него не было ни сигнальной аппаратуры, ни вычислительных мощностей, необходимых хотя бы для попытки установить контакт.

Кроме того, он не видел никаких следов корабля, когда осматривал небо всего несколько секунд назад. Корабль, который может двигаться так быстро, а потом мгновенно остановиться в открытом космосе, наверняка является продуктом весьма передовых технологий. Один Кейт тут бессилен. Ему нужен если не весь «Старплекс», то хотя бы один из дипломатических кораблей, которые он нёс в своих ангарах. Он щёлкнул

клавишей, направляя челнок к стяжке.

Ничего не произошло. Хотя… не совсем ничего. Вывернув шею, Кейт смог заметить выхлоп маневровых двигателей, установленных на внешнем краю кольца, опоясывающего обитаемый пузырь челнока. И тем не менее челнок не вращался; звёзды на небе оставались совершенно неподвижными. Что-то удерживало его на месте, но если это был буксировочный луч, то самый плавный и точный из всех, что Кейту встречались. Транспортные челноки хрупки; под обычным буксировочным лучом его стеклосталевый корпус уже бы скрипел по швам.

Кейт снова посмотрел на прекрасный корабль и увидел, как прямо на его глазах появился… да, должно быть, причальный док появился на его боку, под одним из изгибающихся крыльев. Кейт не заметил никакого движения, никаких скользнувших в сторону панелей, открывших отверстие в корпусе. В один момент корпус был сплошной и гладкий, а в следующий в брюхе дракона уже зияет кубической формы выемка. Кейт обнаружил, что его челнок теперь движется в направлении, противоположном заданному его инструкциями, прямиком к чужому кораблю.

Вопреки всему, он вдруг запаниковал. Да, он

был счастлив участвовать в первом контакте, но предпочёл бы более равные условия. Кроме того, у него осталась жена, сын-студент и вообще целая жизнь, которую он очень хотел продолжить жить дальше.

Челнок вплыл в причальный док, и Кейт увидел, как позади него вдруг возникла стена, отгородив кубическое пространство от внешнего космоса. Внутри помещение было освещено со всех шести сторон. Челнок, видимо, по-прежнему удерживался буксировочным полем — никто не стал бы втягивать его внутрь только для того, чтобы дать ему разбиться о стену за счёт собственной инерции. Однако эмиттера поля нигде не было видно.

Пока челнок продолжал свой путь, Кейт пытался мыслить рационально. Он вошёл в стяжку под углом, который должен вывести к Тау Кита; никакой ошибки не было. И всё же вместо Тау Кита он как-то попал… нет, его *отвели* сюда.

Из чего следовало, что кто бы ни управлял этим межзвёздным драконом, он знал о стяжках гораздо больше, чем народы Содружества.

И в этот момент его осенило.

Он понял.

Понял ужасную вещь.

Пришло время оплатить проезд.

Глава I

Это было словно дар богов: открытие пронизывающей галактику Млечного Пути сети искусственных порталов, сквозь которые можно было мгновенно перемещаться от одной звезды к другой. Никто не знал, кто их создал и с какой целью. Какая бы неимоверно развитая цивилизация ни создала их, никаких других следов она не оставила.

Гиперпространственное телескопическое сканирование показало, что в Галактике существует около четырёх миллиардов стяжек, или по одной на каждую сотню звёзд. Стяжки были хорошо заметны в гиперпространстве — каждую из них окружало облако тахионов, образующих хорошо различимую сферу. Однако, судя по всему, лишь пара десятков из этих миллиардов были открыты. Остальные, безусловно, существовали, однако переместиться к ним было невозможно.

Ближайшая к Земле стяжка находилась около Тау Кита. Через неё корабль мог прыгнуть на семьдесят тысяч световых лет к Реболло, родной мир валдахудов. Или на пятьдесят три тысячи

световых лет к Плоскону, родине причудливой расы ибов. Однако, к примеру, узел сети возле Полярной звезды, всего в восьми сотнях световых лет, был недоступен. Как и подавляющее большинство других, он нуждался в активации.

Стяжка может служить выходной точкой маршрута для кораблей, прибывающих из других стяжек, только после того, как её используют в качестве точки входа. Таким образом, стяжка у Тау Кита была недоступна для прибывающих кораблей до тех пор, пока восемнадцать лет назад, в 2076, через неё не прошёл зонд Объединённых Наций. Через три недели из этой же стяжки выскочил валдахудский корабль — и внезапно стало ясно, что люди и дельфины теперь не одни.

Многие полагали, что такой способ пользования сетью предполагался с самого начала: галактические секторы находятся в своеобразном карантине до тех пор, пока одна из местных цивилизаций не достигает технологической зрелости. Исходя из количества активированных узлов сети, кое-кто делал вывод, что два разумных вида землян, Homo sapiens и Tursiops truncatus, находятся в числе первых галактических рас, достигших такого уровня.

В следующем году корабли ибов появились

одновременно у Тау Кита и Реболло — и вскоре четыре вида договорились о создании экспериментального альянса, который окрестили Содружеством Планет.

С целью расширения сети доступных узлов сети семнадцать лет назад каждая планета-участник альянса запустила тридцать «бумерангов». Каждый из этих зондов летел на максимальной скорости, на которую способен гипердвигатель — двадцать две скорости света — к одной из недоступных стяжек, обнаруженных по их тахионному гало. По прибытии каждый «бумеранг» входил в стяжку, тем самым активируя её, и возвращался домой.

К настоящему моменту «бумеранги» добрались до двадцати одной стяжки, которые находились в радиусе 375 световых лет от одной из трёх планет Содружества. Сначала новооткрытые сектора пространства исследовались малыми кораблями. Однако вскоре Содружество пришло к выводу, что эта задача требует более основательного подхода: нужен гигантский корабль-матка, с которого можно бы было запускать исследовательские суда, корабль, способный служить не только исследовательской базой в горячий период начальной разведки нового сектора, но и

выполнять функции посольства Содружества. Огромный звездолёт, способный вести не только астрономические исследования, но устанавливать первый контакт с новыми видами разумных существ.

И в 2093 году был построен «Старплекс». Финансируемый тремя мирами и построенный на орбитальных верфях Реболло, он стал самым большим космическим кораблём из всех, что когда-либо строила любая из рас Содружества: ширина 290 м в самой широкой части, семьдесят палуб в высоту, общий объем 3,1 млн кубометров, несущий на борту тысячу членов экипажа и сорок четыре вспомогательных судна разного предназначения.

В настоящий момент «Старплекса» находился в 368 световых годах к галактическому югу от Плоскона, исследуя окрестности недавно открывшейся стяжки. Ближайшая звезда — субгигант класса F — находилась в четверти светового года. Её окружали четыре пояса астероидов, но планет не было. Экспедиция выдалась рутинной — ни интересных астрономических объектов, ни радиосигналов инопланетных цивилизаций. «Старплекс» спешил поскорее завершить цикл исследований — через семь дней ещё один «бу-

меранг» должен был достигнуть цели, на этот раз в 376 световых годах от Реболло. Следующим заданием «Старплекса» будет исследование этого сектора.

Всё было так спокойно до того, как…

* * *

— Лансинг, вы выслушаете меня!

Кейт Лансинг остановился посреди холодного коридора, вздохнул и потёр виски. Без перевода голос Яга звучал как собачий лай с изрядной добавкой шипения и рычания. Голос автопереводчика, воспроизводившего его речь со старомодным бруклинским акцентом, был ненамного приятнее: грубый, резкий и злобный.

— В чём дело, Яг?

— Ресурсы на борту «Старплекса», — пролаял тот, — распределяются неправильно, и виновны в этом вы. Я требую это исправить до того, как мы переместимся к следующей стяжке. Вы постоянно недодаёте ресурсов физическому отделу, снабжая отдел биологических наук в преимущественном порядке.

Яг был валдахудом и, как все они, внешне напоминал косматую свинью с шестью конечностями. Когда на Реболло завершился последний ледни-

ковый период и полярные шапки растаяли, они затопили большую часть суши, а то, что осталось, оплели руслами рек. Предки валдахудов приспособились к полуводному образу жизни; слой подкожного жира и длинный коричневый мех не давали им замёрзнуть в холодной речной воде.

Кейт сделал глубокий вдох и повернулся к Ягу. Он инопланетянин, нужно всегда об этом помнить. Другие обычаи, другие манеры. Пытаясь сохранять спокойствие в голосе, он ответил:

— Думаю, ваши претензии несправедливы.

Снова раздался собачий лай.

— Вы отдаёте предпочтение отделу биологических наук, потому что ваша супруга возглавляет этот отдел.

Кейт заставил себя усмехнуться, хотя его сердце колотилось от сдерживаемого гнева.

— Рисса иногда утверждает, что всё наоборот — что я не даю *ей* достаточно ресурсов, что я лезу из кожи вон, чтобы ублажить вас.

— Она манипулирует вами, Лансинг. Она… как это говорится у людей? Она обёртывает вас вокруг мизинца.

Кейту хотелось показать Ягу совсем другой палец. И ведь они такие все, подумал он. Целая планета вздорных, драчливых, сварливых сви-

ней. Он попытался прогнать из голоса усталость.

— Чего конкретно вы хотите, Яг?

Валдахуд поднял левую верхнюю руку и начал загибать короткие волосатые пальцы верхней правой.

— Ещё два корабля-зонда эксклюзивно для миссий физического отдела. Дополнительное хранилище в центральном компьютере для нужд астрофизиков. Ещё двадцать единиц персонала.

— Расширение штатов невозможно, — сказал Кейт. — У нас нет жилых помещений, чтобы их разместить. Я подумаю, что можно сделать по остальным пунктам. — Секунду помедлив, он добавил, — Однако в будущем, Яг, я надеюсь, вы поймёте, что меня гораздо легче убедить, не вовлекая в дискуссию мою личную жизнь.

Яг хрипло гавкнул.

— Я знал! — произнёс голос переводчика. — Вы принимаете решения исходя из личных предпочтений, а не на основе приведённых аргументов. Вы и в самом деле не годитесь для поста директора.

Гнев Кейта был готов выплеснуться наружу. Пытаясь успокоиться, он прикрыл глаза, надеясь представить себе что-нибудь приятное. Он ожидал увидеть лицо жены, но перед глазами

возникло лицо азиатской красавицы на два десятка лет моложе Риссы — и это ещё больше вывело его из равновесия. Он открыл глаза.

— Послушайте, — произнёс он подрагивающим голосом. — Мне плевать, одобряете вы моё назначение директором «Старплекса» или нет. Имеет значение лишь то, что сейчас я — директор и останусь таковым ещё три года. Даже если вам удастся заменить меня раньше, в соответствии с соглашением о ротации в течение всего этого срока пост директора должен будет занимать человек. Если вы избавитесь от меня — или я уволюсь сам, потому что уже сыт вами по горло — вам всё равно придётся подчиняться человеку. А некоторые из людей вас, — он оборвал себя прежде, чем успел сказать «вас, свиней», — терпеть не могут.

— Ваше отношение не делает вам чести, Лансинг. Ресурсы, которые я запрашиваю, нужны для успеха нашей миссии.

Кейт снова вздохнул. Похоже, он становится слишком старым для всего этого.

— Я не собираюсь больше спорить, Яг. Вы озвучили свою просьбу; я уделю ей всё внимание, какого она заслуживает.

Все четыре квадратных ноздри валдахуда рас-

ширились.

— Удивительно, — сказал он, — что королева Тратх даже мысль допустила о том, что мы сможем работать с людьми. — Он резко развернулся на своих чёрных копытах и пошёл по коридору прочь, не сказав более ни слова.

Кейт постоял пару минут, выполняя успокаивающие дыхательные упражнения, а потом пошёл холодным коридором к остановке лифта.

* * *

Кейт Лансинг и его жена, Рисса Сервантес, занимали на «Старплексе» стандартный жилой блок в людском секторе: гостиная в форме буквы L, спальня, маленький кабинет с двумя столами, одна ванная, оборудованная для людей, и вторая универсальная. Кухни не было, но Кейт, который любил готовить, установил небольшую плиту, чтобы предаваться своему хобби.

Входная дверь скользнула в сторону, и Кейт, всё ещё бурля от возмущения, ворвался внутрь. Рисса, должно быть, вернулась несколькими минутами раньше и собиралась принимать дневной душ — она появилась из спальни голой.

— Привет, Честертон[1], — сказала она с улыбкой. Однако улыбка тут же поблекла, и Кейт подумал, что она, должно быть, заметила напряжение на его лице, складки на лбу и перекошенные в гримасе губы. — Что случилось?

Кейт плюхнулся на диван. Диван стоял лицом к стене, на которую Рисса повесила мишень для дартс. Три стрелки торчали из крошечного шестидесятиочкового сектора кольца утроения — Рисса была чемпионом «Старплекса» по дартс.

— Снова поцапался с Ягом, — ответил Кейт.

Рисса кивнула.

— Он такой, — сказала он. — Они все такие.

— Я знаю. Но боже, как это иногда тяжело.

В их квартире имелось большое внешнее окно, в котором виднелась ближайшая к стяжке яркая звезда класса F на фоне окружающих созвездий. Две другие стены могли демонстрировать голограммы. Кейт был родом из Калгари, что в канадской Альберте; Рисса родилась в Испании. На одной из стен открывался вид на ледниковое

[1] Примечания: 1

Полное имя главного героя (которое станет известно позднее) по-английски пишется так же, как имя британского писателя Г. К. Честертона (1873–1936) — Gilbert Keith. *(Прим. перев.)*

озеро Луиз[2] с поднимающимися за ним Скалистыми горами; вторая показывала центральную часть Мадрида с его неповторимой смесью архитектурных стилей шестнадцатого и двадцатого веков.

— Я ждала, что ты вот-вот появишься, — сказала Рисса. — Хотела принять душ вдвоём.

Кейт был приятно удивлён. Они часто принимали душ вместе, когда только поженились, но это было двадцать лет назад, и со временем они оставили эту привычку. Необходимость принимать душ дважды в течение рабочего дня для уменьшения запаха человеческого тела, чрезвычайно неприятного для валдахудов, превратила ритуал омовения в скучную рутину, однако, возможно, надвигающийся юбилей их свадьбы настроил Риссу на более романтический лад.

Кейт улыбнулся ей и стал раздеваться, Рисса тем временем зашла в их основную ванную и открыла воду. «Старплекс» был так не похож на корабли его молодости, например, «Лестер

[2] Примечания: 2

Живописное горное озеро на восточных склонах канадских Скалистых гор, на юго-западе провинции Альберта. *(Прим. перев.)*

Б. Пирсон»[3], на котором он возвращался с Тау Кита после первого контакта с валдахудами. В те времена приходилось довольствоваться ультразвуковой чисткой. В том, что «Старплекс» нёс на борту миниатюрный океан, были свои преимущества.

Кейт последовал за Риссой в ванную. Она уже стояла под душем, дожидаясь, пока намокнут её длинные чёрные волосы. Как только она немного сдвинусь в сторону из-под головки душа, Кейт проскользнул внутрь, по пути восхитившись ощущению скользнувших друг по другу мокрых тел. За эти годы он потерял половину волос, а оставшуюся половину стриг коротко. Тем не менее, он начал энергично тереть голову, пытаясь таким образом совладать со своим раздражением против Яга.

Он потёр спину Риссе, она — ему. Потом они сполоснулись, и он закрыл воду. Если бы он не был так сердит, возможно, у них бы вышло что-нибудь ещё, но…

Да провались ты! Он начал вытираться.

— Ненавижу! — сказал Кейт.

Рисса кивнула.

---

[3] Примечания: 3

Премьер Канады в 1963–68 годах, лауреат Нобелевской премии Мира за разрешение Суэцкого кризиса (1956). *(Прим. перев.)*

— Я знаю.

— Не то чтобы я ненавидел Яга — не совсем так. Я ненавижу… ненавижу себя. Ненавижу за то, что чувствую себя узколобым расистом. — Он начал яростно растирать полотенцем спину. — То есть, я знаю, что валдахуды живут по-другому. Я знаю это и пытаюсь это принять. Но — боже, я ненавижу себя уже за одну эту мысль — они все одинаковые! Сварливые, нахальные, бесцеремонные. Не встречал ни одного, кто бы был не такой. — Кейт побрызгал под мышками дезодорантом. — Сама идея того, что можно считать, будто знаешь о ком-то всё лишь потому, что знаешь вид, к которому он принадлежит — отвратительна, меня этому научили ещё в детстве. Но теперь я сам делаю это изо дня в день. — Он вздохнул. — Валдахуды и свиньи. Внутренне для меня уже всё едино.

Рисса тоже закончила вытираться и надевала свежее бельё и бежевую сорочку с длинным рукавом.

— Они примерно так же относятся и к нам, ты же знаешь. Люди слабы, нерешительны. И у них нет *корбайдин*.

Кейт вымученно засмеялся, услышав валдахудское слово.

— У меня есть, — сказал он, указывая вниз. — Конечно, всего два вместо четырёх, но они справляются.

Он достал из шкафа свежую пару трусов и хлопчатобумажные штаны и надел их. Штаны показались немного тесноватыми в талии.

— И всё же, от того, что предрассудки свойственны обеим сторонам, они не перестают быть предрассудками. — Он вздохнул. — Вот с дельфинами всё по-другому.

— Дельфины другие, — сказала Рисса, натягивая красные шорты. — Возможно, в этом-то и дело. Они настолько отличны от нас, что это приводит нас в восторг. Самая большая проблема с валдахудами в том, что у нас с ними слишком много общего.

Рисса подсела к зеркалу. Она не носила макияжа — естественный облик был сейчас в моде как у мужчин, так и у женщин. Однако она вдела в уши алмазные серёжки размером с небольшую виноградину. Импорт дешёвых бриллиантов с Реболло уничтожил функцию драгоценных камней как свидетельств достатка, но их природная красота была по-прежнему востребована.

Кейт тоже закончил одеваться. Он надел синтетическую рубашку в темно-коричневую «ёлочку»

и бежевый вязаный свитер. К счастью, когда человечество вышло в космос, пиджаки и галстуки были признаны бесполезным балластом одними из первых — их наличие теперь не требовалось даже в наиболее формальной обстановке. После введения на Земле сначала четырёх, а затем и трёхдневной рабочей недели всякое различие между офисной и повседневной одеждой исчезло.

Он оглядел Риссу. Она была великолепна — в свои сорок четыре она по-прежнему оставалась красавицей. Может быть, всё-таки стоило воспользоваться моментом? Ну и что, что они только что оделись? Кроме того, эти дурацкие мысли о…

Би-и-п!

— Карендоттир Лансингу!

Ну вот, легка на помине. Кейт поднял голову к потолку и проговорил в пространство:

— Вызов принять. Слушаю.

— Кейт, чудесные новости! — послышался из интеркома звучный голос Лианы Карендоттир. — Только что прибыл ватсон с ГАОС; активирована новая стяжка.

Кейт вскинул брови.

— «Бумеранг» добрался до Реболло 367А раньше срока? — Иногда такое случалось; оценка меж-

звёздных расстояний до сих пор была делом не очень надёжным.

— Нет. Это другая стяжка, и её активировал не «бумеранг» — в неё вошло что-то — или, если нам повезло, то кто-то — из окрестного космоса.

— Из стяжек рядом с планетами выходило что-нибудь, чего не ждали?

— Пока нет, — ответила Лиана; её голос вибрировал от сдерживаемого возбуждения. — Её обнаружили только потому, что на неё случайно отправился грузовой модуль.

Кейт уже был на ногах.

— Отозвать все корабли-зонды, — приказал он. — Вызвать Яга на мостик, объявить всем постам готовность к ситуации первого контакта. — Кейт кинулся к дверям; Рисса следовала за ним по пятам.

Бета Дракона

Кейт Лансинг оглядывал причальный отсек странного чужого звездолёта. Как и внешняя поверхность корабля, его стены были абсолютно гладки и лишены каких-либо деталей. Ни швы, ни стыковочные узлы не нарушали ровного свечения шести граней куба.

Когда была открыта Стягивающая сеть, пресса с удовольствием вновь и вновь повторяла изречение, приписываемое жившему сто лет назад шриланкийскому писателю Артуру Кларку: «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии».

Стяжки и были магией.

Как был ею и этот странный и прекрасный звездолёт, что двигался, пренебрегая законами Ньютона…

Кейт глубоко вздохнул. Он знал, что сейчас должно произойти, чувствовал каким-то шестым чувством. Сейчас он встретится со строителями Стягивающей сети.

Линия полёта челнока через причальный отсек постепенно отклонилась к низу, и вскоре он

мягко опустился на нижнюю его плоскость. Кейт почувствовал, как возвращается вес. Гравитация медленно усиливалась, и он опустился на пол. Тяжесть увеличивалась и после этого, достигла стандартного уровня, принятого на борту «Старплекса», и продолжила расти. Кейт ощутил приступ паники, боясь, что в конечном итоге его раздавит, как медузу.

Однако вскоре увеличение тяжести прекратилось, и Кейт осознал, что теперь она находится на уровне, который он поддерживал у себя в каюте: на девять процентов больше, чем общий для всего Содружества стандарт и в точности равный силе тяжести на Земле на уровне моря.

А потом, внезапно, всё вокруг стало вдруг… знакомым.

Стало Землёй.

Опушка смешанного леса. Клёны и ели поднимаются к небу того оттенка голубого цвета, какого не было ни на одной планете, где ему довелось побывать. Солнечный свет в точности того цвета, что даёт Солнце — и «антиностальгические» лампы, что Рисса установила в их квартире на «Старплексе». По правую руку — озеро, покрытое листьями лилий и заросшее по краям камышом. Над головой характерная перевёрнутая V

птичьей стаи — да это же канадские гуси! — и, рассеивая последние сомнения, бледный серпик растущей луны, с Морем Спокойствия и круглым пятном Моря Кризисов у края.

Иллюзия, конечно же. Виртуальная реальность. Чтобы он чувствовал себя как дома. Возможно, они читают его мысли, или же уже вступали в контакт с другими землянами.

На челноке был установлен только самый базовый набор сенсоров. Однако было ясно, что воздух в причальном отсеке есть. Кейт слышал… боже, стрёкот сверчков, кваканье лягушки-быка, и… да, пронзительный крик гагары; всё это доносилось снаружи сквозь корпус челнока. Конечно, взять пробу воздуха нечем, но ведь не может быть, чтобы они правильно воспроизвели такие мелкие детали и при этом напортачили с составом пригодной для дыхания человека атмосферы.

И всё же он медлил. Поездка на Тау Кита предполагалась совершенно рутинной; перед отлётом Кейт не позаботился даже проверить, есть ли в аварийном комплекте челнока скафандр.

Однако это было несомненным приглашением — приглашением к первому контакту. А первый контакт — это как раз то, ради чего создавали «Старплекс». Кейт набрал на консоли комбина-

цию, снимающую блокировку входного шлюза в то время, когда челнок не пристыкован к кольцу доступа. Стеклосталевая панель скользнула вверх, на крышу челнока.

Кейт сделал осторожный вдох… и чихнул.

Черт возьми, подумал он, пыльца амброзии! Эти ребята действительно знают своё дело.

Он снова чихнул и ощутил весь набор запахов, какой ощутил бы, если бы и правда очутился сейчас на Земле. Запахи полевых цветов, травы, влажной древесины, смешанные с тысячей других. Кейт вышел наружу.

Они подумали обо всём. Идеальная реконструкция. Надо же, ноги даже оставляют следы на мягкой почве — эффект, на котором спотыкается большинство систем виртуальной реальности. Сквозь подошву башмаков он ощущал текстуру почвы, чувствовал, как она подаётся под каждым его шагами, как пружинит под его весом сминаемая трава, как упирается в подошву твёрдый камешек. Всё было до того реально, что…

Да виртуальность ли это? Может быть, его перенесли на Землю? Создатели стяжек должны знать, как преодолевать бездны пространства в мгновение ока. Может быть, это и есть реальность?

Но внутри причального отсека не было второй стяжки, и пурпурных вспышек излучения Содерстрёма он не заметил. И, кроме того, где на Земле сейчас найдёшь такое нетронутое дикое место? Кейт взглянул на небо в поисках инверсионного следа самолёта или орбитального челнока.

И всё же… Раз он чихнул, значит, они либо на самом деле синтезировали молекулы аллергенов, либо очень тонко манипулировали его сознанием. Внезапно Кейт почувствовал, как у него перехватило горло. Зоопарк! Это же поганый зоопарк, и он в нём теперь экспонатом. Его захватили, взяли в плен. Кейт резко развернулся, готовый броситься назад, к челноку, и увидел стеклянного человека.

— Привет, Кейт! — сказал человек. Всё его тело было прозрачно, словно сделанное из текучего хрусталя, меняющего форму в соответствии с его движениями. Прозрачная фигура была едва заметно окрашена в легчайший оттенок аквамарина.

Несколько секунд Кейт молчал, биение сердца заглушало все остальные звуки. Наконец, спросил:

— Вы меня знаете?

— Вроде того, — ответил стеклянный человек.

Он говорил низким мужским голосом. Его тело, хотя и явно гуманоидное, выглядело стилизованным, словно манекен в модном магазине. Голова — лишённая особенностей яйцевидная форма, сходящаяся в острый подбородок. Грудь и живот — плоские, руки и ноги, хотя и правильных пропорций — гладкие, без видимой мускулатуры. Между ног имелся прозрачный половой орган, такой же упрощённый и стилизованный, как и всё остальное.

Кейт какое-то время пялился на стеклянного человека, гадая, что будет дальше. В конце концов, пытаясь прояснить своё положение, он сказал:

— Я хочу уйти.

— Без проблем, — ответил стеклянный человек, разведя руками. — В любое время, когда пожелаешь. Твой челнок ждёт тебя.

На гладкой овальной голове не было никаких признаков речевого отверстия, но уши Кета свидетельствовали, что звук исходит именно из неё.

— Это… это зоопарк? — спросил Кейт.

Что это был за звук? Хрустальный смешок?

— Нет.

— И я не пленник?

Снова этот звук.

— Нет. Ты… ведь есть такое слово «гость»? Да,

ты мой гость.

— Откуда вы знаете английский?

— На самом деле не знаю. Мой счислитель переводит мои слова для тебя.

— Это вы создали стяжки?

— Создали что?

— Стяжки. Межзвёздные переходы, звёздные врата, порталы — как вы их называете?

— Стяжки, — повторил стеклянный человек, кивая. — Удачное название. Да, это мы их создали.

Кейт ощутил, как участился пульс.

— Чего вы хотите от меня?

Снова звук стеклянных колокольцев.

— Расслабься, Кейт, никто не желает тебе вреда. У вас ведь есть какие-то стандартные слова, которые ты должен произнести в ситуации первого контакта? Или она ещё не наступила?

Не наступила?

— Э-э… да. — Кейт с трудом сглотнул. — Я, Ж. К. Лансинг, директор «Старплекса», дружески приветствую вас от имени Содружества Планет, мирного сообщества четырёх разумных рас с трёх миров.

— О, уже лучше. Благодарю.

Кейт отчаянно пытался уложить всё это голове:

прозрачного гуманоида, имитацию леса, прекрасный звездолёт, перехват челнока.

— И всё же я хотел бы знать, чего вы от меня хотите, — сказал он, наконец.

Стеклянный человек склонил свою яйцевидную голову без лица к Кейту.

— Возможно, это прозвучит мелодраматично, но на карту поставлена судьба Вселенной.

Кейт моргнул.

— Но даже более того, — продолжал стеклянный человек, — мне нужно задать тебе несколько вопросов. Потому что, видишь ли, Кейт Лансинг, в твоих руках ключи не только от грядущего, но и от прошлого.

Глава II

Новый сектор пространства — и притом открытый вне графика.

Примчавшись на мостик, Кейт и Рисса вошли через дверь левого борта, что означало необходимость пройти мимо поста Лианы Карендоттир. Лиана, блестяще образованная (магистерская степень по электротехнике Массачусетского технологического) и ослепительно красивая молодая азиатка с копной платиновых волос, перехваченных золотыми клипсами, появилась на «Старплексе» шесть недель назад после исключительно успешной стажировки на должности главного инженера большого коммерческого гиперлайнера. Она улыбнулась Кейту, когда тот проходил мимо, и её улыбка была подобна взрыву сверхновой. Кейт почувствовал, как что-то переворачивается у него внутри.

Мостик «Старплекса» выглядел так, словно у него не было ни стен, ни пола, ни потолка. Вместо них была сферическая голограмма окружающего корабль пространства, и вахтенные консоли словно висели среди звёзд. Собственно, поме-

щение имело прямоугольную форму, с дверями в каждой из четырёх стен, однако двери, прикрытые голограммой, терялись среди звёздных полей. Когда створки дверей разъезжались в стороны и становился виден коридор за ними, это выглядело так, словно разрывается ткань самого пространства. Над каждой дверью, словно бы паря в космосе (а на самом деле прикреплённые к невидимой стене) светились три циферблата, показывающие время в системах исчисления, принятых в мирах Содружества.

Когда Кейт и Рисса бросились к своим консолям, они словно бежали в пустоте.

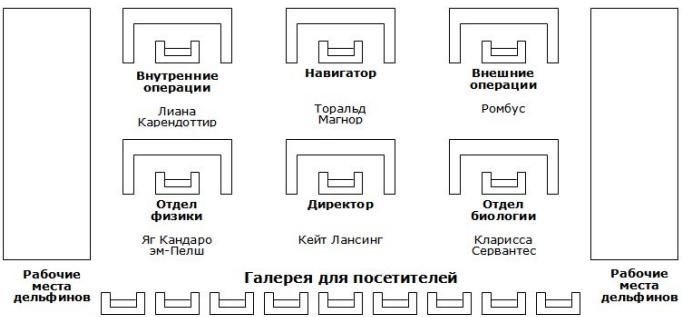
Вахтенные консоли были выстроены в два ряда по три консоли в каждом; место директора было в середине заднего ряда. Передний ряд был занят дежурной сменой; консоли заднего ряда использовались только по мере необходимости: у Яга, Кейта и Риссы были отдельные офисы, в которых они выполняли бо́льшую часть своей работы. Монитор Кейта, как всегда в его отсутствие, показывал список лиц, допущенных в данный момент на мостик. В настоящее время вахту несла смена «альфа» в обычном составе:

Внутренние операции Лианна Карендоттир	Навигатор Торальд Магнор	Внешние операции Ромбус
Отдел физики Яг Кандаро эм-Пелш	Директор Кейт Лансинг	Отдел биологии Кларисса Сервантес

Менеджер внутренних операций отвечал за всё, происходящее на борту, включая оборудование самого корабля. На противоположной от него стороне мостика располагался менеджер внешних операций, в чьём ведении находились причальные ангары, а так же все задания, выполняемые размещёнными там пятьюдесятью четырьмя малыми судами. По левую руку от Кейта была консоль Яга, главы физического отдела. По правую — консоль Риссы, главы отдела биологических наук.

Так как большинство физических исследований выполнялось на борту корабля, имело смысл разместить консоли внутренних операций и физических исследований друг напротив друга. Лиана могла либо повернуться на вращающемся кресле, либо развернуть всю свою консоль, чтобы оказаться лицом к Ягу. Аналогично, большая часть биологических исследований велась за пре-

делами корабля, и Ромбус за консолью внешних операций мог легко консультироваться с Риссой, не мешая другим. Впрочем, Ромбус, будучи ибом, обладал круговым зрением, и ему не нужно было поворачиваться, чтобы увидеть Риссу.



Рабочие места на мостике «Старплекса»

Чтобы ещё более облегчить общение, десятисантиметровые голограммы голов Лианы и Тора, а так же всего тела Ромбуса проецировались в реальном времени на края консолей Яга, Кейта и Риссы соответственно. Точно так же, над консо-

лями переднего ряда парили изображения голов тех, кто занимал консоли заднего ряда.

У каждой из четырёх стен помещения располагались обширные бассейны, накрытые противобрызговым силовым полем; функции любой из консолей могли быть переданы дельфину в одном из бассейнов. Позади консолей располагался ряд из девяти поликресел для сторонних посетителей.

Кейт наблюдал, как через двери правого борта входит Яг. Валдахуд двигался на фоне звёздных россыпей, часто перебирая коренастыми задними ногами и держа остальные четыре конечности навесу. Из одежды на нём был лишь свисающий с туловища пояс с карманами и похожая конструкция меньшего размера, обёрнутая вокруг верхней левой руки. Проклятый зануда разгуливал практически голым, если не считать густого меха, тогда как Кейт трясся от холода. В общих помещениях корабля температура поддерживалась на уровне пятнадцати градусов — эквивалент жаркого летнего полдня на Реболло. Выходя из своей квартиры, Кейт каждый раз ждал, что у него изо рта пойдёт пар.

Яг уселся, и экраны его мониторов автоматически сменили конфигурацию, сделавшись

в высоту вдвое больше, чем в ширину. Яг мог смотреть на два экрана одновременно, задействовав для каждого одну пару расположенных друг над другом глаз. Валдахудский мозг, как и человеческий, разделялся на два полушария, но у валдахудов каждое из них могло обрабатывать стереоскопическое изображение независимо.

Лицо Яга ничего не выражало — хотя Кейт и не умел читать валдахудскую мимику. Их стычка в коридоре час назад, по-видимому, не заслуживала комментариев. Ничего личного, только бизнес.

Кейт покачал головой и отвернулся. За навигационной консолью сидел Торальд Магнор, исполинских размеров мужчина под пятьдесят с огненно-рыжей бородой. Поликресло же консоли внешних операций было убрано в пол, а сама консоль опущена вниз для удобства её текущего хозяина. Ромбус, как и все ибы, формой напоминал каменное кресло на колёсах с сидящим на нём арбузом.

Один из мониторов Кейта уже показывал отчёт ГАОС (Гиперпространственной Астрофизической Обсерватории Содружества) о новооткрытой стяжке. Выход канала располагался в рукаве Персея, в примерно девяноста тысячах световых лет

от их текущего местонахождения. И это всё, что было о ней известно помимо того, что недавно что-то в неё вошло и тем самым активировало. Что это было за «что-то» и куда оно направилось по Стягивающей сети — можно было только гадать.

— Ну, хорошо, — сказал Кейт, — приступим. Начнём со стандартного зонда класса «альфа». Тор, подведите нас к стяжке на двадцать кликов.

— Две секунды, босс, — откликнулся Тор. Кейт видел одновременно его лицо на миниатюрной голограмме и затылок реального Тора, сидящего за рулевой консолью. Лицо у него было широкое и грубое, заросшее густой бородищей. Кейт как-то видел викингский шлем на полке в его каюте — он прекрасно бы ему подошёл. — Производится швартовка.

Несколькими секундами спустя вспыхнула огнями сенсорная сеть Ромбуса.

— С удовольствием докладываю, что «Марк Гарно»[4] успешно пристыковался в причальной зоне восемь, — произнёс голос с британским акцентом в ухе Кейта. По сложившейся традиции перевод речи валдахудов на английский

---

[4] Примечания: 4
Первый канадский астронавт (полёты в 1984 и 1996). *(Прим. перев.)*

воспроизводился со старомодным нью-йоркским акцентом, тогда как для речи ибов использовалось британское произношение. Это помогало быстрее разобраться, кто что говорит, поскольку в случае автоперевода звук всегда шёл из одного источника — кохлеарного импланта в ухе.

— Хорошо, босс, — сказал Тор, — поехали.

Кейт видел, как руки Тора забегали по рулевой консоли. Минут через пять рисунок созвездий за бортом застыл на месте.

— Выполнено, босс. Двадцать тысяч метров от стяжки, тютелька в тютельку.

— Спасибо, — сказал Кейт. — Ромбус, запускайте зонд.

Похожие на верёвки тонкие щупальца Ромбуса хлестнули по консоли, словно наказывая её за неповиновение. Его сенсорная сеть вспыхнула.

— С удовольствием выполняю.

Схематическое изображение зонда появилось на мониторе Кейта: серебристый цилиндр четырёх метров в длину и метр в диаметре, поверхность которого утыкана сканерами, сенсорами и объективами камер. На зонде имелся только маршевый реактивный двигатель и четыре кластера конических двигателей ориентации; гиперпространственный двигатель был слиш-

ком дорог для аппарата, который запросто мог не вернуться.

Зонд получил начальное ускорение в одной из корабельных катапульт, установленных на внешних модулях «Старплекса». Как только он покинул корабль, команда увидела свечение его двигателя на окружающей мостик голографической сфере. В полёте зонд вращался вокруг оси, обеспечивая круговой обзор каждому из установленных на нём инструментов.

Цель его полёта не была видна — по крайней мере, пока. Однако его курс был рассчитан так, чтобы он вошёл в стяжку точно под углом, указанным в сообщении ГАОС. Достигнув стяжки, зонд просто исчез, поглощённый крошечным кольцом фиолетового пламени.

— Умиротворённо констатирую, что проход сквозь стяжку выполнен успешно, — объявил Ромбус с рафинированными оксфордскими интонациями.

Началось ожидание. Каждый из присутствующих демонстрировал напряжение в присущей ему манере. Лианна барабанила пальцами по консоли. По сенсорной сети Ромбуса пробегали случайные огоньки, не складывающиеся в осмысленный узор. Яг дёргал себя за шерсть и

поскрипывал зубными пластинами, производя звук, схожий со звуком мела по доске. Кейт поднялся с места и ходил туда-сюда. Рисса погрузилась в разбор файлов на своём компьютере. Лишь невозмутимый Торальд Магнор выглядел абсолютно спокойным: положив ноги на свою консоль, он откинулся на спинку кресла и сцепил руки на заросшем длинной рыжей гривой затылке.

Однако, несмотря на его беспечный вид, причины для беспокойства были серьёзные. Десять лет назад «бумеранг», запущенный с Тау Кита достиг своей цели, неактивированной стяжки поблизости от Теят Постериор, звезды класса M3 в созвездии Близнецов. Этот «бумеранг» так и не вернулся на Тау Кита. Вместо него, примерно в то время, когда зонд ожидали у Тау Кита, из стяжки близ Реболло выскочил гладкий металлический шар. Анализ показал, что шар был тем, во что превратился зонд после того, как некий процесс на короткое время прервал все молекулярные связи в составляющих его материалах.

Слово «процесс» было намеренно использовано в сообщениях для прессы, но многие считали, что никакое природное явление не могло привести к такому результату, даже если бы стяжка

открывалась в недрах звезды. Гипотетических существ, ответственных за произошедшее с зондом, окрестили хлопниками, потому что они, по-видимому, хлопнули межзвёздной дверью перед коллективным лицом Содружества.

К Теят Постериор были высланы дополнительные зонды (из точек, максимально удалённых от планет Содружества), снабжённые всеми возможными средствами защиты и экранирования, однако достичь цели они должны были лишь через два года. До тех пор загадка хлопников оставалась неразрешённой, и всегда было опасение встретить их по другую сторону новых узлов сети.

— С облегчением регистрирую тахионный выброс, — объявил Ромбус.

Кейт перевёл дыхание; он и не заметил, что задержал его. Выброс означал, что что-то проходит через стяжку — зонд возвращался. Стяжка раскрылась из бесконечно малой точки, образовав метрового диаметра портал с фиолетовой каймой. Цилиндрический объект выскочил из него. Кейт удовлетворённо качнул головой: зонд выглядел неповреждённым. Он приблизился к «Старплексу» на собственной тяге (то есть его электронная начинка работает нормально) и

исчез в причальной трубе. В причальной зоне к нему сразу же подключились кабели, и данные начали загружаться в ФАНТОМ — центральный компьютер «Старплекса».

— Ну что ж, давайте смотреть, — сказал Кейт, и Ромбус сразу же заменил сферическую голограмму окружающего «Старплекс» космоса на материал, отснятый зондом по ту сторону стяжки. На первый взгляд изменился только рисунок созвездий. По мостику пронёсся вздох разочарования. Каждый надеялся, что будет виден корабль — корабль разумной расы, активировавшей стяжку.

Яг поднялся со своего места и вышел в проход между двумя рядами консолей. Сначала он осмотрел всю панораму нового сектора, поворачиваясь на копытах вокруг себя, а потом начал комментировать увиденное.

— Ну что же, — произнес голос с бруклинским акцентом поверх лающих звуков его родного языка, — это выглядит как совершенно обычный участок космоса. Именно то, чего можно ожидать от рукава Персея — много голубых звёзд, распределённых не особенно плотно. Ни Галатх, ни Местожар отсюда не видны, однако Сол можно разглядеть в телескоп.

Он начал обходить мостик по периметру, цокая копытами по невидимому полу.

— Единственный объект, достаточно яркий, чтобы быть ближайшей звездой главной последовательности — вот этот, — он указал на бело-голубую точку, которая действительно выглядела ярче остальных. — Впрочем, её диск не различим, так что до неё по меньшей мере несколько миллиардов километров. Разумеется, когда мы пройдём на ту сторону, то проведём параллактические измерения с помощью двух зондов и определим точное расстояние; я бы не надеялся найти у звезды класса А обитаемые планеты, но она будет подходящей отправной точкой для поисков того, кто активировал стяжку.

— Как по-вашему, безопасно ли проходить на ту сторону? — спросил Кейт.

Валдахуд повернулся к нему; его левая пара глаз моргнула.

— Я не вижу никаких очевидных признаков опасности, — ответил он. — Я, конечно, изучу прочие данные, собранные зондом, но пока всё выглядит как совершенно обычный космос.

— В таком случае, давайте попробуем…

— Одну секунду, — прервал его Яг, по-видимому, заметивший что-то на участке голограммы

над плечом Кейта. Он подошёл к директору, но не остановился, а двинулся дальше мимо галереи для наблюдателей. — Одну секунду, — повторил он. — Ромбус, какова продолжительность оставшейся записи?

— С раскаянием признаю, что запись зонда закончилась две минуты назад, — ответил иб из-за консоли внешних операций. — Сейчас она демонстрируется повторно.

Яг подошёл вплотную к стене помещения — как будто это могло помочь ему лучше рассмотреть объекты на голограмме — и уставился в темноту.

— Вот эта область, — сказал он, очерчивая на фоне звезд широкий круг левой верхней рукой. — Здесь что-то не так… Ромбус, ускорьте запись. Воспроизводите с десятикратной скоростью в бесконечном цикле.

— Смиренно выполняю, — сказал Ромбус, быстро шевельнув щупальцами.

— Этого не может быть, — воскликнул Тор, который тоже повернулся посмотреть. Он даже привстал с кресла.

— Но это есть, — сказал Яг.

— Что «это»? — спросил Кейт.

— Вы видите то же, что и я, — ответил Яг. —

Смотрите.

— Я лишь вижу, что несколько звёзд мерцают.

Яг пожал верхними плечами — валдахудский эквивалент кивка.

— Именно. Мерцают, словно ясной зимней ночью на вашей дивной Земле. Только есть проблема. Звёзды не мерцают в пустоте.

Гамма Дракона

В твоих руках, сказал стеклянный человек, ключи не только от грядущего, но и от прошлого. Его слова продолжали звучать у Кейта в голове. Он снова посмотрел на окружающие его деревья, озеро, синее небо. Ну да, ну да — Стеклянный сказал, что это не клетка, что он может уйти в любой момент. И всё же голова шла кругом. Может быть, всего слишком много для одного раза, несмотря на попытку Стеклянного создать привычную обстановку. Или, возможно, это ощущение было побочным эффектом произведённого Стеклянным зондирования памяти — Кейт всё ещё допускал, что что-то такое имело место. Так или иначе, голова кружилась, и он решил присесть на траву. Сначала сел на пятки, но потом принял более удобную позу, вытянув ноги в сторону. И снова поразился, увидев, что колени запачкались травяным соком.

Стеклянный человек легко перетёк в позу лотоса в нескольких метрах от Кейта.

— Ты сказал, тебя зовут Ж. К. Лансинг.

Кейт кивнул.

— А что означает «Ж»?

— Жильбер.

— Жильбер, — повторил Стеклянный, удовлетворённо кивая, будто услышал нечто важное.

Кейт озадаченно пояснил:

— Ну да, я живу под вторым именем, — он неловко усмехнулся. — А что делать, если первое имя — Жильбер?

— Сколько тебе лет? — спросил Стеклянный.

— Сорок шесть.

— Сорок шесть? Всего сорок шесть? — в его голосе слышалось что-то странное. Изумление? Разочарование?

— Э-э… ну да. Сорок шесть. Земных лет, разумеется.

— Так молод… — проговорил Стеклянный.

Кейт вопросительно поднял бровь, вспомнив о своей зарождающейся лысине.

— Расскажи мне о своей паре, — попросил Стеклянный.

Глаза Кейта сузились.

— Что в этом может быть для вас интересного?

Снова звон эоловых колокольцев.

— Мне всё интересно.

— Но вопросы про мою семью… наверняка ведь есть более важные вещи для обсуждения.

— А есть вещи, которые более важны для тебя?

Кейт на секунду задумался.

— Нет… Пожалуй что нет.

— Тогда расскажи мне о… о ней, я полагаю?

— Да, о ней.

— Расскажи мне.

Кейт пожал плечами.

— Ну, её зовут Рисса. Это сокращение от Кларисса. Кларисса Мария Сервантес. — Кейт улыбнулся. — Её фамилия всегда напоминает мне о Дон Кихоте.

— О ком?

— Дон Кихот из Ла-Манчи. Это персонаж романа, написанного писателем по имени Сервантес. — Кейт помедлил. — Вам бы понравился Сервантес — у него есть книга о стеклянном человеке. В общем, Дон Кихот был странствующим рыцарем, которого захватила романтика благородных поступков и который стремился достичь недостижимого. Но…

— Но что?

— Забавно, что Рисса называла *меня* донкихотствующим идеалистом.

Стеклянный озадаченно качнул головой, и Кейт сообразил, что ему не очевидна связь между неизвестными ему и на первый взгляд не свя-

занными между собой словами «Дон Кихот» и «донкихотствующий», звучащими по-английски совершенно непохоже.[5] — «Донкихотствующий» значит ведущий себя как Дон Кихот, — пояснил Кейт. — Мечтательный, романтичный, непрактичный — идеалист со склонностью к исправлению несправедливостей. — Он засмеялся. — Нет, я, конечно, не собирался любить Риссу чисто и целомудренно на расстоянии, но, полагаю, я действительно склонен встревать в конфликты, которые другие люди обошли бы стороной, часто даже не заметив, и…

Яйцевидная прозрачная голова снова слегка качнулась.

— И…?

— Ну, — Кейт развёл руками, словно охватывая не только окружающую имитацию леса, но и всё, что было за ней, — мы ведь достигли недостижимых звёзд, не так ли? — Он помолчал, чувствуя себя немного сбитым с толку. — Так вот, о Риссе. Мы женаты — образуем постоянную пару — уже двадцать лет. Она биолог — экзобиолог, если быть точным; её специализация — формы жизни, зародившиеся не на Земле.

---

[5] Примечания: 5

Слова Quixote и quixotic произносятся по-английски по-разному: как «кехоте» и «квиксотик» соответственно. *(Прим. перев.)*

— И ты её любишь?

— Очень.

— У вас есть дети.

Кейт решил считать это вопросом, хотя в голосе Стеклянного не было вопросительной интонации.

— Один. Его зовут Сол.

— Сол? Как вашу звезду?

— Нет. Звучит так же, но пишется S-A-U-L. В честь моего лучшего друга, Сола Бен-Абрахама. Он погиб.

— Так значит полное имя твоего сына… Сол Лансинг-Сервантес?

Кейт удивился, как быстро Стеклянный уловил принцип образования людских имён.

— Да, именно так, — ответил он.

— Сол Лансинг-Сервантес, — повторил Стеклянный, качая головой, словно погружённый в раздумья. Потом снова посмотрел на Кейта. — Прости. Очень музыкально звучит.

— Что показалось бы вам забавным, если бы вы с ним были знакомы, — сказал Кейт. — Я люблю сына, но ещё не встречал человека с меньшими способностями к музыке. Ему сейчас девятнадцать, он учится в университете. Изучает физику — вот к этому у него несомненные способности,

и я думаю, что когда-нибудь он сделает себе имя в этой области.

— Сол Лансинг-Сервантес… твой сын… — задумчиво произнёс Стеклянный. — Поразительно. Но мы снова отклонились. Мы говорили о Риссе.

Кейт некоторое время озадаченно смотрел на него, потом пожал плечами.

— Она замечательная женщина. Умная. Добрая. Весёлая. Красивая.

— И ты говоришь, вы образуете с ней постоянную пару?

— Да.

— И это называется… моногамия, так правильно? Ты не имеешь отношений ни с кем другим?

— Да.

— Без исключений?

— Без исключений, да. — Кейт помедлил. — Пока что.

— Пока что? Ты обдумываешь возможность изменений в ваших отношениях?

Кейт посмотрел в сторону. Боже, это какое-то безумие. Ну что может знать инопланетянин о человеческом браке?

— Пропустим это.

— Прости?

— Пропустим, проедем. Сменим тему.

— Ты чувствуешь вину, Кейт?

— Да что это… вы что — моя совесть?

— Я просто интересуюсь, не более.

— Поинтересуйтесь чем-нибудь другим.

— Извини, Кейт, — сказал Стеклянный. — Где вы с Риссой познакомились?

— Ла-Бель-Орор. Немцы были в сером, она — в голубом[6].

— То есть?

— Простите. Это цитата; так говорил другой странствующий рыцарь. Мы встретились на вечеринке в Новом Пекине — это земная колония на Тау Кита IV. Она работала в одной лаборатории с моим школьным знакомым.

— Это было… как это говорится? Это была любовь с первого взгляда?

— Нет. Да. Не знаю.

— И вы женаты уже двадцать лет?

— Почти. Годовщина на следующей неделе.

— Двадцать лет, — сказал Стеклянный. — Одно мгновение.

Кейт нахмурился.

— На самом деле это считается достижением — сохранить брак так долго.

---

[6] Примечания: 6
Цитата из фильма «Касабланка» (1949). *(Прим. перев.)*

— Прошу прощения за моё замечание, — сказал Стеклянный. — Мои поздравления. — Пауза. — Что тебе нравится в Риссе больше всего?

Кейт пожал плечами.

— Не знаю. Несколько вещей. Мне нравится, что она довольна тем, кто она есть. Мне вот приходится держать марку — иногда прикидываться более изысканным и утончённым, чем я есть на самом деле. В сущности, довольно многие люди, достигшие определённого положения в обществе, страдают от так называемого «синдрома самозванца» — страха того, что окружающие поймут, что они не заслуживают того, что имеют. Признаю, что я немного этому подвержен; Рисса же к такому совершенно невосприимчива. Она никогда не притворяется не такой, какая есть.

Стеклянный кивнул.

— И я люблю её уравновешенность, сдержанность её характера. Когда что-то идёт не так, я начинаю психовать и расстраиваюсь. Она же лишь улыбается и делает именно то, что нужно, чтобы исправить ситуацию. Или, если исправить невозможно, она просто принимает всё как есть. — Кейт помолчал. — Во многих отношениях Рисса гораздо лучший человек, чем я сам.

Стеклянный на секунду будто бы задумался над

его словами.

— Судя по всему, Кейт, за такую женщину надо держаться обеими руками.

Кейт озадаченно уставился на прозрачного человека.

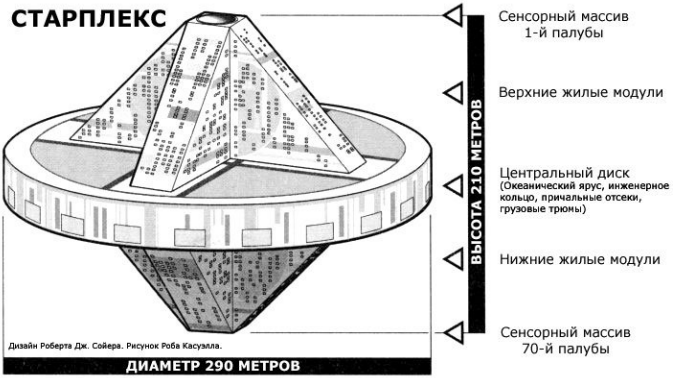
Глава III

Детские кубики. Именно такое сравнение пришло в голову Кейту два года назад, когда он наблюдал за монтажом компонентов «Старплекса» на орбитальной верфи Реболло. Гигантский корабль состоял из всего девяти частей, восемь из которых выглядели полностью идентичными.

Самым большим кубиком была комбинация из центрального диска и осевой шахты. Диск имел 290 м в диаметре и 30 м в толщину. Квадратная в сечении шахта торчала из диска на 90 метров с каждой стороны; таким образом, общая высота корабля составляла 210 м. На каждом торце осевой шахты была установлена параболическая антенна радио- и гиперпространственного телескопа.

Центральный диск состоял из трёх широких колец, опоясывающих осевую шахту. Внутреннее кольцо радиусом 95 м представляло собой огромное пустое пространство, которое должны были заполнить 686000 кубометров солёной воды, образовав океанический ярус. Второе кольцо, шириной двадцать метров и десять палуб в тол-

щину, занимали инженерные службы. Внешнее кольцо состояло из восьми исполинских грузовых трюмов и двадцати причальных ангаров, чьи шлюзовые ворота были равномерно распределены по ребру центрального диска.



Остальные восемь блоков были жилыми модулями. Каждый из них представлял собой равнобедренный прямоугольный треугольник с длиной бедра 90 м и 30 м в толщину. Каждый

модуль крепился к одной из сторон квадратной в сечении осевой шахты, торчащей из центрального диска: четыре модуля с верхней стороны и четыре с нижней. В боковой проекции корабль представлял собой ромб с пронзающей его перекладиной; при взгляде сверху он выглядел кругом со вписанным в него крестом, образованным жилыми модулями.

В каждом из жилых модулей было по тридцать палуб. Любой из модулей мог быть быстро заменён, чтобы разместить новый вид разумных существ с особыми потребностями либо специальное оборудование; кроме того, он мог быть отделён от корабля и оставлен в другой звёздной системе в качестве базы для долгосрочных исследований.

В первый год после начала работы «Старплекса» его миссии были небогаты событиями. Однако сейчас, наконец, возникла реальная ситуация первого контакта, которая подвергнет все возможности огромного корабля окончательной проверке.

* * *

В новооткрытый сектор был выслан второй, лучше оборудованный зонд. Он также обнаружил

мерцающие звёзды, а его гиперпространственные телескопы зафиксировали в том направлении массу, сравнимую с массой звёздной системы. Для того, чтобы понять, как именно эта масса распределена, нужны были телескопы побольше, такие, какие нёс «Старплекс» на торцах осевой шахты.

Следующим на другую сторону стяжки отправился пилотируемый корабль с экипажем из человека и иба из команды Яга; он должен был провести более детальную рекогносцировку, но не входить в область пространства, вызывавшую мерцание звёзд. Сквозь стяжку невозможно поддерживать непрерывную связь, поэтому если корабль попадёт в беду, то «Старплекс» узнает об этом слишком поздно, чтобы помочь. Однако разведчики выполнили всеполосное электромагнитное сканирование, поиск источников искусственных радиосигналов по всей небесной сфере и прочие измерения. Разведчики вернулись на «Старплекс» и доложили, что на другой стороне не замечено очевидных опасностей, хотя причины мерцания звёздного поля яснее не стали.

Кейт подождал, пока данные двух зондов и корабля-разведчика будут полностью проанализированы всеми отделами. Затем, убедившись,

что все оценивают риск предстоящего манёвра как низкий, он отдал приказ Тору провести «Старплекса» через стяжку в новооткрытый сектор космоса.

Многие говорят «червоточина» или «туннель», считая это синонимом «стяжки», но фактически это не так. Между входом в стяжку и выходом из неё нет никакого туннеля; там вообще ничего нет. Стяжка — словно дверь между комнатами в доме с бумажными стенами: проходя через дверь, ты частично находишься в одной комнате, и частично в другой. Всё так же просто — кроме того, что комнаты разделены многими световыми годами.

Содружество постепенно выяснило принципы передвижения по стягивающей Сети. В нормальном пространстве неактивная стяжка представляет собой математическую точку. Однако в гиперпространстве эту точку окружает облако обращающихся вокруг неё тахионов. Тахионы движутся по миллионам полярных орбит на равных угловых расстояниях друг от друга, но на одной из них тахион описывает лишь половину окружности, двигаясь по ней взад-вперёд. Этот разрыв в тахионной сфере определяет «нулевой меридиан», позволяющий рассматривать сферу

как обычный глобус с координатной системой широт и долгот.

Чтобы воспользоваться стяжкой, нужно двигаться к ней по прямой линии. Координаты точки, в которой эта линия пересекает сферу, и определяют выходную стяжку маршрута. Таким образом, точка выхода из сети является функцией угла входа в сеть.

Разумеется, чтобы всё это сработало, должна существовать активная стяжка, не связанная ни с одной из известных цивилизаций — иначе самому первому кораблю, проходящему через самую первую стяжку в самый первый раз, просто негде бы было выйти. Эта изначальная стяжка — Локус Прайм — была, несомненно, бесплатным бонусом от строителей Стягивающей сети. Она располагалась в самом сердце Млечного Пути, поблизости от гигантской чёрной дыры в центре Галактики. Запущенные с Земли исследовательские зонды, разумеется, не обнаружили в том секторе никаких признаков жизни; для этого в галактическом ядре слишком высокий уровень жёсткого излучения.

В начале существования Содружества было лишь четыре активных стяжки: Тау Кита, Реболло, Плоскон и Локус Прайм. По мере активации

новых стяжек допустимые углы сближения для выхода в определённом узле сети сужались. После того, как сеть пополнилась дюжиной новых узлов, стало очевидно, что для путешествия на Тау Кита корабль должен пересечь тахионную сферу в точке с координатами 115° восточной долготы и 40° северной широты. На Земле такие координаты имеет Пекин, откуда и пошло название земной колонии на Сильванусе, четвёртой планете Тау Кита — Новый Пекин.

Когда корабль касается стяжки, математическая точка расширяется — однако лишь в двух измерениях. Она формирует дыру в пространстве, перпендикулярную вектору скорости корабля. Форма дыры всегда соответствует сечению проходящего через неё тела. Проход обрамляет фиолетовое сияние излучения Содерстрёма, испускаемого протекающими в обычное пространство тахионами в момент их превращения в релятивистские частицы.

Наблюдатель, который смотрит на стяжку спереди, видит, как проходящий через неё корабль исчезает в кольце фиолетового сияния. Если смотреть с обратной стороны, то видно лишь закрывающее часть звёздного неба пятно пустоты той же формы, что и проходящий стяжку объект.

Когда корабль завершает проход, стяжка снова схлопывается в неразличимую точку в ожидании нового межзвёздного путешественника.

* * *

Тор включил ходовое оповещение — пять ударов барабана, каждый последующий громче предыдущего. Кейт тронул клавиши, и его монитор номер два переключился в полиэкранный режим. Одна его половина показывала нормальное пространство, в котором стяжка была невидима; на другой половине расположилось сгенерированное компьютером по данным гиперпространственных сканеров изображение стяжки в виде яркой белой точки на зелёном фоне, окружённой светящейся оранжевой сферой силовых линий.

— Порядок, — сказал Кейт. — Сделаем это.

Тор щелкнул переключателем.

— Как скажете, босс.

«Старплекс» преодолел двадцать километров, отделяющие его от стяжки, и коснулся её. Стяжка расширилась, охватывая его ромбовидный профиль фиолетовым контуром. Пока «Старплекс» совершал переход, окружающий мостик голографический пузырь показывал два не сов-

падающих рисунка созвездий и разделяющую их огненную полосу, смещающуюся от носа к корме. Как только корабль совершил переход, стяжка снова сжалась в неразличимое ничто.

И вот они здесь, в рукаве Персея, разом перескочив через две трети диаметра Галактики, в десятках тысяч световых лет от дома.

— Стяжка пройдена штатно, — доложил Тор. Крошечная голограмма его лица, парящая над консолью Кейта, накладывалась на его реальный затылок, и рублёные черты его лица словно растворялись в океане рыжих волос.

— Отлично сработано, — похвалил Кейт. — Выбросить маркировочный буй.

Тор кивнул и нажал несколько клавиш. Хотя стяжка хорошо видна в гиперпространстве, «Старплексу» будет тяжело найти её, если его гипервизионное оборудование вдруг выйдет из строя. В этом случае маркировочный буй, работающий в обычном радиодиапазоне и имеющий собственный гиперскоп, будет незаменим.

Яг поднялся и снова указал на область мерцающих звёзд; мерцание было хорошо заметно. Тор повернул голографический пузырь так, чтобы область мерцания оказалась точно перед ними, а не где-то над галереей для посетителей.

Лианна Карендоттир подалась вперёд, облокотившись на консоль и подперев тонкими руками подбородок.

— Так что же вызывает мерцание? — спросила она.

Позади неё Яг пожал обеими парами своих плеч.

— Уж конечно не атмосферная турбулентность, — сказал он. — Спектроскопия подтверждает, что мы находимся в нормальном космическом вакууме. Но, очевидно, что-то есть между нашим кораблём и далекими звёздами, что-то по крайней мере частично непрозрачное и движущееся.

— Тёмная туманность? — высказался Тор.

— Или, если мне будет позволено предположить, облако пыли, — сказал Ромбус.

— Я хочу знать расстояние до него, прежде чем продолжать строить догадки, — сказал Яг.

Кейт кивнул.

— Тор, осветите это… чем бы оно ни было, коммуникационным лазером.

Широкие плечи Тора шевельнулись, когда он потянулся к рычагам на противоположных краях своей консоли.

— Импульс, — объявил он.

На голографическом дисплее появились три

таймера, отсчитывающие время в минимальных стандартных единицах, принятых в системах учёта времени на трёх планетах Содружества. Кейт следил за тем, что отсчитывал секунды; число всё росло.

— Есть отражённый сигнал через семьдесят две секунды, — объявил Тор. — Что бы там ни было, оно чертовски близко — примерно в двенадцати миллионах километров.

Яг проконсультировался со своим монитором.

— По данным гиперпространственного сканирования масса заслоняющего материала очень велика — в семнадцать или более раз превышает суммарную массу планет типичной планетной системы.

— Так что это не корабли, — разочарованно заметила Рисса.

Яг пожал нижней парой плеч.

— Вероятно, нет. Хотя есть ещё небольшой шанс, что мы видим большое число кораблей — гигантский флот, перемещения отдельных судов которого заслоняют звёзды, а генераторы искусственной гравитации создают значительный прогиб в пространстве-времени. Но я в этом сомневаюсь.

— Тор, сократите расстояние вдвое, — прика-

зал Кейт. — Подведите нас на шесть миллионов километров от периферии явления. Может быть, оттуда будет видно больше деталей.

Маленькое лицо и большой затылок кивнули в унисон.

— Слушаюсь, босс.

На ходу Тор повернул корабль так, чтобы осевая шахта была направлена по ходу движения. Двигатели «Старплекса» способны двигать корабль в любом направлении независимо от его ориентации, однако радиотелескопы установлены в центре торцов осевой шахты, а оптические телескопы — по их углам.

По мере приближения становилось очевидным, что заслоняющие звёзды объекты скорее всего твёрдые и довольно большие — звёзды гасли практически моментально, без ощутимого периода постепенного уменьшения яркости. И всё же разглядеть подробности не удавалось — не хватало света. Ближайшая звезда находилась слишком далеко.

— Какие-нибудь радиосигналы? — спросил Кейт. По сложившейся недавно привычке он отключил голограмму головы Лианы над своей консолью. Раньше он ловил себя на том, что пялится на неё, что было довольно неловко в при-

сутствии сидящей за соседней консолью Риссы.

— Ничего существенного, — ответила она. — Лишь обрывки милливаттного шума вокруг линии водорода, но они почти теряются в фоновом излучении.

Кейт посмотрел на сидящего слева от него Яга.

— Идеи?

Валдахуд был явно расстроен развитием событий; его мех топорщился и торчал пучками.

— Вряд ли это пояс астероидов, особенно на таком удалении от ближайшей звезды. Можно предположить объекты из её облака Орта, но концентрация слишком велика.

«Старплекс» продолжал двигаться вперёд.

— Спектроскопия? — спросил Кейт.

— Чем бы эти объекты ни были, — рыкнул Яг, — они не светятся. Звездный свет, проходящий через менее плотные части объектов непосредственно перед полным затмением, имеет спектр поглощения, типичный для межзвёздной пыли, однако величина поглощения меньше, чем я ожидал. — Он повернулся к Кейту. — Чтобы увидеть, что происходит, нам просто не хватает света. Мы должны послать туда термоядерный осветитель.

— А что если там всё-таки корабли? — спросил Кейт. — Они могут это воспринять как нападе-

ние.

— Это почти наверняка не корабли, — заявил Яг. — Это объекты планетарных размеров.

Кейт взглянул на Риссу, на голограммы Тора и Ромбуса и на затылок Лианы, чтобы убедиться, что ни у кого нет возражений.

— Хорошо, — сказал он. — Так и сделаем.

Яг поднялся с места и подошёл к консоли Ромбуса, встав позади него. Кейта всегда забавляло зрелище их общения: Яг, лающий, как злобный пёс, и Ромбус, отвечающий мерцающими сполохами света. Поскольку они разговаривали друг с другом, ФАНТОМ не трудился переводить их разговор для Кейта, но Кейт всё равно прислушивался, просто ради практики. Валдахудский язык очень сложен для восприятия носителем английского: в нём употребляются разные наклонения в зависимости от пола говорящего и того, к кому он обращается (к примеру, самцы могут обращаться к самкам исключительно в условно-сослагательном наклонении). С другой стороны, некоторых слов в вежливой речи полагалось всеми силами избегать, чтобы не создавать двусмысленностей.

Во время разговора Яг опирался на консоль Ромбуса; средней парой конечностей валдахуды могут пользоваться и как руками, и как ногами,

но в присутствии людей вставать четыре ноги очень не любят.

Наконец, Яг и Ромбус договорились относительно характеристик осветителя. Лианна за консолью внутренних операций отдала приказ закрыть или затемнить до полной непрозрачности все иллюминаторы на палубах с первой по тридцатую. Она также задействовала защиту на чувствительных внешних камерах и сенсорах.

Когда всё было готово, Ромбус запустил осветитель — шар диаметром около двух метров — через пусковую трубу, выходящую на внешний обод центрального диска. Подождав, пока осветитель удалится от корабля на двадцать тысяч километров, Ромбус дал команду зажигания. На восемь секунд в небе вспыхнуло миниатюрное солнце.

Конечно, свету вспышки понадобилось почти двадцать секунд, чтобы достичь границы явления, заслоняющего далёкие звёзды. Выяснилось, что область явления приблизительно шарообразна, около семи миллионов километров в диаметре, так что понадобилось двадцать четыре секунды — втрое больше длительности вспышки — чтобы волна света докатилась до её дальнего края. Когда всё кончилось, Ромбус составил из снимков с частичным освещением изображение

всего явления, как если бы оно было освещено одновременно. На этой финальной голограмме собравшаяся на мостике команда наконец смогла разглядеть, с чем имеет дело.

Это были десятки серо-чёрных сфер, настолько тёмных, что их освещённая сторона практически не отличалась от неосвещённой.

— Каждая из них размером примерно с Юпитер, — сказал Тор, сверяясь с результатами измерений у себя на мониторе. — Диаметр наименьшей 110000 км, наибольшей — около 170000. Они собраны в сферическом объёме диаметром семь миллионов километров, или примерно пять диаметров Солнца.

Отдельные сферы выглядели как чёрно-белые фотографии Юпитера, только без аккуратных широтных полос облачности. Облака — или что бы ни создавало видимые глазу детали на поверхности — скорее образовывали единый узор конвекционных ячеек от экватора до полюса, такой, какой наблюдался бы на сфере, которая не вращается или вращается очень медленно. Пространство между планетарного размера сферами заполняла призрачная дымка, состоящая из газа или мелких частиц; несомненно, именно эта дымка была ответственна за большую часть

наблюдаемых мерцательных эффектов. Общая картина планетарных сфер и обволакивающей их дымки напоминала пригоршню стальных шариков, катающихся среди груды чёрных шёлковых чулок.

— Как они… — сдавленно хрюкнул Яг, и Кейт немедленно понял, о чём он хотел спросить. Как планетарного размера объекты могут находиться так близко друг от друга? Расстояние между отдельными сферами составляло около десяти их диаметров там, где они концентрировались наиболее плотно, доходя до пятнадцати в более разреженных областях. Кейт не мог вообразить, какой набор стабильных орбит мог предотвратить падение объектов друг на друга под действием их собственного тяготения. Если это скопление сформировалось естественным путём, то это должно было произойти совсем недавно. Пролитый на загадку свет лишь сгустил вокруг неё мрак.

Глава IV

На Земле живые клетки содержат митохондрии для преобразования пищи в энергию, ундулоподии — гибкие жгутики (в том числе те, что толкают вперёд сперматозоиды), и — клетки растений — пластиды, содержащие хлорофилл. Далёкие предки этих органелл были самостоятельными свободно плавающими организмами. Они образовали симбиоз, главную роль в котором играет тот, чья ДНК теперь заключена в клеточном ядре; однако и по сей день некоторые органеллы содержат следы своей оригинальной ДНК.

На Плосконе различные организмы тоже научились сосуществовать, но на гораздо более высоком уровне. Каждый иб на самом деле представляет собой совокупность семи отдельных жизненных форм. Собственно, «иб» — это сокращение от «интегрированная биосущность».

Семь составных частей иба — это *кокон*, похожее на арбуз существо, заполненное перенасыщенным раствором, в котором растут кристаллы основного мозга; *помпа*, пищеварительно-ды-

хательная система, окружающая кокон как натянутая на зелёное пузо синяя фуфайка, чьи свисающие вниз рукава служат для приёма пищи и выброса экскрементов; пара *колёс* — мясистые обручи, покрытые кварцем; *рама,* седловидная серая конструкция, служащая осью колёсам и местом крепления другим элементам; *фасция* — пучок из шестнадцати тонких медно-красных щупалец, в спокойном состоянии сплетённых в клубок на передней части помпы и распрямляющихся при необходимости; и, наконец, сенсорная *сеть*, накрывающая помпу, кокон и верхнюю часть рамы.

В каждом пересечении двух или более волокон сенсорной сети находится глаз и биолюминисцентный орган. Хотя ибы не имеют органов речи, слышат они не хуже земных собак и доброжелательно принимают звуковые имена, которыми их наделяют представители других рас. Менеджера внешних операций «Старплекса» звали Ромбус; главного геолога — Снежинка, Венди (от диаграмм Венна) была инженером гипердвигателей, а Карета… Карета была биохимиком и вместе с Риссой трудилась над самым важным проектом в истории.

Ещё в 1972 году Римский Клуб на Земле начал

привлекать внимание к проблеме пределов роста. Однако сейчас, когда к услугам человечества были все ресурсы необозримого космоса, никаких ограничений более не существовало. К чёрту классические 2,3 ребёнка на семью. Если хочешь иметь $2x10^3$ детей, в мире достаточно места для них всех — и для тебя самого тоже. Аргумент о том, что люди *обязаны* умирать, чтобы вид мог развиваться, потерял актуальность.

Карета и Рисса пытались увеличить продолжительность жизни разумных рас Содружества. Задача устрашала — ведь столь многое в механизмах жизни оставалось тайной. Рисса сомневалась, что загадка старения будет раскрыта при её жизни, хотя в ближайшее столетие кто-нибудь должен был подобрать к ней ключ. Она в полной мере осознавала иронию ситуации: Кларисса Сервантес, исследователь физиологии старения, по всей вероятности, принадлежала к последнему поколению смертных людей.

Средняя продолжительность жизни человека составляет примерно сто земных лет. Валдахуды доживают до сорока пяти, и тот факт, что они становятся полностью зрелыми и самостоятельными к шести годам, далеко не полностью компенсирует укороченный срок жизни; неко-

торые земляне считают, что именно сознание краткости своего существования делает валдахудов столь невыносимыми. Дельфин, при должной заботе о своём здоровье, может прожить восемьдесят лет. Срок жизни каждого иба, если исключить несчастные случаи, составляет ровно 641 земной год.

По мнению Риссы и Кареты, причина такого долголетия ибов была понятна. У клеток тканей людей, валдахудов и дельфинов наблюдается предел Хейфлика: они могут делиться лишь ограниченное число раз. По иронии судьбы, клетки валдахудов имеют наибольший предел Хейфлика — около девяноста трёх, однако их жизненный цикл короче, как и срок жизни построенных из них организмов. Клетки людей и дельфинов могут делиться до пятидесяти раз. Однако органельные кластеры, составляющие тела ибов (они не имеют внешней мембраны, превращающей их в настоящую клетку) репродуцируются неограниченно. В конечном итоге ибы тоже умирают, но не от старости, а от своего рода психического короткого замыкания: когда кристаллы центрального мозга, образующие структурные матрицы с постоянной скоростью, достигают максимума своей ёмкости, переполнение приводит к перезаписи

областей, отвечающих за базовые рефлекторные действия, такие как дыхание и пищеварение.

Поскольку она не была нужна на мостике, Рисса спустилась к Карете в лабораторию. Она сидела в кресле; Карета устроилась сбоку от неё. Они просматривали данные экспериментов, прокручивая их на стоящем перед ними на столе мониторе. Предел Хейфлика должен быть следствием работы каких-то внутриклеточных механизмов, считающих деления. Поскольку эффект наблюдается в клетках организмов и с Земли, и с Реболло, была надежда, что сравнение геномов поможет выявить такой механизм. Попытки сопоставления механизмов, определяющих длительность процессов роста тела, созревания и полового функционирования были успешны, и лишь механизм, порождающий предел Хейфлика, обнаружить никак не удавалось.

Может быть, последняя серия экспериментов… может быть, статистический анализ инвертированной теломеразы рибонуклеиновых кодонов… может быть…

По сенсорной сети Кареты пробежали огни.

— С печалью отмечаю, что ответа и здесь нет, — произнёс синтезированный голос переводчика, с британским выговором, как всегда при переводе

речи ибов, и женский — мужские и женские голоса назначались бесполым ибам случайным образом.

Рисса разочарованно вздохнула. Карета была права — они в очередном тупике.

— Не имею намерения обидеть этим наблюдением, — сказала Карета, — но вам, несомненно, хорошо известно, что моя раса никогда не верила в богов. И тем не менее, когда я сталкиваюсь с проблемой вроде этой — проблемой, которая будто специально *задумана* так, чтобы затруднить её разрешение — я не могу удержаться от мысли, что информация намеренно скрыта, что наш создатель не хотел, чтобы мы жили вечно.

Рисса усмехнулась.

— Возможно, вы правы. Общим местом всех земных религий является представление о том, что боги ревностно охраняют свою власть. И всё же — зачем создавать бесконечную вселенную, но наделять жизнью лишь несколько из бесконечного множества миров.

— Покорнейше прошу прощения за указание на очевидное, — ответила Карета, — но вселенная бесконечна лишь в том смысле, что не имеет границ. Количество содержащейся в ней материи конечно. Тем не менее, какую главную заповедь

дал вам ваш бог? Плодитесь и размножайтесь?

Рисса рассмеялась.

— Заполнение вселенной потребует невообразимо много размножения.

— Я считал, что вам, людям, этот процесс доставляет удовольствие.

Рисса хмыкнула, подумав о муже.

— Некоторые любят это дело больше других.

— Прошу прощения, если мои слова покажутся бестактными, — сказала Карета, — но PHANTOM предварил перевод последней реплики префиксом иронии. Мне кажется, я упустила в ваших словах дополнительный смысловой слой, хотя виновата в этом лишь я сама.

Рисса посмотрела на иба. Безликая шестисоткилограммовая тумба на колёсах. Бессмысленно надеяться, что она — а, фактически, *оно*, бесполое существо, ничего не знающее о любви или браке, для которого человеческая жизнь — лишь краткий эпизод в их собственной жизни — сможет понять через какие стадии проходит брак. Через какие стадии проходит *мужчина* в браке.

И всё-таки…

Она не могла обсуждать это со своими знакомыми женщинами на борту корабля. Её муж — директор «Старплекса»… кажется, в старые

времена это называлось *капитан*. Она не могла допустить, чтобы поползли слухи, не могла рисковать авторитетом мужа.

У подруги Риссы Сабрины был муж по имени Гэри. Гэри прошёл через то же самое — но он был всего лишь метеорологом. Не тем, на кого все смотрят, кто живёт под пристальным взглядом тысяч глаз.

Я — биолог, думала Рисса, а Кейт — социолог. И как же так получилось, что я оказалась замужем за политиком, жизнь которого рассматривают под микроскопом?

Она уже открыла рот, чтобы сказать Карете, что это всё пустяки, что ФАНТОМ принял её усталость и разочарование результатами последней серии экспериментов за иронию.

Но подумала: Черт возьми, а почему бы и нет? Почему не обсудить это с ибом? Сплетни — порок индивидуальных жизненных форм, а не составных организмов. А ей было бы хорошо — ой, как хорошо — сбросить этот камень с души, разделив его с кем-нибудь.

— Ну, — сказала она и сделала длинную паузу, давая себе последнюю возможность отказаться от разговора. Но потом продолжила: — Кейт стареет.

Слабая рябь пробежала по сети Кареты.

— О, я знаю, — Рисса махнула рукой, — он молод по меркам ибов, но по меркам людей он достиг среднего возраста. Когда это происходит с человеческой самкой, она претерпевает определённые химические изменения, связанные с окончанием репродуктивного периода. Это называется менопаузой.

Огоньки вспыхнули на сети Кареты — аналог кивка.

— У человеческих самцов это занимает больше времени. Когда они чувствуют, что их юность ушла, они начинают оценивать прошедшую жизнь, достигнутое положение, правильность принятых решений… а также свою привлекательность для противоположного пола.

— А Кейт по-прежнему привлекателен для вас?

Риссу этот вопрос застал врасплох.

— Ну, я за него не из-за его внешности выходила… — Нет, она ведь совсем не это хочет сказать! — Да, да, конечно, он по-прежнему привлекателен для меня.

— Это, вне всякого сомнения, бестактное замечание, за которое я заранее прошу прощения, но он теряет волосы.

Рисса рассмеялась.

— Вот уж не думала, что вы замечаете такие вещи.

— Не имея в виду никакой обиды или оскорбления, должна заметить, что отличать людей друг от друга для ибов довольно нелёгкая задача, особенно когда мы находимся близко и видим их лишь малой частью сенсорной сети. Мы внимательны к мелким деталям. Мы знаем, как огорчаются люди, когда их не узнаёт тот, кто *должен* знать их. Я заметила и потерю волос, и изменение их цвета. И я знаю, что такие изменения могут быть связаны с потерей привлекательности.

— Думаю, могут, для некоторых женщин, — сказала Рисса. Но потом подумала, что уж перед инопланетянином кривить душой совсем глупо. — Да, мне он больше нравился без седины и залысин. Но это правда очень незначительный фактор.

— Но если Кейт привлекателен для вас, то… простите мне моё безграничное невежество… я не вижу, в чём проблема.

— Проблема в том, что Кейта не беспокоит, привлекателен ли он по-прежнему *для меня*. Привлекательность для постоянного партнёра сама собой разумеется. Полагаю, именно поэто-

му мужчины прошлого сразу после женитьбы частенько набирали вес. Нет, вопрос, который сейчас мучает Кейта, я уверена, состоит в том, привлекателен ли он для *других женщин*.

— А это так?

У Риссы едва не вырвалось автоматическое «Конечно!», но она остановила себя и обдумала этот вопрос всерьёз — возможно, впервые в жизни.

— Да, я думаю, это так. Власть, как говорят — самый мощный афродизиак, а Кейт — самый влиятельный человек в… в нашем сообществе.

— Тогда, снова прошу прощения, в чём же затруднение? Выглядит так, будто у него уже есть ответы на все вопросы.

— Затруднение в том, что он должен себе это доказать. Доказать, что он не утратил привлекательности.

— Он может устроить опрос. Мне известно, что вы, люди, придаёте большое значение результатам опросов.

Рисса рассмеялась.

— В этих вопросах Кейт скорее… скорее *эмпирик*. — Потом более серьёзным тоном: — Он может захотеть экспериментального подтверждения.

Вспыхнули два огонька.

— Да?..

Рисса уперлась взглядом в стену.

— В ситуациях, требующих социального взаимодействия с другими людьми, он проводит слишком много времени в обществе других женщин.

— Слишком много — это насколько много?

Рисса нахмурилась.

— Больше, чем со мной. И он слишком часто общается с женщинами вдвое моложе его. Вдвое моложе *меня*.

— И это вас беспокоит.

— Похоже, так.

Карета немного подумала.

— Но разве это не естественное явление? Все мужчины через это проходят?

— Полагаю, да.

— Нельзя противиться природе, Рисса.

Она махнула рукой в сторону монитора, всё ещё показывавшего отрицательные результаты исследований предела Хейфлика.

— Я начинаю убеждаться в этом.

Глава V

— Достаньте мне образец материала этих сфер, — пролаял Яг, вставая со своего места и поворачиваясь лицом к директору. Кейт молча скрипнул зубами и в который раз подумал, что надо бы приказать ФАНТОМУ переводить речь Яга менее прямолинейно, добавляя все эти «пожалуйста», «спасибо» и прочие вежливости.

— Нам послать зонд, — спросил Кейт, глядя в его четырёхглазое лицо, — или вы отправитесь лично?

«В этом случае, подумал Кейт, с удовольствием покажу тебе шлюзовую камеру.»

— Стандартный зонд для забора проб атмосферы, — ответил Яг. — Гравитационное взаимодействие такого количества планетарного размера тел должно быть весьма сложным, так что опасность столкновения с одним из них очень велика.

«Ещё одна причина, чтобы послать Яга», — подумал Кейт, но вслух сказал:

— Значит, зонд. — Он обернулся к консоли на два часа от его собственной. — Ромбус, позаботь-

тесь об этом.

По сенсорной сети иба пробежал узор согласия.

— Зонд класса «Дельта» будет наиболее подходящим, — сказал Яг, снова усаживаясь в своё кресло и обращаясь теперь к миниатюрной голограмме Ромбуса на своей консоли.

Кейт щёлкнул клавишей и присоединился к конференции; крошечная валдахудская голова появилась перед ним рядом с изображением иба в полный рост.

— Какова общая численность сфер? — спросил он.

Щупальца Ромбуса пробежали по клавиатуре.

— Двести семнадцать, — ответил он. — Все выглядят практически одинаково, хотя немного отличаются размерами.

— Для первого раза нет никакой разницы, с какой именно сферы мы возьмём образец, — сказал Яг. — Выберите ту, до которой можно добраться с наименьшими трудностями. Сначала захватите немного материала из пространства между сферами. Потом нырните к одной из сфер и получите образцы газа или из чего там она состоит. Возьмите один образец с верхней кромки облаков, и ещё один на глубине, скажем, двухсот метров, если зонд выдержит давление. Сохраните образцы при

нормальном давлении и температуре в точке отбора — я хочу минимизировать возможность химических изменений в материале.

По сенсорной сети Ромбуса пробежали огоньки, и через несколько секунд он уже запускал зонд. Он переключил сферический экран центра управления на камеру зонда. Звезды, расположенные позади области сфер, по-прежнему заметно мерцали; сами сферы выглядели чёрными дисками на фоне звездного неба, засвеченного слабой голубоватой туманностью.

— Что, по-вашему, представляют собой эти сферы, — спросил Ромбус, наблюдая за полётом зонда.

Яг пожал всеми четырьмя своими плечами в традиционном валдахудском жесте.

— Может быть, остатки недавно распавшегося коричневого карлика. В невесомости скопления вещества, разумеется, принимают форму шара, и постепенно вбирают в себя остатки разлетевшегося материала.

Тем временем зонд выходил на позицию для забора образца вещества в пространстве между сферами.

— «Туман», по-видимому, состоит из газа и твёрдых частиц со средним размером около се-

ми миллиметров, — сообщил Ромбус, частично накрывший консоль сенсорной сетью, чтобы облегчить считывание данных.

— Из какого именно газа? — спросил Кейт.

— Оценки молекулярного веса заставляют предположить довольно тяжёлый элемент либо сложное соединение, — ответил Яг, сверившись с одним из своих мониторов. — Однако спектр поглощения как у обычной космической пыли — углеродные частицы и прочее. — Он помолчал. — Магнитного поля в пространстве между сферами не наблюдается. Это неожиданно — я предполагал, что мелкие частицы удерживаются от падения на сферы магнитным полем.

— Зонд может пострадать от столкновений с этими частицами? — спросил Кейт.

— Мне доставляет удовольствие сообщить, что нет, — отозвался Ромбус. — Я уменьшаю скорость зонда, чтобы избежать повреждений.

В этот момент открылась крышка отсека для забора атмосферных проб и частично загородила обзор сферической камеры — конструкторская недоработка.

— Произвожу забор образцов материала из пространства между сферами, — объявил Ромбус. Через несколько секунд обзор восстановился

— крышка отсека захлопнулась. — Контейнер полон, — доложил иб. — Перехожу к этапу атмосферного зондирования.

Звездное поле резко качнулось, отражая смену траектории зонда; один из кругов тьмы скоро оказался в центре поля зрения. Угольно-чёрная сфера увеличивалась в размерах, пока не заняла всю переднюю полусферу. На зонде имелись прожекторы, и Ромбус их включил. Два столба мутного света едва проникали в бурлящий тёмный материал на расстояние нескольких метров. Обзор снова загородила откинувшаяся крышка — теперь уже в другом месте.

— Произвожу отбор образцов с кромки атмосферы, — доложил иб, и, секундой позже: — Контейнер полон.

— Годится, — сказал Яг. — Теперь нырните на двести метров вглубь — или настолько глубоко, насколько считаете безопасным — и возьмите образцы оттуда.

— Выполняю в гармоничном умиротворении, — ответил Ромбус.

На голограмме всё стало черным-черно за исключением двух световых пятен от носовых прожекторов. Их свет едва пробивался на метр. Один раз на секунду вроде показалось что-то

твёрдое — продолговатая форма размером с дирижабль, но она почти тут же пропала из виду.

— Глубина девяносто один метр, — сообщил Ромбус. — Странно. Внешнее давление неожиданно низкое — гораздо ниже, чем я ожидал.

— В таком случае продолжайте опускаться, — сказал Яг.

Зонд продолжил спуск. Сенсорная сеть Ромбуса обеспокоено вспыхнула.

— Сенсор внешнего давления, вероятно, вышел из строя — возможно, был повреждён столкновением с углеродной частицей. Значение атмосферного давления не увеличивается.

Яг пожал верхней парой плеч.

— Хорошо. Наполните контейнеры здесь и возвращайте зонд назад.

Заслонка третьего отсека для образцов не загораживала камеру, хотя, открываясь, она тряхнула аппарат, и всё, что было в поле зрения, ощутимо дёрнулось.

— Датчик давления внутри отсека для образцов показывает то же самое близкое к нулю значение, что и внешний сенсор, — сказал Ромбус. — Впрочем, они контролируются одним и тем же микропроцессором. В любом случае, контейнер должен заполниться практически моментально,

принимая во внимание, что до забора образцов в нём был вакуум.

Ромбус для верности оставил заслонку открытой ещё на пару секунд, потом закрыл её, развернул зонд и отправил его в обратный путь к «Старплексу».

Как только зонд снова оказался в пусковой трубе, контейнеры для образцов были сняты с него механическим манипулятором и помещены на конвейер, который доставил их в лабораторию Яга. Сам Яг отправился туда же на лифте.

Контейнеры подсоединили к разъёмам в стене лаборатории. Их даже не надо было открывать — сенсоры и камеры могли заглянуть внутрь контейнеров через разъёмы.

Яг уселся в своё кресло — настоящее валдахудское кресло ручной работы, не стандартное поликресло — и включил огромные мониторы. Потом запустил стандартный комплект анализов, и со всё возрастающим изумлением стал изучать появляющиеся на экранах результаты.

Спектроскопия: результаты отсутствуют.

Электромагнитное сканирование: результаты отсутствуют.

Бета-распад: не зарегистрирован.

Гамма-излучение: не зарегистрировано.

Экран за экраном отрицательных результатов: результаты отсутствуют, не зарегистрировано, результаты отсутствуют, не зарегистрировано.

Он щёлкнул клавишей и считал показания весов под контейнером с образцами: 12,782 кг.

— Центральный компьютер, — произнёс Яг в пространство. — Открыть спецификацию контейнера для образцов. Какова масса пустого экземпляра?

— 12,782 кг, — бухнул ФАНТОМ по-валдахудски.

Яг выругался.

— Да этот *фардинт* пуст!

— Точно так, — ответил ФАНТОМ.

Яг щелкнул клавишей, и перед ним появилась голограмма Ромбуса.

— Текларг, — сказал он, называя Ромбуса именем, принятым у валдахудов, — зонд, который вы отправляли, был неисправен. Из контейнера номер два улетучился весь отобранный материал.

— Искренние извинения, уважаемый Яг, — сказал Ромбус. — Я готов понести наказание за напрасную трату вашего времени и немедленно запускаю замену.

— Очень хорошо, — сказал Яг и раздражённо ткнул в кнопку отключения связи, после чего

обратил внимание на контейнер номер один… и в ужасе обнаружил, что его содержимое также отсутствует. «Криворукие земные инженеры», — пробурчал он про себя.

Его бурчание стало более отчётливым и продолжительным, когда были доставлены контейнеры со второго зонда. С ними всё было точно также — начиная от аномально низких показаний внешнего давления при заборе из толщи внешней оболочки сферы.

Яг снова вызвал к жизни голограмму Ромбуса.

— Я заявляю со всей возможной доброжелательностью, уважаемый Яг, что в этот раз с зондом было всё в порядке. Герметизация контейнеров идеальна. Ничто не должно было просочиться наружу.

— Тем не менее, собранные нами образцы всё-таки улетучиваются, — ответил Яг. — Из чего следует… из чего следует, что материал, из которого сделаны сферы, действительно весьма необычен.

Огни осветили сенсорную сеть Ромбуса.

— Обоснованное предположение.

Яг скрипнул дентальными пластинами.

— Должен быть какой-то способ доставить образцы на борт «Старплекса» для изучения.

— Несомненно, вы уже подумали об этом и, возможно, я напрасно трачу ваше время своим предложением, — сказал Ромбус, — но мы могли бы воспользоваться силовой ловушкой. Типа тех, в которых хранят антиматерию.

Яг пожал плечами.

— Приемлемо. Но только не электромагнитной. Используйте поле искусственной гравитации для предотвращения контакта вещества со стенками ловушки и компенсации собственного ускорения зонда.

— С почтением выполняю, — ответил Ромбус.

Силовая ловушка управлялась буксировочным лучом и состояла из восьми гравитационных генераторов, помещённых в вершины правильного куба, с торчащими из центра каждой грани штырями, чтобы буксировочному лучу было за что зацепиться. Ловушка была введена под поверхность одной из серых сфер и там открыта. Другую ловушку направили на облако мелких частиц между двумя сферами и активировали внутри него. Обе ловушки доставили обратно на «Старплекс» со всей возможной скоростью.

Ловушки поместили в специальную изоляционную камеру в лаборатории Яга. Фокус с гравитационными полями принёс успех — одна

из ловушек действительно содержала образцы газа, из которого состояла сфера, а другая — несколько кусочков прозрачного материала, а также один частично прозрачный булыжник размером с куриное яйцо. Наконец у Яга появилось с чем работать.

Глава VI

Кейт пригладил ладонью макушку и откинулся в кресле, созерцая окружающую мостик панораму звёздного неба. Пока Яг не доложит о результатах, делать было особо нечего. Рисса всё ещё работала с Каретой, а тем временем смена альфа подходила к концу. Кейт зевнул — вероятно, слишком громко. Ромбус подкатился к директорской консоли, чтобы что-то обсудить. По сенсорной сети пробежали огоньки.

— Не в духе? — произнёс голос автопереводчика.

Кейт кивнул.

— Яг?

Кейт снова кивнул.

— Со всей почтительностью замечу, что он не так уж плох, — сказал Ромбус. — Для валдахуда у него весьма хорошие манеры.

Кейт махнул рукой в сторону той части звёздного неба, что скрывала дверь, через которую ушёл Яг.

— Он весь такой… напористый. Воинственный.

— Они все такие, — сказал Ромбус. — Самцы,

по крайней мере. Вы много времени провели на Реболло?

— Нет. Хоть я и участвовал в первом контакте с валдахудами, я всегда чувствовал, что мне лучше держаться подальше от их планеты. Я… я думаю, что так и не смог простить им гибель Сола Бен-Абрахама.

Ромбус несколько мгновений промолчал, по-видимому, переваривая услышанное. Потом по его сети снова прошла рябь.

— Наша смена закончена, друг Кейт. Вы уделите мне девять минут вашего личного времени?

Кейт пожал плечами и поднялся на ноги.

— Спасибо за отличную работу, — сказал он, обращаясь ко всем.

Лиана развернулась вместе с креслом, разметав свои платиновые волосы, и улыбнулась Кейту. Ромбус и Кейт вышли в прохладный коридор; иб катился рядом с человеком.

Пара роботов двигалась по коридору в ту же сторону. Один из них нёс кому-то поднос с ужином, второй пылесосил пол. Кейт про себя называл таких роботов фантомасами — от «ФАНТОМов Агент и Слуга» — но валдахудов идея аббревиатур, составленных из других аббревиатур, приводила в буйное помешательство.

Через окно в стене коридора Кейт мог видеть один из заполненных водой туннелей для дельфинов, состоящий из метровой толщины дисков воды, разделённых удерживаемыми силовым полем десятисантиметровыми прослойками воздуха. Воздушные прослойки предотвращали увеличение давления в туннеле с глубиной. На его глазах через туннель снизу вверх проплыл один из бутылконосых.

Кейт посмотрел на Ромбуса. Огни на его сети ритмично мерцали.

— Что вас рассмешило? — спросил он.

— Ничего, — ответил иб.

— Да ладно! Что это было?

— Я просто вспомнил анекдот, который сегодня рассказал Тор. Сколько валдахудов нужно, чтобы вкрутить лампочку? Пять — и каждый скажет, что работал один.

Кейт нахмурился.

— Лианна рассказывала тот же самый анекдот месяц назад.

— Я знаю, — ответил Ромбус. — Тогда я тоже смеялся.

Кейт покачал головой.

— Никогда не пойму, как одна и та же шутка вам, ибам, кажется смешной снова и снова.

— Я бы пожал плечами, если б мог, — сказал Ромбус. — Одна и та же картина прекрасна каждый раз, как вы на неё смотрите. Одно и то же блюдо вкусно каждый раз, как вы его едите. Почему хорошей шутке не быть смешной каждый раз, как её рассказывают?

— Не знаю, — ответил Кейт. — Я лишь рад, что убедил вас перестать рассказывать анекдот про «это не ось — это питающая трубка» каждый раз, как мы встречаемся. Это раздражало до чёртиков.

— Прошу прощения.

Они некоторое время шли в молчании, потом Ромбус заговорил снова:

— Знаете, уважаемый Кейт, вам было бы легче понимать валдахудов, если бы вы побывали на их планете.

— Да?

— Вы с Клариссой всегда хорошо уживались, если позволите мне такое наблюдение. Мы, ибы, не вступаем в настолько близкие отношения с другими индивидуумами; мы обмениваемся генетическим материалом между своими составными частями, а не между разными составными сущностями. О, я поддерживаю отношения с моими компонентами — к примеру, мои колёса,

хоть и не мыслят самостоятельно, по уровню интеллекта примерно соответствуют земной собаке, и мои отношения с ними доставляют мне большую радость. Однако я полагаю, что ваши с Клариссой отношения являются чем-то много много б*о*льшим. Я способен понять их лишь в самых общих чертах, но Яг, я уверен, разбирается в них гораздо лучше. В конце концов, валдахуды, как и люди, двуполы.

Кейт не видел пока, куда Ромбус клонит, и в целом считал, что Ромбус преувеличивает существующую между ними дружбу.

— Да?..

— Валдахуды двуполы, но количество особей каждого пола не одинаково, — продолжал иб. — На одну самку приходится пять самцов. Однако, несмотря на это, культура валдахудов моногамна, и брачный союз заключается на всю жизнь.

— Да, я слышал об этом.

— Но задумывались ли вы о последствиях такого общественного устройства? Ведь это значит, что четыре из каждых пяти самцов остаются без пары и исключаются из генофонда расы. Вероятно, вам тоже пришлось конкурировать с соперниками, когда вы пытались понравиться Клариссе, или ей пришлось отказать кому-то,

кто тоже имел на неё виды; простите, не имею понятия, как это у вас делается. Но я уверен, что в этом соперничестве большой поддержкой для всех соперничающих сторон была мысль о том, что для каждого мужчины найдётся женщина и наоборот. Пары могут сложиться несколько не те, каких хотелось бы, но в целом каждый мужчина имеет очень неплохие шансы найти себе какую-нибудь женщину, а женщина — мужчину. Или партнёра одного с собой пола, если таковы личные предпочтения.

Кейт пожал плечами.

— Полагаю, что так.

— Но для народа Яга это не так. Самки обладают абсолютной властью в их обществе. За каждой самкой… *ухаживают,* думаю, это правильное слово… ухаживают пять самцов, и каждая самка, когда достигает тридцатилетнего возраста и у неё начинается эструс, выбирает одного самца из тех пяти, что провели последние двадцать пять лет своей жизни, пытаясь произвести на неё впечатление. Вы знаете полное имя Яга?

Кейт на секунду задумался.

— Яг Кандаро эм-Пелш, по-моему.

— Правильно. Знаете, как оно образовано?

Кейт покачал головой.

— Кандаро — это географический маркер — название региона, из которого происходит род Яга. А Пелш — это имя самки, в свиту которой он входит. Она вообще-то весьма значительная фигура на Реболло. Она не только знаменитый математик, но ещё и племянница королевы Тратх. Я однажды встречался с ней на конференции. Она очаровательна и умна — и примерно вдвое больше Яга, как и все взрослые валдахудские самки.

Кейт мысленно нарисовал себе картинку, но промолчал.

— Улавливаете мысль? — спросил Ромбус. — Яг должен отличиться. Он должен затмить четверых других самцов в свите своей самки и добиться, чтобы выбрали его. Всё, что делает неполовозрелый валдахуд, направлено на достижение одной и только одной цели. Яг явился на борт «Старплекса» в поисках славы, которая обратила бы на него внимание Пелш… и он намерен добыть себе эту славу, невзирая на цену.

* * *

Той ночью Кейт ворочался в постели и никак не мог заснуть.

Проблемы с засыпанием преследовали его всю жизнь, и никакие советы, которых за эти годы

ему надавали порядочно, не помогали. Он никогда не пил содержащих кофеин напитков после 18:00. Он велел ФАНТОМу играть через динамики в спальне белый шум, чтобы заглушить редкое похрапывание Риссы. И хотя в прикроватный столик были встроены часы-ночник, их светящийся циферблат был закрыт вставленным в зазор между досками листом пластика. Пялиться на часы и думать о том, как долго он уже не может заснуть и как мало времени осталось до подъёма, засыпанию никак не способствовало. Он мог увидеть циферблат, встав с постели, а лёжа всегда мог дотянуться до столика и убрать пластиковый экран, но это помогало.

По крайней мере, иногда.

Но не сегодня.

Сегодня он метался и ворочался.

Сегодня он заново прокручивал в голове ту стычку с Ягом в коридоре.

Яг. Отличное имя для негодяя.

Кейт перевернулся на левый бок.

Яг вёл серию семинаров по профориентации для тех на борту «Старплекса», кто хотел расширить свои познания в физике; Рисса вела подобные семинары для интересующихся биологией.

Кейта всегда завораживала физика. Собственно, подбирая для себя курсы сразу после поступления в университет, он всерьёз подумывал о том, чтобы стать физиком. Там всё так красиво и стройно — к примеру, антропный принцип, утверждающий, что Вселенная неизбежно должна породить разум. Или кот Шрёдингера, мысленный эксперимент, демонстрирующий, что акт наблюдения фактически формирует наблюдаемую реальность. И все эти восхитительные детали специальной и общей теории относительности Эйнштейна.

Кейт восхищался Эйнштейном за его синтез гуманизма и интеллекта, за его дикую причёску, за его донкихотские попытки загнать ядерного джинна, которого он же и породил, обратно в бутылку. Плакат с портретом великого физика остался висеть в комнате Кейта в общежитии и после того, как он выбрал в качестве основной специальности социологию. Он бы с удовольствием походил на семинары по физике — но не к Ягу. Жизнь и так слишком коротка.

Он задумался над тем, что рассказал Ромбус о семейной жизни валдахудов, и неожиданно в памяти всплыли его старшая сестра Розалинда и младший брат Брайан.

В некотором смысле Роз и Брайан сформировали его не в меньшей степени, чем его собственные гены. Благодаря им он оказался средним ребёнком. Средние дети — строители мостов, они всегда налаживают связи и улаживают споры. Именно Кейту всегда приходилось организовывать семейные торжества типа празднования родительских годовщин свадьбы и юбилеев или собраний ближней и дальней родни на Рождество. Он также организовывал встречу выпускников школы на двадцатилетие выпуска, устраивал у себя дома приёмы для коллег из других городов, помогал организации религиозных общин и землячеств. Чёрт возьми, большую часть своей жизни он посвятил становлению и укреплению Содружества, то есть наведению самых больших мостов в мире.

А вот Роз и Брайан не беспокоились о том, кто их любит, а кто нет, царит ли мир между разными фракциями, насколько эффективно люди сходятся друг с другом и сотрудничают.

Роз и Брайан, вероятно, прекрасно спали по ночам.

Кейт снова перевернулся на спину и закинул руки за голову.

Может, это и правда было невозможно. Может,

люди и валдахуды вообще не способны ужиться. Может, они слишком различны. Или слишком похожи. Или…

Чёрт побери, — подумал Кейт. — Оставь это. Забудь.

Он протянул руку, отогнул лист пластика и взглянул на насмешливо пламенеющие красные цифры.

Да чтоб тебе…

* * *

Теперь, когда образцы странного вещества были, наконец, собраны, Ягу и Риссе, главам двух научных департаментов, нужно было согласовать план исследований. Если исследования не покажут ничего необычного, то «Старплекс» продолжит поиск того, кто активировал связку — приоритетная миссия биологического департамента. Но если странное вещество окажется достаточно странным, то, убеждал Яг, «Старплекс» должен остаться на месте для его изучения, а Рисса — продолжить поиск на одном из двух дипломатических кораблей — «Нельсон Манделла» или «Коф Дарело эм-Стальш».

На следующее утро Яг связался через интерком с Риссой, которая уже встала и находилась у себя

в лаборатории, и сказал, что хочет встретиться. Это могло значить лишь одно: Яг предпринял упреждающий удар в битве за приоритеты. Рисса глубоко вздохнула, готовясь к схватке, и двинулась к лифту.

* * *

Офис Яга имел ту же планировку, что и офис Риссы, но был украшен — если такое слово было здесь уместно — произведениями валдахудской грязевой живописи. Перед его столом стояли три поликресла различных моделей. Валдахуды презирали продукты массового производства; разные модели давали хотя бы иллюзию того, что каждое кресло — единственное в своём роде. Рисса сидела в среднем поликресле и смотрела на Яга через его огромный, болезненно аккуратный стол.

— Итак, — сказала она, — вы, вероятно, закончили анализ собранных вчера образцов. Из чего же состоят сферы?

Валдахуд пожал двумя парами плеч.

— Не знаю. Малая часть материала образцов — это обычные углеродные частицы межзвёздной пыли, атомы водорода и тому подобное. Но основная часть вещества не поддаётся ни одному

из стандартных тестов. К примеру, она не горит в кислороде или любом другом газе и, насколько я могу судить, не несёт никакого электрического заряда. Что бы я ни делал, мне не удаётся выбить из него электроны, чтобы получил положительно заряженное ядро. С образцами сейчас работает Делакорт в химической лаборатории.

— А что насчёт твёрдых частиц из пространства между сферами? — спросила Рисса.

Ответный лай Яга прозвучал в незнакомой тональности.

— Это лучше увидеть, — сказал он.

Они вышли из офиса и перешли по коридору в изолированную лабораторию.

— Вот образцы, — сказал Яг, указав средней рукой на изоляционную камеру примерно метрового размера с прозрачной передней стенкой.

Рисса заглянула в камеру и нахмурилась.

— Вон тот большой — у него что, одна сторона плоская?

— О боги… — пробормотал Яг, вглядываясь сквозь стекло.

Большой образец яйцевидной формы наполовину погрузился в дно камеры, так что лишь куполообразная макушка торчала наружу. Вглядевшись повнимательней, Яг смог рассмотреть,

что меньшие образцы тоже погрузились. Тыкая в стекло пальцем верхней левой руки, он пересчитал образцы. Шесть из них пропали — вероятно, ушли в дно слишком глубоко. Там, где они лежали, не осталось никаких отверстий.

— Они проваливаются сквозь пол, — сказал Яг. Потом посмотрел в потолок. — Центральный компьютер!

— Да? — ответил ФАНТОМ.

— Мне нужна нулевая гравитация внутри камеры для образцов.

— Выполняю.

— Хорошо… нет, подожди. Установи в камере пять стандартных «же», но вектор гравитации должен быть направлен к потолку. Понятно? Я хочу, чтобы предметы в камере падали на потолок.

— Выполняю, — ответил ФАНТОМ.

Рисса и Яг заворожено следили, как яйцевидный образец начал вылезать из пола. Прежде чем он появился весь, меньшие образцы выскочили из твердого на вид пола камеры и упали на потолок. Они не отскочили при ударе, как того можно было ожидать от твёрдых камешков, а прилипли к потолку и немедленно начали погружаться в него.

— Компьютер, изменяй силу тяжести в камере

до тех пор, пока все образцы не окажутся между полом и потолком, после чего отключи гравитацию.

— Выполняю.

— Боже, это невероятно! — воскликнула Рисса. — Это вещество проходит сквозь обычную материю.

Яг фыркнул.

— Образцы, которые мы собрали в первый раз, должно быть, просочились сквозь стенки контейнера, когда зонд шёл с ускорением.

Варьируя силу тяжести в камере для образцов, ФАНТОМ, наконец, сумел добиться того, чтобы все образцы оказались в невесомости внутри камеры. Шерсть Яга вздыбилась от удивления, когда он увидел, как два образца столкнулись друг с другом. Он ожидал удара и отскока. Вместо этого образцы сошлись на расстояние нескольких миллиметров, после чего какая-то сила отбросила их в стороны.

— Магнетизм, — предположила Рисса.

Яг дёрнул плечом.

— Нет, никакого магнетизма тут быть не может — электрический заряд отсутствует.

Внутри камеры имелись четыре суставчатых манипулятора с генераторами миниатюрными

эмиттерами буксировочного луча; у Яга хватало рук, чтобы одному управляться со всеми четырьмя. Одним лучом он подхватил прозрачный камешек неведомого вещества диаметром около сантиметра, второй зафиксировал на другом образце такого же размера. Потом он попытался свести два образца вместе. Всё шло хорошо, пока образцы не оказались на очень малом расстоянии друг от друга, но после этого, сколько он ни увеличивал мощность силового луча, сократить расстояние не удавалось.

— Поразительно, — сказал Яг. — Какая-то сила их расталкивает. Отталкивающая сила немагнитной природы. Никогда не видел ничего подобного.

— Должно быть, из-за неё облако мелких частиц и не конденсируется, — заметила Рисса.

Яг пожал верхними плечами.

— Полагаю, что так. Получается, что материал в пространстве между сферами связан гравитационными силами, которые препятствуют разлетанию, но неспособен слиться в более крупное тело.

— Но как тогда могут существовать мелкие тела? Почему отталкивающая сила не разрывает их на части?

— Возможно, они связаны химически. Полагаю, что они сформировались в условиях высокого давления — достаточно высокого, чтобы преодолеть отталкивающую силу. Как только атомы оказываются связаны, они остаются связанными, но для того, чтобы слить два куска такой материи в один, требуется очень большая сила.

— Черт… — прошептала Рисса. — Вы думаете о том же, о чём и я?

Глаза Яга расширились.

— Хлопники! Мы видели, что их оружие сделало с нашим зондом. Может быть, если воздействовать им на планету, то результат будет как раз такой. Оружие Судного дня — не только разрушает планету, но и предотвращает формирование новой из обломков, даже в отдалённом будущем.

— А сейчас есть стяжка, которая ведёт отсюда к планетам Содружества. Если они собирались пройти через неё…

В этот момент раздался сигнал, и на стене лаборатории появилось морщинистое лицо Синтии Делакорт.

— Яг, это… о, привет Рисса. Слушайте, спасибо, что прислали мне те образцы. Вы знаете, что это вещество проходит сквозь обычную материю?

Яг пожал верхними плечами.

— Невероятно, не правда ли?

Делакорт кивнула.

— Мягко сказано. Это не нормальная барионная материя. И не антиматерия, разумеется — иначе нас бы уже тут не было. Обычные нейтроны и протоны — это комбинации нижних кварков и верхних кварков, тогда как это вещество построено из матовых кварков и глянцевых кварков.

— В самом деле? — шерсть Яга встопорщилась от возбуждения.

— Никогда не слышала о таких кварках, — сказала Рисса.

Яг презрительно фыркнул, но Делакорт лишь кивнула.

— С двадцатого столетия человечеству было известно о шести «ароматах» кварков: верхний, нижний, истинный, прелестный, странный и очарованный. Собственно, шесть — это было максимальное число, разрешённое старой Стандартной моделью физики элементарных частиц, так что поиск других кварков не вёлся, что, как выяснилось позже, было большой ошибкой. — Она выразительно посмотрела на Яга. — Валдахуды также обнаружили только эти шесть ароматов. Однако когда мы вступили в контакт с ибами, то узнали про кварки ранее неизвестного

типа, которые мы назвали лощёными; они принадлежат к двум новым ароматам — глянцевому и матовому. Такие кварки невозможно получить путём расщепления обычной материи, однако ибы провели огромную работу по извлечению материи из квантовых флуктуаций. В этих экспериментах иногда возникали лощёные кварки, но при очень, очень высоких температурах. Лощёные кварки естественного происхождения мы обнаружили впервые.

— Невероятно, — сказал Яг. — Вы заметили, что эти *фардинты* не несут заряда? Чем это объясняется?

Делакорт кивнула, потом снова посмотрела на Риссу.

— Электрон несёт единичный отрицательный заряд, верхний кварк — две трети единичного положительного, нижний — одну треть единичного отрицательного. Нейтрон состоит из двух нижних и одного верхнего кварка, что означает, что их заряды компенсируются. В то же время протон состоит из одного нижнего и двух верхних кварков, что даёт единичный положительный заряд. Поскольку в атоме одинаковое количество протонов и электронов, атом в целом электрически нейтрален.

Рисса понимала, что объяснения адресованы исключительно ей. Она благодарно кивнула, и Делакорт продолжила:

— Так вот, эта лощёно-кварковая материя состоит из частиц, которые я называю пара-нейтронами и пара-протонами. Пара-нейтроны состоят из двух глянцевых кварков и одного матового, а пара-протоны — из пары матовых и одного глянцевого. Однако ни глянцевый, ни матовый кварк не несёт на себе электрического заряда — так что как их ни комбинируй, атомное ядро всё равно останется нейтральным. А без положительно заряженного ядра нечему притянуть отрицательно заряженные электроны, так что атом лощёной материи состоит из одного ядра; у него нет оболочки из электронных орбиталей. Вследствие чего лощёная материя не просто электрически нейтральна. Она, скорее, аэлектрична; она вообще никак не участвует в электромагнитных взаимодействиях.

— Боги!.. — сказал Яг. — Это может объяснить способность проходить сквозь твёрдые объекты. Оно бы проходило совершенно свободно, если бы не примеси обычной материи — частицы углеродистой пыли и атомы водорода, которые тормозят движение. Ну конечно! Этим же можно объяс-

нить, почему мы его видим. Вещество, состоящее из одних только лощёных кварков, было бы невидимо, поскольку отражение и поглощение света зависит от колебаний зарядов. На самом деле мы видим частицы космической пыли, попавшие внутрь лощёной материи, как песок в желе, благодаря гравитационному взаимодействию. — Он взглянул на стенной экран. — Ну хорошо — оно не участвует в электромагнитных взаимодействиях. Как насчёт ядерных сил?

— На него воздействуют поля как сильного, так и слабого ядерного взаимодействия, — ответила Делакорт. — Но радиус действия этих сил настолько мал, что они вряд ли способны создать какое-либо взаимодействие между лощёной и обычной материей, кроме как при невероятно высоких давлении и температуре.

Яг на секунду задумался. Когда он снова заговорил, его лай зазвучал подавлено.

— Это невероятно, — сказал он. — Мы знаем, что оружие хлопников может разрушать химические связи, но превращение обычной материи в лощёную…

— Оружие хлопников? — седые брови Делакорт удивлённо вскинулись. — Вы думаете, это их работа? Нет, очень сильно сомневаюсь. Чтобы

вокруг сфер скопилось столько межзвёздного вещества, потребовались бы тысячелетия. Я считаю, что мы наблюдаем естественный феномен.

— Естественный… — повторил Яг. — Восхитительно. А что насчёт гравитационных сил?

— Ну, масса лощёного кварка в семьсот шестнадцать раз больше массы электрона, то есть он на восемьдесят процентов тяжелее, чем верхний или нижний кварк. Так что лощёный атом немного тяжелее и создаёт несколько большую гравитацию, чем нормальный атом с таким же количеством нуклонов. Ничего не могу сказать о том, взаимодействуют ли лощёные атомы друг с другом химически.

Яг начал нервно ходить взад-вперёд.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Хорошо, как насчёт вот чего. Предположим, что существует ещё два фундаментальных взаимодействия вдобавок к известным четырём. Мы всё равно пытаемся их отыскать с момента отказа от Стандартной модели. Скажем, одна из сил дальнодействующая и отталкивающая — мы с Сервантес уже наблюдали её действие, пытаясь сблизить два образца буксировочным лучом. Вторая сила среднего радиуса действия, и она притягивающая.

— Что это нам даёт? — спросила Делакорт.

— Нормальная химия есть результат перекрытия электронных облаков, окружающих атомные ядра; в данном случае таковые отсутствуют. Однако если среднедействующая сила притяжения сильнее, чем слабое ядерное взаимодействие, то она может создавать нечто вроде «мета-заряда», что делает возможной «мета-химию». Эта сила может связывать атомы в отсутствие электромагнитного взаимодействия. Тем временем, дальнодействующая сила отталкивания будет отталкивать лощёные кварки друг от друга. Её может компенсировать лишь собственная гравитация кварков, собранных в достаточно массивное и плотное тело. Подобным образом гравитация заставляет сливаться протоны и электроны, образуя нейтронную звезду вопреки давлению вырождения, которое пытается удержать электроны от занятия чужих орбиталей. — Он взглянул на Риссу. — Из чего следует, что в рамках «мета-химии» возможны весьма сложные реакции на молекулярном уровне, однако на макроуровне лощёная материя может существовать только в виде огромных скоплений вещества планетарных размеров, чьё собственное тяготение достаточно для преодоления сил отталкивания.

Делакорт была впечатлена его рассуждениями.

— Если вы сможете разработать механизмы этих процессов, то Нобель или Кайф-Дукт вам гарантированы. Это действительно невероятно — совершенно новый вид материи, которая почти не взаимодействует с обычной барионной…

— *Пастарк!* — каркнул вдруг Яг. — О боги, вы понимаете, что такое мы тут нашли?

Его шерсть пошла волнами, как пшеничное поле в ветреный день.

— Ну так скажите нам, — с недовольством в голосе попросила Рисса, когда пауза затянулась.

— Мы не должны назвать это «лощёной материей», — сказал Яг. — Для этого уже есть общепринятое название. — Два его правых глаза смотрели на изображение Делакорт, два других впились в Риссу. — Тёмная материя!

— О Боже! — воскликнула Делакорт. — О Боже, думаю, вы правы. — Она потрясённо покачала головой. — Тёмная материя.

— Это она, — сказал Яг. — Из неё состоит значительная часть Вселенной, и до сего дня мы не имели о ней ни малейшего представления. Да это открытие столетия! — И он прикрыл все четыре глаза, упиваясь грядущей славой.

Дельта Дракона

— Каким человеком был Сол Бен-Абрахам? — спросил Стеклянный.

Кейт разглядывал окружающую его имитацию и думал обо всех словах, какими он мог бы описать своего лучшего друга. Высокий. Громогласный. Его хохот можно было услышать за километр. Человек, угадывавший любую мелодию по трём нотам. Человек, способный выпить пива больше, чем любой, с кем Кейт был знаком — его мочевой пузырь был, должно быть, размером с Исландию. Наконец, Кейт ответил:

— Волосатым.

— Прошу прощения? — удивился Стеклянный.

— У Сола была огромная бородища, — объяснил Кейт. — Закрывала бо́льшую часть лица. И густые сросшиеся брови — будто шимпанзе положил ему руку на лоб. Первый раз, как я его увидел в шортах, я был потрясён — он выглядел как реальный йети.

— Йети?

— Мифический примат с Земли. До сих пор помню — увидел впервые его в шортах и говорю:

«Ого, Сол, какие у тебя волосатые ноги!» А он расхохотался так раскатисто и отвечает: «Ну да — как у мужика». Хотя на мой взгляд там бы хватило на десять мужиков. — Кейт помолчал. — Боже, как я по нему скучаю. Такие друзья, которые так много для тебя значат, встречаются раз в жизни.

Стеклянный тоже немного помолчал.

— Да, — сказал он, наконец. — Думаю, ты прав.

— Конечно, — сказал Кейт, — Сол отличался не только повышенной волосатостью. Он был выдающейся личностью. Из всех, кого я знаю, интеллектом его превосходила разве что Рисса. Сол был астрономом. Это он обнаружил стяжку Тау Кита по её следу в гиперпространстве. По идее, он должен был получить за это открытие нобелевку, но её не любят присуждать посмертно.

— Понимаю, насколько тяжело было потерять такого друга. Это словно… О, прошу прощения. Счислитель сигнализирует, что пришёл большой мыслепакет. Я покину тебя ненадолго?

Кейт кивнул, и Стеклянный каким-то особым образом шагнул, словно бы вбок, и исчез. Должно быть, вошёл в дверь, скрытую за заполнившей причальный ангар голограммой земного леса — первое прямое свидетельство того, что Кейт всё же находится не на Земле. Ладно, раз есть

дверь, то можно попытаться её найти. Он ощупал руками воздух вокруг того места, где исчез Стеклянный, но не нащупал ничего. Но должна же где-то здесь быть стена — ангар был не такой уж большой. Кейт пошёл вперёд, каждую секунду ожидая удара лбом о стену, но прошёл, должно быть, метров пятьсот, не встретив никакого препятствия.

Конечно, если тот, у кого он оказался — он начал было мысленно произносить «в плену», но поправился, заменив на «в гостях» — так вот, если тот, у кого он оказался в гостях, достаточно умён, он мог бы манипулировать изображениями так, чтобы убедить Кейта, будто он идёт по прямой, тогда как на самом деле он ходил бы по кругу.

Кейт решил передохнуть. Хотя он и старался выкраивать время и посещать на «Старплексе» спортзал для землян, где поддерживалась нормальная земная гравитация, его мышечный тонус был всё же несколько ослаблен, поскольку большую часть времени он проводил при валдахудской гравитации в общих зонах корабля. Ему и в самом деле стоит принять приглашение Тора Магнора играть в гандбол. Кейт и Сол играли регулярно, но после гибели Сола он игру забросил.

Кейт опустился на землю, которая в этом месте густо заросла клевером. Сидеть на нём было очень удобно. Он провел рукой по клеверу, наслаждаясь мягкостью его листьев, и огляделся. Это всё же была совершенно потрясающая имитация. Такая приятная, такая красивая. В небе он заметил какую-то птицу, но слишком далеко, чтобы определить вид.

Кейт сорвал лист клевера, чтобы рассмотреть его поближе. Может быть, сегодня его счастливый день; может, ему попадётся четырёхлистный клевер…

Какая удача! Так и есть!

Он сорвал ещё несколько растений и недоумённо уставился на них.

Потом лёг животом на землю и начал изучать растение за растением.

Они *все* были четырёхлистными.

Он поднёс одно из них к самым глазам, зажав в пальцах, и тщательно его осмотрел. Это был совершенно нормальный клевер практически во всех отношениях. В месте отрыва стебля из него даже выступила крошечная капля растительного сока. Но каждое из этих растений имело четыре листа. Из начального курса ботаники Кейт помнил, что родовое название клевера Trifolium,

что означало «три листа». Клевер трёхлистен по определению, за исключением редких мутантных экземпляров. Но у всех этих растений было по четыре овальных клеверных листа.

Кейт смотрел на белые и розовые соцветия, качающиеся на верхушках некоторых растений. Определённо клевер — но четырёхлистный клевер. Он покачал головой. Как мог Стеклянный правильно учесть столько мелких деталей, но допустить такую вопиющую ошибку? Бессмыслица какая-то.

Он снова огляделся в поисках других несоответствий. Большинство лиственных деревьев вокруг были клёнами — конкретно сахарными клёнами, если только он не ошибался. Вот это хвойное — явно сосна Банкса, типичная для юга Канады, а чуть дальше — голубая ель. И… а что это птица, интересно, сидит на голубой ели? Точно не кардинал и не сойка. Да, на голове у неё хохолок, но цветом она изумрудно-зелёная, и клюв у неё утиный, лопатообразный, непохожий на клювы певчих птиц.

Это была Земля, вне всякого сомнения. Вот и земная луна, отчётливо различимая на дневном небе. И всё же, это была не совсем Земля — некоторые детали явно не сходятся.

Кейт озадаченно оттопырил нижнюю губу…

Глава VII

Рисса и Яг добрались до мостика на лифте и скоро уже стояли перед двумя рядами консолей, докладывая коллегам о своём фантастическом открытии.

— Уже долгое время бытует метафора, — говорил Яг, — что видимая материя — это лишь пена на чернильном океане тёмной материи. Мы знаем о существовании тёмной материи по оказываемому ею гравитационному воздействию, но до сих пор ни разу её не наблюдали непосредственно. Те огромные сферы и взвесь мелких частиц между ними как раз и состоят из тёмной материи.

Лианна тихо присвистнула. Кейт поднял бровь. Разумеется, он слышал о тёмной материи. Фриц Цвикки, астроном из Калтеха[7], постулировал её существование в 1933 году на основании наблюдений галактик в Скоплении Девы. По его измерениям, эти галактики вращались друг вокруг друга с такими скоростями, что если бы

---

[7] Примечания: 7

Калифорнийский Технологический институт в Пасадине. Один из наиболее уважаемых технических вузов США. *(Прим. перев.)*

они состояли только из видимых звёзд, то давно разлетелись бы в разные стороны. Последующие исследования показали, что практически все большие структуры во Вселенной — и наш Млечный Путь не исключение — ведут себя так, будто они значительно тяжелее, чем суммарная масса всех составляющих их звёзд и разумного числа планет. Эту недостающую массу окрестили «тёмной материей», поскольку она не светилась сама и, по-видимому, почти не отражала падающий свет, но при этом создавала примерно 90% всей гравитации во Вселенной.

Тор Магнор, как обычно, сидел, положив свои огромные ножищи на край консоли и сплетя толстые пальцы рук на затылке, погрузив их в буйную рыжую шевелюру.

— Я считал, что природа тёмной материи давно выяснена, — заметил он.

— Лишь частично, — ответил Яг, разводя верхними руками. — Нам давно известно, что барионная материя — материя, состоящая из привычных нам протонов и нейтронов — составляет около десяти процентов массы Вселенной. В 2037 году было обнаружено, что вездесущие тау-нейтрино имеют очень малую массу покоя, эквивалентную примерно семи электрон-воль-

там. Также мы узнали, что мю-нейтрино тоже имеет исчезающее малую собственную массу — где-то в одну тысячную электрон-вольта. Поскольку количество нейтрино этих двух типов очень велико, в сумме они дают в три или четыре раза большую массу, чем вся барионная материя. Но даже с учётом нейтрино около двух третей массы Вселенной оставались неучтёнными — до сегодняшнего дня.

— Почему вы считаете, что это вещество — тёмная материя? — спросил Кейт.

— Ну, это точно не обычная материя — в этом можно не сомневаться. — Яг придерживался одной рукой за закруглённый край консоли Тора, чтобы не упасть на четыре конечности, и старался, чтобы это не было заметно. «Старплекс» работал в четырёхсменном режиме для удобства валдахудов, происходящих с планеты с коротким суточным циклом, однако Яг работал сверхурочно. — Ранние работы по тёмной материи предлагали два типа возможной её организации; земные астрономы, чтоб им за это плавать в реках мочи, назвали их WIMP[8] и MACHO. WIMP — это «слабовзаимодействующая

[8] Примечания: 8

WIMP (*англ.* хиляк, слабак, тряпка) — Weakly Interacting Massive Particles. Общепринятого русского аналога не существует. *(Прим. перев.)*

массивная частица»; вы видите, какую белиберду им приходится выдумывать, чтобы уложить её в дурацкий акроним? В общем, вимпами в конце концов отказались тау- и мюоновые нейтрино.

— А МАСНО? — спросил Кейт?

— «Массивный компактный объект гало[9]», — сказал Яг. — «Гало» в этом контексте означает облако тёмной материи с галактикой в центре. Под «массивными компактными объектами» имелись в виду миллиарды объектов размером с Юпитер, не связанные с какой-либо отдельной звездой — взвесь, состоящая из газообразных миров, сквозь которую движется светящееся вещество галактики.

Лианна облокотилась на консоль, оперев подбородок на сложенные ладони.

— Но если бы вселенная была напичкана объектами размером с Юпитер, — спросила она, — разве мы бы их не обнаружили?

Яг повернулся к ней.

— Даже объекты размером с Юпитер в масштабах галактики исчезающе малы. А поскольку они не излучают свет, то их можно обнаружить только в случае, если один из них проходит между

---

[9] Примечания: 9
МАСНО — мачо — MAssive Compact Halo Object. *(Прим. перев)*

наблюдателем и далёкой звездой. И даже в этом случае эффект будет едва ощутим — небольшая гравитационная линза, из-за которой яркость звезды чуть-чуть увеличится. Такие эффекты время от времени наблюдались — впервые в 1993 году. Но даже если космос кишит МАСНО — настолько, что они составляют две трети массы вселенной — то в любой конкретный момент времени эффект гравитационной линзы наблюдался бы лишь у одной из пяти миллионов доступных наблюдению звёзд. — Он махнул рукой в сторону участка неба с мерцающими звёздами. — Здесь мы видим этот эффект непосредственно лишь потому, что находимся очень близко к скоплению тёмной материи и потому что сама тёмная материя прозрачна. То, что мы видим — это обычная космическая пыль, захваченная внутрь объектов из тёмной материи.

Кейт посмотрел на Риссу, вопросительно вскинув брови. Она не возразила.

— Хорошо, — сказал директор, — это, безусловно, эпохальное открытие, заслуживающее дальнейших…

— Прошу прощения, что прерываю, — вмешался Ромбус, — но я регистрирую тахионный выброс. — Ромбус повернул окружающую мостик

голограмму звёздного неба так, чтобы стяжка оказалась в центре передней полусферы; желудок Кейта возмутился так же, как в детстве, когда оператор планетария пытался показать, что учиться может быть весело. Яг быстро занял своё место слева от Кейта. Стяжка была точкой зелёного цвета — цвета того, что начинало появляться из неё — окружённой обычным кольцом излучения Содерстрёма.

— Это корабль Содружества? — спросил Кейт.

— Нет, — ответил Ромбус. — Отсутствует сигнал транспондера. — Зелёная точка увеличивалась в размерах. — Невероятно — какая яркость, — неуклюже озвучил ФАНТОМ пробежавшие по его сенсорной сети огоньки. Но иб был прав — стяжка уже была самым ярким объектом на небе, затмевающим даже звезду класса А, на которую Яг обратил внимание ранее.

— Пожалуй, стоит освободить ему место, что бы это ни было, — сказал Яг. — Тор, начинайте отрабатывать назад.

— Выполняю.

Кейт обернулся налево.

— Яг, спектральный анализ.

Валдахуд прочитал с одного из своих мониторов:

— Сканирую. Водород, гелий, углерод, азот, кислород, неон, магний, кремний, железо…

— Оно выглядит чисто зелёным. Может, это лазер?

Яг обернул к нему правую пару глаз, левой продолжая следить за показаниями инструментов.

— Нет. Свет не когерентен ни в малейшей степени.

Пылающая булавочная головка на экране расширялась; вот она превратилась в свирепо сияющий круг нескольких метров в диаметре.

— А что насчёт термоядерного выхлопа? — спросила Лианна. — Может быть, корабль входит в стяжку работающим двигателем вперёд, во время торможения?

Яг проконсультировался с мониторами.

— Спектр безусловно характерный для термоядерных реакций. Но если это двигатель, то очень, *очень* мощный.

Кейт покинул свою консоль и встал позади Ромбуса.

— Мы никак не можем связаться с этим кораблём?

Одно из щупалец Ромбуса хлестнуло по пульту.

— Прошу прощения, только не с помощью

обычного радио. Эта штука испускает гигантские объёмы излучения. Гиперсвязь может работать, но мы не имеем понятия, какой квантовый уровень они используют.

— Начните с самого низкого и поднимайтесь, — приказал Кейт. — Обычная последовательность простых чисел.

Снова метнулось щупальце.

— Начинаю передачу. Однако перебор всех уровней потребует бесконечного времени.

Кейт обернулся и оказался лицом к лицу с Риссой.

— Похоже, у тебя всё же будет ситуация первого контакта. — Он снова посмотрел на стяжку. — Господи, какое оно яркое. — Каждый объект на мостике, не скрытый голограммой, купался сейчас в зелёном пламени. Хотя на невидимый пол тени не падали, все присутствующие отбрасывали резкие тени на галерею для посетителей позади своих рабочих мест.

— Оно даже ярче, чем выглядит. — сказал Яг. — Камера отфильтровывает большую часть света.

— Как такое возможно? — спросил Кейт, глядя на Яга.

— Что бы это ни было, — сказал Яг, — оно испускает огромное количество заряженных частиц.

— Зелёное пятно продолжало увеличиваться. — Диаметр сто десять метров, — объявил Яг. — Сто пятьдесят. — В его голосе прорезались нотки изумления. — Двести пятьдесят. Пятьсот. Километр. *Два километра.*

Кейт повернулся к пылающему изображению на голограмме.

— Господи Иисусе!.. — пробормотал он, прикрывая рукой глаза.

Резкий взмах щупалец Ромбуса — ибовский аналог вскрика.

— Тысяча извинений, — произнёс он после того, как изображение на голосфере немного потемнело. — Яркость объекта превысила предельные значения автоматических компенсаторов. С этого момента требуется ручная корректировка.

Зелёный круг теперь рос быстрее. Его края сверкали фиолетовым цветом излучения Содерстрёма — узкое кольцо вокруг огромного озера зелёного пламени. Поверхность круга по-прежнему казалась плоской.

— Температура около двадцати тысяч кельвинов, — сказал Яг.

— Однако *горячо*, — отозвалась Рисса. — Господи, да что же это такое?

В этот момент зазвучала сирена тревоги.

— Радиационная тревога, — крикнула Лианна, разворачиваясь лицом к Кейту. — Рекомендуется переместить корабль.

— Согласен, — сказал Кейт, рысью возвращаясь на место. — Тор, действуйте. Отведите нас ещё на пятьдесят тысяч километров от стяжки. — Он взглянул на монитор с астрофизическими показателями. — Курс двести десять на сорок пять градусов. Отходи на толкателях — не хочу уходить в гипер, пока не разберёмся, что это за штука.

— Выполняю, босс, — отозвался Тор; его руки уже летали над пультом.

Увеличение видимого размера зелёного пятна замедлилось, но не прекратилось — оно расширялось быстрее, чем «Старплекс» был способен двигаться на маневровой тяге.

— Не знал, что стяжка способна открываться настолько широко, — заметил Ромбус. — Яг, так что же это из неё выходит?

Оба комплекта плеч Яга синхронно поднялись и опустились.

— Неизвестно. Спектр очень необычен — большое количество фраунгоферовых линий поглощения тяжёлых элементов. Не совпадает ни с чем в наших каталогах. — Он помолчал. — Если

это термоядерный выхлоп, то корабль должен быть просто гигантским.

— Оно выглядит совершенно плоским, — сказала Рисса. — Почему же стяжка всё ещё расширяется?

— Видимое увеличение объекта определяется скоростью раскрытия портала, — объяснил Яг. — Эта скорость конечна; поэтому, когда стяжки касается плоская поверхность, апертура принимает форму окружности и увеличивается, пока не достигнет краёв объекта. — Он сверился с монитором левой парой глаз. — Скорость раскрытия апертуры увеличивается, хотя и неравномерно.

Фиолетовое гало, окружающее края портала, превратилось в едва различимую кромку вокруг огромного круга, словно кайма вокруг модельки космического корабля в старом фантастическом фильме.

— Сколько уже? — спросил Кейт.

Яг уже явно утомился отвечать на этот вопрос. Он тронул клавишу на своём пульте, и зелёный круг на звёздной сфере окружили с трёх сторон масштабные линейки, градуированные в единицах измерения трёх планет Содружества. Диаметр апертуры уже достиг 450 километров.

— Уровень радиации быстро растёт, — доложи-

ла Лианна.

— Тор, удвой скорость отхода, — приказал Кейт. — Силовые щиты справятся?

Лианна сверилась с показаниями датчиков и покачала головой.

— Нет, если уровень значительно повысится.

Сирена радиационной тревоги тем временем продолжала звучать.

— Выключите уже эту чёртову тревогу, — сказал Кейт и повернулся к валдахуду. — Яг?

— Оно плоское, — сказал Яг. — Словно стена огня. Диаметр уже больше тысячи километров. Тысяча триста. Тысяча семьсот.

Изумрудное сияние заливало небо. Люди прикрывали руками глаза.

Внезапно из стены вырвалась струя зелёного пламени, словно неоновый хлыст на фоне чёрного неба. Она тянулась к кораблю, пока не остановилась в пятидесяти тысячах километров от стяжки.

— Мой бог… — воскликнула Рисса.

— И не говорите мне, что это не оружие, — сказал Яг, поднимаясь на ноги и сцепляя за спиной обе пары рук. — Если бы мы не отвели корабль подальше, нас бы уже поджарило.

— А это не могут быть… это не могут быть хлоп-

ники? — спросила Лианна.

Струя огня теперь медленно падала обратно на светящийся круг портала. Во время падения она распалась на несколько сегментов, каждый размером в тысячи километров.

— Тор, приготовиться к переходу в гиперпространство по моему приказу, — сказал Кейт.

— Всем службам — готовность ко входу в гипер, — раздался голос Лианы из громкоговорителей.

— Может, это какое-то силовое поле? — спросила Рисса.

— Маловероятно, — отозвался Яг.

— Если это выхлоп корабля, — сказал Кейт, — то с того конца должен быть приделан самый большой коллектор водорода в истории.

— Диаметр восемь тысяч километров, — сказал Яг. Он уже дважды уменьшал масштаб линеек на звёздной голограмме. — Десять тысяч…

— Тор, тридцать секунд до входа в гипер!

— Всем службам, внимание! — объявила Лианна. — Вход в гипер через двадцать пять секунд.

Ещё один язык зелёного пламени вылетел из расширяющегося круга.

— Вход в гипер через пятнадцать секунд, — объявила Лианна.

— Господи Иисусе, какое оно огромное, — про-

шептала Рисса.

— Вход в гипер через пять сек… инициализация гипердрайва отменена! Автоматическое прерывание!

— Что? Почему? — Кейт посмотрел прямо в камеру наблюдения ФАНТОМА у себя на консоли. — ФАНТОМ, в чём дело?

— Гравитационный колодец слишком глубок для входа в гиперпространство, — ответил компьютер.

— *Гравитационный колодец?* Мы же в открытом космосе!

— О боги, — сказал Яг. — *Оно так велико, что изгибает пространство*. — Он покинул своё место и выбежал на площадку перед консолями. — Уменьшить яркость изображения вдвое.

Щупальца Ромбуса взметнулись в воздух. Изображение гигантского зелёного круга померкло, но всё ещё слепило глаза.

— Ещё вдвое, — каркнул Яг.

Изображение потускнело снова. Яг пытался посмотреть на него, но для прямого взгляда оно всё ещё было слишком ярким.

— Ещё раз, — приказал он.

Изображение померкло снова — и внезапно на зелёной поверхности проступили детали:

светлые ячейки, разделённые тёмными промежутками…

— Это не корабль, — сказал Яг; его собственный голос, различимый за переводом ФАНТОМа, сорвался в стаккато, свидетельствующее о чрезвычайном возбуждении. — Это *звезда*!

— *Зелёная* звезда? — потрясённо переспросила Рисса. — Таких не бывает.

— Тор, самый полный на толкателях, — отрывисто приказал Кейт. — Прочь от стяжки. Быстро!

Снова ударила по ушам сирена.

— Радиационная тревога второго уровня! — объявила Лианна, перекрикивая сирену.

— Силовые щиты на максимум, — приказал Кейт.

— Одновременно не получится, босс, — крикнул в ответ Тор. — Либо полный ход, либо щиты на максимум.

— Тогда толкателям приоритет. Уводите нас отсюда!

— Если это звезда, — сказала Рисса, — то мы сейчас *слишком* близко к ней. — Она посмотрела на Яга, но тот молчал. — Разве не так? — переспросила она.

Яг пожал верхними плечами.

— Слишком, слишком близко, — тихо повто-

рил он.

— Если нас не доконает радиация, — сказала Рисса, — жар прикончит наверняка.

— Тор, мы можем ещё увеличить скорость? — спросил Кейт.

— Никак нет, босс. Местный гравитационный колодец быстро углубляется.

— Может быть, имеет смысл покинуть корабль? — спросила Лианна. — Возможно, малые суда смогут двигаться быстрее?

— Сожалею об этом, но нет, — ответил Ромбус. — Помимо того, что они не смогут принять на борт весь экипаж, лишь немногие из них оборудованы защитой для полётов вблизи звёздных фотосфер.

Лиана склонила голову набок, прислушиваясь к приватному сообщению через ушной имплант.

— Директор, панические сообщения поступают со всего корабля.

— Стандартные противорадиационные меры безопасности, — приказал Кейт.

— Их не хватит, — тихо сказал Яг, возвращаясь за свою консоль.

Кейт посмотрел на Риссу. Один из её мониторов показывал план корабля — два взаимно перпендикулярных ромба, пересекающих центральный

диск.

— А что, — спросила она, поворачиваясь, — если повернуть «Старплекс» океаническим ярусом поперёк направления движения?

— Что это изменит? — спросил Кейт.

— Океан прикроет нас от радиации. Его глубина двадцать пять метров. Это существенная защита.

Огоньки на сети Ромбуса моргнули.

— Это, несомненно, поможет — по крайней мере, тем, кто находится над океаническим ярусом.

— Мы *все* поджаримся, если ничего не сделаем, — вмешалась Лианна.

Кейт кивнул.

— Тор, поворачивайте «Старплекс» как сказано.

— Двигатели ориентации запущены.

— Лианна, приготовьте план эвакуации всего персонала с палуб с тридцать первую по семидесятую.

Она кивнула.

— ФАНТОМ, внутреннее оповещение включить.

— Выполнено, — ответил ФАНТОМ.

— Всем — срочно! Это директор Лансинг. Приказываю эвакуировать палубы с тридцать первую по семидесятую, следуя инструкциям менеджера

внутренних операций Карендоттир. Очистить инженерное кольцо, причальные ангары, грузовые трюмы и нижнюю часть всех четырёх жилых модулей. Дельфины — либо вовсе покиньте океанический ярус, либо поднимитесь к его поверхности и оставайтесь там. Двигайтесь организованно — но двигайтесь! ФАНТОМ, конец. Перевести, передавать непрерывно.

На голографическом изображении поверхность звезды уже начала выпирать из отверстия портала.

— Скорость раскрытия апертуры быстро увеличивается, — сказал Яг. — Похоже, стяжке требуется время, чтобы разогреться; возможно, потому что поначалу поверхность была практически плоской, но теперь, когда стала заметна кривизна, портал пошёл расширяться гораздо быстрее. Его диаметр уже сто десять тысяч километров.

— Уровень радиации быстро растёт по мере того, как из портала появляется всё больше поверхности звезды, — сказала Лианна. — Если в нас ударит протуберанец, мы сгорим.

— Как идёт эвакуация? — спросил Кейт.

Лианна нажала кнопки, и на звёздной сфере возникли двадцать четыре квадратных экрана;

каждый демонстрировал нарезку изображений с различных камер слежения ФАНТОМа — его глаз внутри корабля.

Коридор — на пятьдесят восьмом уровне, судя по цифрам внизу изображения. Шестеро ибов быстро катятся вперёд.

Перекрёсток двух коридоров: три женщины в спортивных костюмах спешат по направлению к камере по одному коридору, двое валдахудов и мужчина бегом удаляются по другому.

Зона невесомости осевой шахты: люди, отталкиваясь от перекладин на стенах, устремляются вверх.

Три дельфина плывут вверх по водному тоннелю.

Кабина лифта: валдахуд придерживает створки одной рукой и заталкивает людей внутрь тремя другими.

Ещё одна кабина, в ней иб, окружённый дюжиной людей.

— Даже когда мы переместим всех выше океанического яруса, — сказала Лианна, — радиационная защита будет недостаточна.

— Постойте, — воскликнул Тор, — а что если нам спрятаться за стяжкой?

— Э-э? — спросил Ромбус; вернее, такой аналог

подобрал ФАНТОМ пробежавшей по его сети ряби.

— Стяжка — это круглая дыра, — объяснил Тор, обернувшись через плечо к Кейту. — Из него лезет звезда. Задняя часть стяжки — плоский пустой круг, черное ничто в форме тела, пролезающего через стяжку. Если мы окажемся за стяжкой — мы какое-то время будем в безопасности.

Яг хлопнул по консоли всеми четырьмя ладонями.

— Он прав!

Кейт кивнул.

— Действуйте, Тор. Измените курс так, чтобы привести нас на обратную сторону стяжки, все время держа океанический ярус между нами и звездой.

— Выполняю, — ответил Тор. — Но это займёт некоторое время.

На окружающей мостик голосфере сверкающий зелёный круг начал медленно сплющиваться и выгибаться куполом по мере того, как Тор уводил корабль с оси апертуры.

— Большеспин Лансингу! — раздался из интеркома пронзительный дельфиний голос на фоне плеска воды.

— Вызов принять. Лансинг слушает.

— Тор линией не прямой ведёт корабль. У нас приливы на океаническом ярусе.

— Лианна? — сказал Кейт, и двадцать четыре изображения путей эвакуации сменились двадцатью четырьмя видами океанического яруса с разных точек. По левому борту морская вода взбухала к потолку, и настоящие волны касались иллюзорных облаков на голограммном небе. Дельфины сгрудились у правого борта, где они ещё могли дышать.

— Чёрт, — сказал Тор, — не подумал об этом. Сейчас я закручу корабль вокруг оси, надеюсь, это скомпенсирует… Прошу прощения.

«Старплекс» продолжил движение, и светящаяся выпуклость прошедшей через портал части звезды начала затмеваться тёмной лишённой деталей обратной стороной портала. Наконец, зелёный свет пропал совсем; «Старплекс» оказался прямо позади апертуры портала. Единственным свидетельством присутствия звезды были отблески её света на облаке тёмной материи. Даже кольцо излучения Содерстрёма отсюда не было видно, ведь оно вызвано проходящими сквозь стяжку тахионами, которые, разумеется, движутся в противоположном направлении. Черный круг продолжал расти; его диаметр уже достиг

800000 километров.

— Вы можете оценить размер звезды по кривизне её видимой части? — спросил Кейт Яга.

— Экватор ещё не прошёл, — ответил Яг, — и она сплющена с полюсов из-за быстрого вращения. Грубая оценка — полтора миллиона километров.

— Тор, как там с гиперпереходом?

Тор ответил, обращаясь к голограмме Кейта над его пультом:

— Пока плохо. Чтобы пространство было достаточно плоским для гиперперехода, нам надо оказаться минимум в семидесяти миллионах километров от центра звезды. По моим оценкам мы доберёмся до этой точки через одиннадцать часов.

— Часов!? А как скоро через портал пройдёт экватор звезды?

— Около пяти минут, — ответил Яг.

— Состояние эвакуации?

— Сто девяносто человек всё ещё под океаническим ярусом. — доложила Лианна.

— Успеваем? — спросил Кейт.

— Не могу ска…

— Красный сигнал от толкателя номер шесть, — выкрикнул Тор. — Перегрев!

— Час от часу не легче, — сказал Кейт. — Надо

отключать?

— Пока нет. Я запускаю в охладители ремонтных нанотехов; возможно, им удастся взять ситуацию под контроль.

— Экватор зелёной звезды проходит стяжку, — объявил Яг.

На части голосферы появилась схема происходящего. Слева — полушарие звезды, уже прошедшее сквозь портал. Сам портал был представлен в тонкой вертикальной линией — вид сбоку. Справа виднелся удаляющийся от неё ромбик «Старплекса». Как только экватор звезды прошёл через портал, его апертура стала уменьшаться, и испускаемые звездой фотоны и заряженные частицы начал проникать в пространство позади него. Края освещаемого звездой пространства двигались, словно стрелки часов, стартовав из положения 12 и 6 и сходясь к отметке 3.

Тор гнал «Старплекс» с максимально возможной скоростью; Кейту были видны россыпи предупредительных красных и жёлтых огоньков на его пульте. Корабль упорно карабкался вверх по стенке гравитационного колодца, а безопасный коридор всё сужался по мере того, как апертура портала сжималась.

— Лансинг! — закричал Яг. — Область тёмной

материи пришла в движение! Она удаляется от звезды!

— Возможно, это следствие постулированной вами силы отталкивания?

Яг пожал обеими парами плеч.

— Такого эффекта я не предполагал, однако…

— Эвакуация нижних уровней завершена, — доложила Лианна, разворачиваясь вместе с креслом лицом к директору.

— Когда свет звезды нас накроет, — сказал Тор, — мы всё равно примем очень большую дозу радиации.

Наконец, проход звезды завершился, и стяжка снова сжалась в точку. В этот момент Тор переключил всю мощность на силовые щиты, пытаясь рассеять как можно больший поток радиации. Корабль продолжал движение по инерции. Снова завыла сирена радиационной тревоги.

— Мы уже достаточно далеко? — спросил Кейт. Тор был слишком занят и не ответил; Кейту пришлось повторить:

— Мы уже достаточно далеко?

Яг что-то быстро подсчитал.

— Думаю, да. Но только потому, что нас прикрывает океанический ярус. Иначе мы давно уже получили бы смертельную дозу.

— Отлично, — сказал Кейт. — Продолжаем движение, пока радиация не спадёт до безопасного уровня. Лианна, разработайте новый график вахт с минимальный участием китообразных; всех не занятых на вахтах дельфинов поместить в медицинскую гибернацию, пока мы не сможем заменить воду на океаническом ярусе. — Он сделал паузу. — Отличная работа, всем спасибо. Ромбус, каково состояние причальных ангаров?

— Должны быть в норме. Там дополнительная радиационная защита на случай, если судно разобьётся при посадке или взорвётся.

— Хорошо. Тор, как только мы достигнем безопасного расстояния от звезды, дайте мне знать. — Он повернулся к валдахуду. — Яг, вам придётся изучить её более детально. Я хочу знать в точности, откуда она взялась и для чего она здесь.

Глава VIII

Людям понадобилось долгое время, чтобы расшифровать язык дельфинов. Когда они, наконец, это сделали, то обнаружили, что имя дельфина представляет собой его сонограмму, на которой наиболее необычная черта данного дельфина гротескно преувеличена. Неудивительно поэтому, что единственным видом человеческого искусства, от которого дельфины действительно получали удовольствие, оказалась политическая карикатура.

Одним из лучших пилотов кораблей-разведчиков на борту «Старплекса» был дельфин, чьё имя по-английски звучало как Длиннорыл — совершенно неадекватная замена для щелчков и трелей, которыми его соплеменники рисовали его образ, особо подчёркивая могучее рыло.

Любимым судном Длиннорыла был «Бутлегер» — бронзово сверкающий клин двадцати метров в длину и десяти в ширину. Вдоль оси аппарата располагался заполненный водой резервуар. Справа и слева находились изолированные помещения, наполненные воздухом, которые соединялись

друг с другом в задней части, возле воздушного шлюза, образуя подобие буквы U. В левом из них поддерживались условия, привычные людям, в правом — валдахудам.

Для пилотирования свободно плавающие в воде сенсорные датчики облепляли дельфиньи плавники и хвост. Благодаря нескольким сотням двигателей ориентации корабль мог двигаться, довольно точно повторяя движения дельфина в своём резервуаре. Такой способ пилотирования расходовал невероятно много топлива — настолько много, что валдахуды отказались участвовать в строительстве кораблей такого типа, — но взамен давал небывалую манёвренность и, по словам Длиннорыла, ни с чем не сравнимое удовольствие для пилота.

Хотя срок автономности «Бутлегера» измерялся неделями, текущее задание не должно было занять больше суток, так что на борту были только двое: Длиннорыл и Яг.

Обычно «Бутлегер» стоял в причальном ангаре №7, одном из пяти, куда был прямой выход с океанического яруса. Судно было закреплено на внутренней стене отсека, и три входных рукава под углом присоединялись к его верхним люкам.

Длиннорыл и Яг заняли свои места, и внешние

ворота поднялись к потолку. Длиннорыл был знаменит своими эффектными стартами. Он пулей вылетел из причального отсека, потом изогнулся и крутанулся в своём резервуаре, заставив «Бутлегер» пройти над всеми причальными воротами «Старплекса» и замкнуть круг почёта вокруг центрального диска. Затем Длиннорыл повернулся набок, и кораблик заложил широкую дугу — со стороны это выглядело в точности как аэродинамический манёвр в космическом вакууме.

Яг начал проявлять нетерпение, но Длиннорыл, как истинный дельфин, не обращал на это внимания. Он выполнил ещё несколько переворотов и кувырков в своём резервуаре, и кораблик отреагировал соответственно. Гравитационные пластины под кабиной Яга полностью гасили вызванные манёврами перепады ускорения, однако Длиннорыл в своём бассейне ощущал корабль как продолжение собственного тела.

Наконец, когда ему наскучило дурачиться, Длиннорыл послал корабль к цели по полого изгибавшейся траектории — расточительной с точки зрения потребления горючего, но гораздо более интересной, чем скучные прямые линии или выверенные эллипсы небесной механики. В небесах царила зелёная звезда, хотя расстояние

до неё уже превышало тридцать миллионов километров. «Бутлегер» имел гораздо более мощную физическую и полевую защиту, чем «Старплекс» в целом, так что был способен сблизиться с ней на очень малое расстояние. Под управлением Длиннорыла кораблик нырнул к звезде, пройдя всего в 100000 км над её поверхностью, и зачерпнул образец звёздного вещества.

— Зелёность этой звезды трудность есть для меня, — сказал Длиннорыл через гидрофон у себя в резервуаре. Как и большинство дельфинов, Длиннорыл был способен издавать звуки, отдалённо напоминающие фонемы как английского, так и валдахудского языков (хотя с синтаксисом испытывал традиционные для дельфинов проблемы — понятие правильного порядка слов в дельфиньей грамматике отсутствовало). Компьютер просто обрабатывал эти звуки, приводя их к фонетической норме, хотя мог и переключиться в режим перевода, заговори Длиннорыл по-дельфиньи.

Яг хрюкнул.

— Я тоже в недоумении. Температура поверхности двадцать тысяч градусов. Этот *фардинт* должен быть белым или голубым, но не зелёным. Спектральный анализ — тоже белиберда

какая-то. Никогда не видел такой концентрации тяжёлых элементов в спектре звезды.

— Повреждена возможно проходом стяжкой? — предположил Длиннорыл, слегка повернув тело так, чтобы корабль начал медленно вращаться вокруг продольной оси. Даже при максимальной защите позволять звезде накалять всё время один и тот же бок корабля было неразумно.

Яг снова хрюкнул.

— Полагаю, это возможно. Вероятно, при проходе через стяжку с неё сорвало большую часть хромосферы и короны. Края портала наверняка выровнялись по верхней границе фотосферы, оставив более разреженные слои по ту сторону. Однако никаких структурных изменений при проходе через стяжку никогда не наблюдалось. Правда, никогда прежде через неё не проходило ничего настолько большого.

Обзорные экраны «Бутлегера» были до краёв заполнены зелёным пламенем; настоящие иллюминаторы уже давно сделались полностью непрозрачными.

— Пройди ещё раз над экватором, — сказал Яг, — а потом выведи нас на полярную орбиту. Прежде, чем я начну ломать голову над этими линиями поглощения, хочу убедиться, что спектр

везде одинаков.

На скорости в одну тысячную от световой потребовалось пять часов на то, чтобы совершить виток над экватором звезды, и ещё пять часов на полярный виток. Всё это время Длиннорыл сохранял вращение корабля вокруг оси. Яг не отрывал глаз от измерительных инструментов, пристально разглядывая тёмные линии поглощения, и всё время бормотал под нос: «Ил по воде, ил по воде» — истину нащупать не удавалось.

Ягу не составило труда измерить массу звезды по отпечатку, оставляемому ею в гиперпространстве; она оказалась несколько тяжелее, чем он ожидал. Не считая цвета, во всех других отношениях её поверхность выглядела вполне типично и состояла из плотно стиснутых ярких горошин, разделённых тёмными промежутками — конвекционные ячейки, созданные перемешиванием газа в фотосфере. На звезде даже были пятна, хотя, в отличие от обычных, все здешние пятна были соединены друг с другом перемычками в гантелеобразные пары. Это была, вне всякого сомнения, звезда — но непохожая ни на одну из тех, что Яг видел ранее.

Наконец, облеты были завершены, и Длиннорыл спросил:

— Готовы домой вернуться?

Яг беспомощно развёл всеми четырьмя руками.

— Да.

— Тайна разгадана?

— Нет. Звёзд, как эта, попросту не бывает.

«Бутлегер» лёг на обратный курс; Яг всю обратную дорогу просидел над своими данными, что-то бормоча под нос.

* * *

Кейт лежал в постели рядом с женой и не мог заснуть. Он всматривался в темноте в её смутный силуэт, следил, как укрывающая её простыня поднимается и опускается в такт дыханию.

Она заслуживает лучшего. Он энергично выдохнул, словно пытаясь выдуть из себя всё беспокойство, и погрузился в воспоминания о более счастливых временах.

У Риссы были тёмные глаза, которые превращались в выгнутые вверх полумесяцы, когда она улыбалась. Рот небольшой, губы полные — в высоту вдвое меньше чем в ширину. Мать её была итальянкой, отец — испанец. От матери она унаследовала блестящие чёрные волосы, от отца — жгучие глаза. В свои сорок шесть лет Кейт не

встречал ни одной женщины, которая при свете свеч была бы более желанна, чем Рисса.

Когда они встретились впервые в 2070-м, ему было двадцать два, а ей двадцать. У неё была сногсшибательная фигура. Разумеется, с возрастом она претерпела некоторые естественные изменения; она по-прежнему была в отличной форме, но пропорции несколько сместились. Тогда, в молодости, Кейт и предположить не мог, что когда-либо будет находить женщину сорока четырёх лет привлекательной. Однако к бесконечному его удивлению его вкусы за прошедшие годы изменились, и хотя два десятилетия брака несомненно притупили его непосредственную реакцию на неё, стоило ему увидеть Риссу не такой, как всегда — в новом костюме, или тянущуюся за чем-то на верхней полке, или с по-другому зачёсанными волосами — и у него перехватывало дыхание.

И всё же…

И всё же, Кейт понимал, что время берёт своё. Его волосы начали редеть. О, против этого существуют «средства» — если предположить, что такое естественное явление, как мужская лысина, нуждается в лечении — однако прибегать к ним казалось глупостью и тщеславием. Кроме

того, учёные среднего возраста и должны быть лысыми. Это общепризнанный архетип.

У отца Кейта была густая тёмная шевелюра до самой его гибели в возрасте пятидесяти пяти лет; теперь Кейт подозревал, что отец пользовался-таки услугами реставратора волос. Но Кейт, сделай он что-либо подобное, чувствовал бы себя идиотом.

Он вспомнил Мэнди Ли, телезвезду, в которую он по уши влюбился в двенадцатилетнем возрасте. В то время ничто его так не возбуждало, как огромные женские груди, вероятно, потому что ни у кого из девочек его класса груди ещё не было; это было символом запретного, чужого мира взрослой сексуальности. Да, Мэнди, прозванную «двойной звездой» одним остряком из «Телегида», именно грудь сделала знаменитостью. Однако Кейт потерял к ней всякий интерес, как только узнал, что её грудь была фальшивой; после этого он не мог смотреть на неё без мысли об имплантах под выпуклостями её алебастровой кожи и о хирургических шрамах (хотя он, разумеется, знал, что анестезирующий лазерный скальпель не оставляет никаких следов вообще). Да будь он проклят, если превратит свою голову в такую фальшивку; черта с два люди будут смотреть на

него и думать — а ведь этот парень на самом деле лысый, ну, вы понимаете…

Вот так вот они и жили, Кейт и Рисса; по-прежнему любящие, пусть и не страстной любовью юности, а более расслабленной и зрелой и в целом приносящей большее удовлетворение.

И всё же…

И всё же, чёрт его побери, ему только что стукнуло сорок шесть. Он стареет, лысеет, седеет, и не был ни с какой другой женщиной со времён своих трёх — так мало! — неуклюжих попыток в старших классах и в университете. Три плюс Рисса — то есть, всего четыре. Меньше чем одна на десятилетие. Боже, подумал он, даже валдахуд может пересчитать моих партнёрш по пальцам одной руки.

Кейт знал, что не должен так думать, знал, что у них с Клариссой было то, чего большинство других людей так и не могут достичь — любовь, которая растёт и эволюционирует по мере взросления, отношения крепкие, тёплые и надёжные.

И всё же…

И всё же была Лианна Карендоттир. Как и Мэнди Ли, символ красоты из его юности, у Лианны было лицо азиатского типа с тонкими чертами; что-то в азиатских женщинах всегда его влекло.

Он не знал, сколько Лианне лет, но она без сомнения была моложе Риссы. Конечно, как директор «Старплекса» Кейт имел доступ к личным делам сотрудников, но он боялся им воспользоваться. Господи, да ей, может, и тридцати нет. Лианна появилась на борту, когда «Старплекс» в последний раз заходил на Тау Кита, и теперь, в качестве менеджера внутренних операций, часто находилась на мостике вместе с Кейтом по многу часов. Но, к его удивлению, сколько бы он ни проводил с ней времени, ему всегда хотелось ещё.

Пока что он не совершил никакой глупости. В сущности, он считал, что держит ситуацию под контролем. Однако он всегда был склонен к самоанализу и вполне осознавал, что происходит. Кризис среднего возраста, страх потери мужских качеств. И что может быть лучше для того, чтобы рассеять эти страхи, чем затащить в постель красивую молодую женщину?

Пустые фантазии. Конечно, конечно.

Он перевернулся на бок, отвернувшись от Риссы, и попытался свернуться клубком. Он не должен делать ничего, что причинило бы боль Риссе. Но если она никогда об этом не узнает…

О боже, да прекрати ты эту ерунду! Разумеется, она узнает. Как он сможет после этого смотреть

ей в глаза? А их сын Сол? Как он будет смотреть в глаза ему? Он видел, как его сын сияет от гордости, как кричит на него в ярости, но никогда ещё не видел в его глазах отвращения.

Если бы он смог уснуть. Если б только он смог прекратить мучить себя.

Широко открытыми глазами он всматривался в темноту.

* * *

После того, как «Бутлегер» пришвартовался, Длиннорыл отправился поесть, а Яг вернулся на мостик. Сейчас он мог сохранять вертикальное положение лишь с помощью покрытой замысловатой резьбой трости — это всё же лучше, чем опускаться на четвереньки. Кейт, Рисса, Тор и Лианна всю ночь проспали, а Ромбус… ну, ибы-то вообще не спят, из-за чего их долгая жизнь кажется несправедливой вдвойне. Обычно Яг выходил для доклада в пространство перед шестью консолями, но сейчас он лишь доковылял до галереи для посетителей и грузно опустился в центральное кресло, заставляя остальных развернуть свои консоли на 180 градусов.

Кейт вопросительно посмотрел на Яга.

— Ну как?

Яг секунду помедлил, собираясь с мыслями, и залаял:

— Как некоторым из вас известно, звёзды разделяются на три большие возрастные категории. Звёзды первого поколения — самые старые звёзды во вселенной — состоят практически полностью из водорода и гелия, двух изначальных элементов. Атомы тяжелее гелия составляют менее 0,02% их массы, и они, разумеется, образовались здесь же в результате идущих внутри звёзд термоядерных реакций. Когда звезда первого поколения становится новой или сверхновой, межзвёздные газопылевые облака обогащаются этими более тяжёлыми элементами. Поскольку звёзды второго поколения образуются путём сжатия этих самых облаков, содержание в них металлов — под «металлами» здесь имеются в виду все элементы тяжелее гелия — составляет чуть больше одного процента. Звёзды третьего поколения ещё моложе; солнца всех планет Содружества принадлежат к третьему поколению, как и звёзды, рождающиеся в настоящий момент, хотя, разумеется, некоторые звёзды первого поколения и очень многие звёзды второго существуют и по сей день.

Яг сделал небольшую паузу и оглядел по очере-

ди всех присутствующих.

— Так вот, — продолжил он, — эта звезда, — он махнул средней рукой в сторону зелёного шара на голосфере, — состоит из металлов на *восемь* процентов, что вчетверо больше, чем у типичного представителя третьего поколения. В этой штуке железа столько, что его можно из неё *добывать*.

— А что насчёт зелёного цвета? — спросил Кейт.

— Ну, на самом деле она, конечно, не зелёная, не в большей степени, чем так называемые красные звёзды на самом деле красные. Почти все звёзды белые, лишь со слабыми следами цвета. — Он обвёл средней рукой окружающие мостик созвездия. — ФАНТОМ подкрашивает звёзды, которые показывает на голосфере, согласно их положению на диаграмме Гецшпрунга-Рассела[10]. Эта наша зелёная звезда на самом деле лишь немного зеленовата. Свет, поглощённый атомами тяжёлых металлов в синей и ультрафиолетовой областях

[10] Примечания: 10

Диаграмма, по вертикальной оси которой откладывается светимость звезды (мощность излучения), а по горизонтальной — её температура (или, цвет, который есть функция температуры). Реально существующие звёзды, будучи нанесены на такую диаграмму, располагаются на ней не случайно, а образуют хорошо различимые кластеры, самый большой из которых — так называемая Главная последовательность, в которой светимость увеличивается с ростом температуры. *(Прим. перев.)*

спектра, переизлучается в зелёной; в результате в зелёной области спектра звезда излучает относительно больше энергии, чем в соседних, и потому приобретает зеленоватый оттенок. — По его меху пробегали волны. — Я бы сказал, что звёзды с настолько высоким содержанием металлов невозможны в нашей вселенной в её текущем возрасте, если бы не видел одну из них собственными глазами. Возможно, она сформировалась в весьма нетипичных условиях, и…

— Прошу прощения, что перебиваю, уважаемый Яг, — сказал Ромбус, — но я регистрирую тахионный выброс.

Кейт резко развернул своё кресло в направлении стяжки.

— О боги, — произнёс Яг, поднимаясь на ноги. — Большинство звёзд входят в состав двойных и кратных систем…

— Мы не выдержим ещё одного сближения со звездой, — сказала Лианна. — У нас…

Но раскрытие стяжки уже прекратилось, и из неё выскочил крошечный объект. Максимальная апертура составила всего семьдесят сантиметров, после чего стяжка снова схлопнулась в неразличимую точку.

— Это ватсон, — объявил Ромбус. Автомати-

ческий коммуникационный буй. — Согласно сигналу транспондера он с Гранд-Централа.

— Запустить воспроизведение, — приказал Кейт.

— Послание на русском, — предупредил Ромбус.

— ФАНТОМ, перевод.

Голос центрального компьютера заполнил помещение.

— Валентина Ильянова, управляющий, колония Новый Пекин, для Кейта Лансинга, командующего, «Старплекс». Красный карлик спектрального класса М появился из стяжки Тау Кита. К счастью, вектор его движения был направлен от Тау Кита. На настоящий момент неизвестно ни о каком материальном ущербе, хотя звезда создала нам трудности с запуском ватсона через стяжку. Это наша третья попытка связаться с вами. Нам удалось установить связь с астрофизическим центром на Реболло, и они сообщили, что из их стяжки тоже появилась звезда — в данном случае голубой гигант класса В. Мы пытаемся получить информацию по остальным активным стяжкам, чтобы установить, насколько повсеместно это явление. Конец сообщения.

Кейт оглядел залитое зелёным светом помеще-

ние мостика.

— Господи Иисусе… — тихо произнёс он.

Глава IX

— А я говорю, это нападение, — заявил Торальд Магнор, поднимаясь со своего места за навигационной консолью и усаживаясь на галерее для посетителей в паре кресел от Яга. — Пока нам вроде везёт, но вообще-то появление в системе ещё одной звезды может уничтожить там всякую жизнь.

Яг сложил две нижние руки в валдахудском жесте отрицания.

— Большинство стяжек находятся в межзвёздном пространстве, — ответил он. — Даже та, которую вы называете «стяжка Тау Кита», находится в тридцати семи миллиардах километров от этой звезды, вшестеро дальше, чем Плутон от Солнца. Я бы сказал, в пятнадцати из шестнадцати случаев появление ещё одной звезды почти не повлияет на близлежащие звёздные системы, а поскольку населённые миры редки, а расстояния между ними огромны, риск нанести реальный вред планете с биосферой весьма невелик.

— А вдруг эти звёзды как бомбы? — сказала Лианна. — Вы сказали, что зелёная звезда очень

необычна. А она может взорваться?

— Мои исследования только начались, — ответил Яг, — но я могу сказать, что нашему пришельцу жить ещё не менее двух миллиардов лет. А одиночные карлики класса М типа того, что прибыл к Тау Кита, вообще никогда не взрываются.

— Однако, — сказала Рисса, — они могут внести возмущения в облака Оорта систем, мимо которых проходят, отчего множество комет перейдёт на низкие орбиты и обрушится на внутренние планеты. Я припоминаю старую теорию о том, что коричневый карлик — кажется, его называли Немезида — мог пройти близко от Солнца и вызвать массовое выпадение комет в конце мелового периода.

— Ну, как потом выяснилось, никакой Немезиды не существует, — ответил Яг, — но даже если бы и существовала, в наши дни у каждой из рас Содружества достаточно ресурсов, чтобы справиться с угрозой столкновения с любым разумным количеством кометных тел — которым, замечу, понадобятся десятилетия или даже столетия, чтобы добраться до внутренних областей планетной системы. Это проблема будущих поколений.

— Но тогда зачем? — спросил Тор. — Зачем двигать звёзды? И нужно ли нам пытаться это остановить?

— Остановить? — удивился Кейт. — Как?

— Уничтожив стяжки, — ответил Тор.

Кейт моргнул.

— Я не уверен, что их вообще возможно уничтожить, — сказал он. — Яг?

Мех Валдахуда на мгновение пошёл волнами, отражая раздумья, и когда Яг заговорил, его лай звучал как-то приглушённо.

— Да, теоретически, есть один способ. — Он смотрел на Кейта, но отводил обе пары глаз от его взгляда. — Когда первый контакт с людьми пошёл не так, нашим астрофизикам было поручено найти способ запечатать стяжку Тау Кита, если возникнет необходимость.

— Это возмутительно, — воскликнула Лианна. Яг обернулся к ней.

— Предусмотрительно. Всегда нужно быть готовым к худшему.

— Но уничтожить нашу стяжку! — вскричала Лианна, и на её лице появились незнакомые складки.

— Мы этого не сделали, — сказал Яг.

— Да даже просто думать об этом! Если вы не

хотели видеть нас на Реболло, то должны были уничтожить свою стяжку, а не нашу.

Кейт обернулся к ней.

— Лианна, — тихо позвал он. Она обернулась, и он беззвучно, одними губами изобразил «Спокойно!» Потом снова повернулся к Ягу. — Вы нашли такой способ? Разрушить стяжку?

Яг приподнял верхние плечи в знаке согласия.

— Гаф Кандаро эм-Веэл, мой родитель, возглавлял проект. Стяжка — это гиперпространственный конструкт, связующее звено которого вытеснено в нормальное пространство. В гиперпространстве существует абсолютная система отсчёта. Именно поэтому эйнштейновское ограничение скорости там не действует; это нерелятивистская среда. Однако нормальное пространство — релятивистское, так что выход — то, что мы называем порталом стяжки — должен быть заякорен относительно чего-нибудь в нормальном пространстве. Если бы удалось дезориентировать якорную точку так, чтобы она больше не выталкивалась из гиперпространства, то она бы просто испарилась во вспышке черенковского излучения.

— И как же можно «дезориентировать якорную точку»? — спросил Кейт; в его голосе прозвучал

скептицизм.

— Ну, ключом оказался тот факт, что стяжка — это и в самом деле точка, протяжённость она приобретает только при прохождении сквозь неё материального тела. Сферический массив генераторов искусственной гравитации, собранный вокруг неактивной стяжки, мог бы скомпенсировать локальную кривизну пространства-времени. Хотя большинство стяжек расположены в межзвездном пространстве, они всё равно находятся в гравитационном прогибе, создаваемом нашей галактикой. Но если мы ликвидируем этот прогиб, якорю станет не за что держаться, и он — пуфф! — исчезнет. Поскольку неактивная стяжка очень мала, это можно проделать в помощью массива всего метр или два в диаметре, если подвести к нему достаточную энергию.

— «Старплекс» сможет обеспечить такую энергию? — спросил Ромбус.

— Легко.

— Да неужели? — усомнился Кейт.

— Так и есть, — ответил Яг. — Гравитация — это та сила, что «прогибает» пространство-время; всё, что делает искусственная гравитация — модифицирует этот прогиб. В нашей домашней системе

в аварийных ситуациях мы пользовались гравитационными буями для того, чтобы разровнять пространство-время в ближайшем окружении и таким образом иметь возможность совершить гиперпрыжок из внутренних областей системы.

— И почему об это ничего не известно Астрофизической Сети Содружества? — резким тоном спросила Лианна.

— Э-э… потому что нас никто не спрашивал? — неуклюже огрызнулся Яг.

— Почему вы не предложили мне воспользоваться этим методом, чтобы уйти в гипер когда мы убегали от зелёной звезды?

— Нет, так это так не работает; воздействие должно производиться извне, с помощью внешнего источника энергии. Уж можете поверить, мы пытались разработать метод, который позволил бы кораблю уходить в гипер откуда угодно, но ничего не получилось. Пользуясь человеческой метафорой, это всё равно как тянуть себя из болота за волосы. Это попросту невозможно.

— Но если мы сделаем это прямо сейчас — заставим стяжку испариться, то мы не сможем вернуться домой, — сказал Кейт.

— Это так, — ответил Яг. — Но мы могли бы оставить здесь гравибуи, которые схлопнут стяж-

ку после того, как мы через неё пройдём.

— Но звёзды, похоже, появляются из многих стяжек, — заметила Рисса. — Если мы испарим стяжки Тау Кита, Реболло и Плоскона, мы отрежем наши планеты друг от друга и разрушим Содружество.

— Для спасения составляющих его планет, — уточнил Тор.

— Боже, нет, — сказал Кейт, — разумеется, мы не хотим уничтожить Содружество.

— Есть ещё один способ, — сказал Тор.

— Да?

— Переместить население планет Содружества в звёздные системы, удалённые от всех стяжек. Можно ведь найти три или четыре системы, расположенные поблизости друг от друга и имеющие планеты нужного типа, терраформировать их и просто переселиться туда. А межзвёздные полёты мы по-прежнему сможем совершать на гиперприводе.

Кейт удивлённо воззрился на Тора.

— Ты говоришь о переселении… скольки?.. тридцати *миллиардов* живых существ?

— Плюс-минус… — согласился Тор.

— Ибы не покинут Плоскон, — заявил Ромбус с непривычной для его речи твердостью.

— Это сумасшествие, — сказал Кейт. — Мы не можем отключать стяжки.

— Если родная планета в опасности — то можем. И должны, — ответил Тор.

— Пока что нет никаких свидетельств того, что прибывающие звёзды представляют опасность. Не могу себе представить, чтобы существа, настолько развитые, чтобы двигать звёзды, были бы злыми.

— Они могут быть не более злы, чем строители, уничтожающие на стройплощадке муравейник, — сказал Тор. — Мы могли просто оказаться у них на дороге.

* * *

До появления новой информации о прибывающих звёздах Кейту нечего было делать, так что в полдень по корабельному времени они с Риссой отправились пообедать.

На борту «Старплекса» было восемь ресторанов. Выбор термина был не случайным. Среди людей бытовала привычка для наименования реалий «Старплекса» пользоваться военно-морскими терминами: «столовая», «лазарет», «каюта» вместо «ресторан», «больница» или «квартира». Однако из четырёх рас Содружества только лю-

ди и валдахуды имели воинские традиции, две же оставшиеся относились к этой стороне их культур достаточно нервозно и без постоянных напоминаний в повседневном общении.

Рестораны отличались друг от друга как оформлением, как и выбором подаваемых блюд. Дизайнеры «Старплекса» приложили колоссальные усилия к тому, чтобы жизнь на борту не была монотонной. Сегодня Кейт с Риссой решили пообедать в «Кег Таан», валдахудском ресторане на двадцать шестой палубе. В фальшивых окнах ресторана виднелись голограммы пейзажей Реболло — широкие и плоские заливные равнины, покрытые фиолетово-серой грязью и пересеченные руслами рек и ручьёв. По равнине были разбросаны клубки *старгов* — реболльских аналогов деревьев, на вид похожих на трёх-четырёхметровые перекати-поле. Влажная грязь не позволяла растениям надёжно закрепиться, зато была богата растворёнными минералами и распадающейся органикой. Каждый старг отращивал тысячи спутанных побегов, которые могли служить как корнями, так и, развернувшись, фотосинтезирующими органами, в зависимости от того, с какой стороны растения они окажутся. Гигантские растения либо медленно катились по

равнине, переворачиваясь вновь и вновь, либо плыли по течению ручьёв, пока не находили место с плодородной почвой, после чего укоренялись и оседали в грязи, скрывались в ней на треть своего размера.

Голографическое небо здесь было зеленовато-серого цвета, а висящая над головами звезда — огромная и красная. Кейт находил здешнюю цветовую гамму угнетающей, однако признавал, что готовят здесь отменно. Валдахуды были в основном вегетарианцами и предпочитали сочные части растений с нежным вкусом. Кейт испытывал непреодолимую тягу к молодым побегам старга три или четыре раза в месяц.

Разумеется, все восемь ресторанов были открыты для представителей любых рас, что означало наличие в меню блюд для всех типов обмена веществ. Кейт заказал старговый салат и к нему сэндвич с плавленым сыром и маринованные корнишоны. Валдахуды, чьи самки, как и самки земных млекопитающих, вскармливали детёнышей своими питательными выделениями, находили привычку людей пить молоко других животных омерзительной, однако притворялись, что не знают, из чего делают сыр.

Рисса сидела напротив Кейта. Стол имел стан-

дартную для валдахудской культуры овальную форму с одной вогнутой стороной, напоминающую человеческую почку. Он был сделан из полированного растительного материала, который не был древесиной, но тоже имел перемежающиеся светлые и тёмные полосы. Рисса сидела с вогнутой стороны стола. По валдахудской традиции самка всегда занимает почётное место; на родной планете она всегда сидит с вогнутой стороны, а её свита самцов рассаживается вокруг неё с выпуклой.

Рисса была менее консервативна в своих кулинарных предпочтениях. Она ела *газ торад* — «кровавые мидии», валдахудские двухстворчатые моллюски, живущие в мутной воде на дне озер. Кейт считал их багрово-пурпурный цвет отвратительным, как, впрочем, и большинство валдахудов, потому как он в точности соответствовал оттенку их крови. Однако Рисса в совершенстве овладела искусством поднести моллюска ко рту, вскрыть раковину и высосать содержимое так, чтобы внутренность моллюска ни разу не попалась на глаза ни ей самой, ни сидящему напротив.

Они ели молча, и Кейт раздумывал, хорошо это или плохо. Темы для пустой болтовни у них

кончились много лет назад. О, если у одного из них было, что обсудить, то они могли разговаривать часами, но, похоже, общество друг друга им было приятно и без слов. По крайней мере, так чувствовал Кейт и надеялся, что Рисса разделяет это чувство.

Кейт как раз подносил ко рту порцию старговых ростков с помощью *катука* (валдахудского столового прибора наподобие плоских щипцов), когда из поверхности стола выскочила коммуникационная панель с изображением Хека, валдахудского специалиста по ксенокоммуникации.

— Рисса, — сказал он с ещё более ярко выраженным бруклинским акцентом, чем у Яга; панель была наклонена так, что Кейта он не видел. — Я проанализировал шумы, которые мы регистрируем в полосе двадцать один сантиметр. Вы не поверите, что я нашёл! Немедленно приходите ко мне в офис.

Кейт отложил катук и посмотрел через стол на жену.

— Я с тобой, — сказал он и поднялся из-за стола. Лишь выходя из ресторана он осознал, что это были первые его слова за всё время обеда.

* * *

Кейт и Рисса вошли в лифт. Как всегда, монитор на стене лифта показывал номер палубы — 26, и её план — равносторонний крест с длинными перекладинами. По мере движения лифта номер палубы уменьшался, а перекладины креста укорачивались. Когда они достигли палубы с номером 1, перекладины практически исчезли. Двое людей покинули лифт и вошли в радиоастрономическую обсерваторию «Старплекса».

Хек, мелкий валдахуд со шкурой более рыжего, чем у Яга, оттенка, склонился над столом в поклоне.

— Рисса, ваше присутствие — честь для меня, — произнёс он стандартную валдахудскую формулу приветствия самки. Потом слегка качнул головой в сторону Кейта: — Лансинг. — Самца, хотя бы даже и собственного босса, положено приветствовать подчёркнуто безразлично.

— Хек, — в том же стиле ответил Кейт и кивнул.

Валдахуд снова обратился к Риссе.

— Вам известно о том, что мы регистрируем шумы в радиодиапазоне? — Лающие звуки его речи заметались в тесном помещении.

Рисса кивнула.

— Так вот, первичный анализ не выявил в них периодичности. — Он скосил одну пару глаз на Кейта. — Сигнал, используемый в качестве маяка, обычно повторяется с периодом от нескольких минут до часов. Здесь нет ничего подобного. Собственно, я вообще не нашёл никаких следов периодичности. Однако когда я начал анализировать сигнал более детально, обнаружились повторяющиеся структуры длительностью менее одной секунды. К настоящему времени мне удалось выявить шесть тысяч семнадцать таких элементов. Некоторые встретились всего раз или два, другие повторялись много раз. Некоторые — более десяти тысяч раз.

— О боже, — выдохнула Рисса.

— Что? — не понял Кейт. Она повернулась к нему.

— Это значит, что сигнал может содержать информацию. Это может быть радиообмен.

Хек поднял верхнюю парой плеч.

— Именно. Эти повторяющиеся элементы могут быть отдельными словами. Те, что встречаются часто — общеупотребительные слова, возможно, эквивалент местоимений и предлогов.

— И откуда эта передача ведётся? — спросил

Кейт.

— Откуда-то со стороны скопления тёмной материи, — ответил Хек.

— И вы уверены, что это сигналы разумных существ? — спросил Кейт, ощутив, как у него забухало сердце.

В этот раз Хек шевельнул нижними плечами.

— Нет, я не уверен. Во-первых, сигнал очень слаб. На сколько-нибудь значительном расстоянии его будет не отличить от фоновых шумов. Но если я окажусь прав и это действительно слова, то они подчиняются вполне различимому синтаксису. Ни одно слово никогда не удваивается. Некоторые слова встречаются только в начале или в конце передачи. Некоторые слова встречаются только после других слов. Возможно, одни — это прилагательные и причастия, а вторые — существительные или глаголы, смысл которых они модифицируют, или наоборот. — Хек помолчал. — Конечно, я проанализировал не все сигналы, хотя я их постоянно записываю для будущего изучения. Они поступают всё время, на более чем двухстах очень близких друг к другу частотах. — Он снова помолчал, чтобы дать им переварить сказанное. — Я бы сказал, что существует очень большая вероятность наличия

внутри облака тёмной материи флота космических кораблей.

Кейт начал было говорить, но интерком на столе Хека запищал.

— Кейт, это Лианна.

— На связи. Что случилось?

— Я думаю, вам нужно подняться на мостик. Прибыл ватсон с сообщением, что «бумеранг» вернулся через стяжку Реболло 376A.

— Уже бегу. И, пожалуйста, вызови Яга. Конец связи. — Он взглянул на Хека. — Хорошая работа. Попробуйте поточнее локализовать сигнал. Я велю Тору совершить облёт облака тёмной материи и провести поиск тахионной эмиссии, радиации, вспышек толкателей или других следов присутствия чужих кораблей.

* * *

Кейт быстрым шагом вошёл на мостик, Рисса следом за ним. Они прошли к своим рабочим местам.

— Показать сообщения ватсона, — приказал Кейт.

Лианна нажала кнопку, и на ограниченном рамкой участке голосферы появилось изображение валдахуда со снежно-седой шкурой. ФАНТОМ

подменил речь валдахуда её английским переводом в ушном импланте Кейта, хотя, разумеется, перевод не совпадал с движениями губ.

— Приветствую, «Старплекс». — Текстовая строка внизу изображения идентифицировала говорящего как Кайда Пелендо эм-Хута из Астрофизического центра Реболло. — Вернулся «бумеранг», посланный к стяжке, обозначенной как Реболло 376A. Я полагаю, вы предпочтёте остаться там, где вы есть, и продолжить исследования стяжки, чьё появление в сети необъяснимо. Однако я думаю, что Яг и другие захотят ознакомиться с записями «бумеранга», прежде чем вы вернётесь на базу. Записи приложены к данному сообщению. Я думаю, вы найдёте их… интересными.

— Ромбус, — сказал Кейт, — выведите записи «бумеранга» на голосферу. Посмотрим, что он там нашёл.

— Рад служить, — ответил Ромбус. — Загрузка данных; изображение будет готово через две минуты сорок секунд.

Лианна потёрла руки.

— То пусто, то густо, — сказала она, разворачиваясь лицом к Кейту и улыбаясь. — Ещё один сектор пространства открыт для исследования!

Кейт кивнул.

— Это не перестаёт меня поражать. — Он вылез из-за консоли и в ожидании готовности изображения принялся расхаживать по рубке. — Знаете, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, — мой прапрадед вёл дневник. Уже перед самой смертью он составил список величайших открытий и изобретений, случившихся при его жизни: радио, автомобиль, самолёт, лазер, компьютеры, открытие ДНК, и прочее, и прочее. — Лицо Лианны выражало искренний интерес, хотя Кейт понимал, что остальные его разглагольствования могут считать скукой смертной. Ну и чёрт с ними; у директорской должности есть свои привилегии, главная из которых — когда ты говоришь, остальные обязаны слушать. — Когда я подростком прочитал его записи, я подумал, что мне будет нечего написать на этот счёт для своих потомков. Но когда изобрели гиперпривод и искусственный интеллект, открыли Стягивающую сеть, научились разговаривать с дельфинами, я понял, что…

— Прошу прощения, — прервал его Ромбус; огни его сенсорной сети вспыхивали в стробоскопическом ритме, который его народ использовал в качестве сигнала прерывания, — голограмма

готова.

— Показывайте, — сказал Кейт.

Мостик погрузился во тьму, когда изображение окружающего «Старплекс» пространства исчезло с голосферы. Потом, полоса за полосой, её от правого края до левого начало заполнять новое изображение, постепенно освещая мостик. Когда процесс завершился, мостик снова словно оказался в открытом пространстве — пространстве нового сектора Галактики, который стал доступен народам Содружества.

Тор изумлённо присвистнул.

Яг в удивлении щёлкнул жевательными пластинами.

На новом небосводе также царила огнедышащая зелёная звезда, которая находилась примерно в десяти миллионах километров от стяжки, медленно удалялась от неё.

— По-моему, вы говорили, что зелёные звёзды — это редкость, — сказал Кейт Ягу.

— Это меньшая из наших проблем, — сказал Тор. Он снял ноги с консоли и обернулся лицом к Кейту. — Стяжка не была активирована, пока «бумеранг» не прошёл через неё.

Кейт непонимающе уставился на него.

— И это видео он снял *до того*, как вошёл в

стяжку.

Яг поднялся на ноги.

— *Каа-даргт*. Это значит…

— Это значит, — подхватил Кейт, внезапно поняв, — что звёзды могут появляться из *неактивированных* стяжек. Господи, они, должно быть, выскакивают сейчас из всех четырёх миллиардов порталов по всему Млечному Пути!

Глава X

В тот вечер Кейт ужинал один. Он любил готовить, но готовить для кого-то, а Рисса задержалась на работе допоздна. У них с Каретой наконец наметился прорыв в исследованиях предела Хейфлика; так, по крайней мере, им казалось. Однако возникли проблемы с повторяемостью результатов, так что Рисса просто заказала бутерброды прямо в лабораторию.

Кейт иногда сам удивлялся, как так получилось, что он стал главной шишкой на «Старплексе». Нет, это, конечно, имело смысл. Социолог, как ожидается, должен быть хорош и в управлении сложившимся на корабле микросоциумом, и в налаживании контактов с новыми, ещё неизвестными цивилизациями.

Однако прямо сейчас, несмотря на всё, происходящее вокруг, его роль свелась практически к одному только администрированию. Яг мог изучать тёмную материю или пытаться выяснить причины нашествия на Галактику зелёных звёзд; Хек мог продолжить декодирование загадочные радиосигналов; Рисса могла трудиться в своём

проекте по увеличению срока жизни. А Кейт? А Кейт продолжал надеяться, что ветряная мельница, наконец, начнёт клониться в его сторону — что произойдёт что-нибудь действительно важное.

Он решил поужинать в одном из ибовских ресторанов. Не из-за тамошней атмосферы, разумеется — маячившие в голографических окнах пейзажи Плоскона, с его практически полным отсутствием рельефа, были ещё скучнее, чем пейзажи Реболло; если говорить о природных красотах, то Земля, несомненно, была красивейшей из трёх планет Содружества. А вся пища ибов была построена на основе правосторонних аминокислот и для остальных трёх рас была несъедобна.

Однако этот ресторан предлагал богатый выбор земных блюд, и среди них — чахохбили, именно то, чего Кейту хотелось сейчас больше всего. Ресторан был переполнен — четыре заведения питания в нижнем сегменте корабля всё ещё не работали. Однако одной из привилегий должности было то, что ты всегда получаешь столик вне очереди. Блестящий серебристый робот провёл Кейта в отдельную кабинку в задней части ресторана. Большое гештальтное дерево нависало

над ней, оранжевые восьмиконечные листья беспорядочно бродили по его стволу.

Кейт сказал официанту, чего он хочет, и попросил у встроенного в стол терминала показать последний выпуск журнала «Нью-Йоркер». Официант вернулся со стаканом белого вина и снова укатился. Кейт только принялся за первый рассказ, как…

Би-и-ип!

— Карендоттир Лансингу.

— На связи. Да, Лианна?

— Я закончила инженерную оценку поражённых радиацией нижних палуб. Мы можем встретиться и обсудить мой отчёт?

Кейт с трудом сглотнул. Конечно, с этим отчётом надо разобраться как можно скорее; проблема перенаселённости не терпит отлагательства. Но где встретиться с Лианной? На мостике сейчас смена «гамма»; не стоит им мешать. Кабинет Кейта был бы наиболее естественным выбором, только… только… действительно ли он настолько доверяет себе, чтобы остаться с Лианной наедине?

Господи, ну и дебил же!

— Я в «Скороеде», ужинаю. Можете принести его прямо сюда?

— Конечно. Уже иду. Конец связи.

Кейт глотнул вина. Может быть, это ошибка. Люди могут не так понять и сказать Риссе, что у него было свидание с Лианной в индивидуальной кабинке в ресторане. Или…

Вошла Лианна, робот провёл её к столику Кейта. Она уселась напротив него и улыбнулась. А ведь она быстро примчалась — словно знала, где он, ещё до того, как позвонила, словно она специально планировала застать его за ужином.

Кейт тряхнул головой. *Хватит фантазий!*

— Привет, Лианна, — сказал он. — Принесли отчёт?

— Вот он. — Она была одета в голубой костюм, строгий и деловой. Но на макушке, поверх её блестящих платиновых волос, была надета точная копия старомодной форменной шляпы железнодорожного смотрителя. Кейт и раньше видел её на ней — это выглядело эксцентрично, стильно и сексуально в одно и то же время. — Технологии устранения радиационного заражения имеются, однако все они требуют значительного времени, и…

Появился официант с ужином Кейта.

— О, чахохбили, — улыбнулась Лианна. — Я их отлично готовлю. Вы должны мне позволить

как-нибудь вас угостить.

Кейт потянулся к своему бокалу с вином, передумал, ухватил салфетку и в процессе сбросил вилку на прорезиненный пол. Он наклонился её подобрать — и увидел под столом великолепные Лианнины ноги.

— Гм, спасибо, — ответил он, выпрямляясь. — Было бы неплохо. — Он указал на исходящее паром блюдо посреди стола. — Хотите… э… угощайтесь.

— О, нет, — сказала она и похлопала себя по животу, отчего ткань костюма туго обтянула грудь. — Я съем салат, попозже. Надо следить за фигурой.

Незачем, подумал Кейт. Я бы с радостью следил за ней вместо тебя. Вслух же сказал:

— Так что насчёт радиации?

Лианна кивнула.

— А, да. В общем, как я сказала, мы можем их очистить — но не быстро, и при условии, что станем в док на несколько недель.

— Недель! — воскликнул Кейт. — Мы не можем позволить себе *недель*.

— Именно. Что подводит нас к решению, которое я предлагаю.

— И это решение?..

— «Старплекс-2».

Кейт нахмурился. «Старплекс» был построен на орбитальных верфях Реболло, а его корабль-близнец, называемый пока просто «Старплекс-2» (официальное имя ему придумают позднее) был заложен год назад. Он строился на Плосконе — разумеется, два настолько лакомых контракта не могли быть размещены на одной планете.

— И чем нам поможет «Старплекс-2»?

— Ну, он пока не готов к запуску, иначе я бы просто реквизировала его целиком. Однако он строится по тем же чертежам, что и наш «Старплекс-1», и, согласно последним отчётам, пять его жилых модулей уже полностью готовы. Мы можем прыгнуть через стяжку на Плоскон, сбросить там четыре нижних жилых модуля и заменить их новыми, снятыми со «Старплекса-2». Модули, которые мы оставим, будут очищены без всякой спешки. Центральный диск «Старплекса-2» не будет готов ещё пять месяцев; четыре его гиперпространственных генератора только начали цикл тестирования, и до его окончания инженерное кольцо начинать монтировать нельзя. Так что у них будет полно времени для очистки. Когда же подойдёт время, наши жилые модули просто установят на новый корабль. Конечно, мебель

и личные вещи тоже нуждаются в очистке, но у нас, по крайней мере, снова появятся жилые помещения и лабораторные площади, и в самое ближайшее время.

Кейт поражённо кивнул.

— Но ведь это же чудесно! Сколько времени займёт вся операция?

— Согласно монтажным спецификациям жилых модулей — три дня, но я разработала улучшенный метод, не требующий обесточивания стыковочных узлов. Я могу сделать всё за пятнадцать часов, если монтажникам не нужно будет носить противорадиационные костюмы; в противном случае — максимум восемнадцать.

— Отлично. А что насчёт центрального диска и нижней части осевой шахты?

— Шахта уже на три четверти отремонтирована. Мы не можем её очистить, но нанотехи наносят на внутренние поверхности дополнительный слой радиационной защиты. Что касается центрального диска, нам придётся, разумеется, полностью заменить воду на океаническом ярусе. И не любая вода подойдёт, нужна именно морская вода с определённым количеством растворённых солей и других минералов. Плюс, если возможно, планктон и рыба. Я также

хотела бы заменить всю атмосферу — просто на всякий случай. Причальные ангары — не проблема, у них мощная радиационная зашита. То же касается инженерного кольца — его защита сдержала большую часть радиационного удара.

Кейт кивнул.

— Когда мы будем способны к безопасному проходу через стяжку?

— К завтрашнему утру, может быть, раньше. Расстояние между звездой и стяжкой быстро увеличивается. Если вы готовы пожертвовать полдюжиной ватсонов, то мы могли бы отправить сообщение на Плосконские верфи прямо сейчас, чтобы ибы начали готовиться к нашему прибытию.

— Отличная работа, Лианна. — Он посмотрел на неё, и она улыбнулась в ответ обворожительной, тёплой, *интеллигентной* улыбкой. И Кейт мысленно дал себе пинка за то, что, глядя на неё, частенько забывал, почему она оказалась на «Старплексе». Тому была причина. Лианна Карендоттир была лучшим корабельным инженером во всём земном флоте.

* * *

Тор провёл «Старплекс» через стяжку на пе-

риферию системы Плоскона. В этих местах на звёздном небе доминировали Магеллановы облака. Солнце Плоскона, Местожар, белая звезда спектрального класса F, освещало укутанный белыми облаками блеклый шар планеты.

Ибы не способны работать в невесомости. Кейт видел в окно, как тысячи их вились вокруг «Старплекса» в похожих на хоккейные шайбы индивидуальных транспортных модулях, прозрачных со всех сторон, за исключением пластины генератора искусственной гравитации в торце. Поскольку работу выполняли ибы, ни единой секунды не тратилось впустую. Новые жилые модули вставали на место, становясь палубами с сорок первой по семидесятую. Кейт едва мог разглядеть пузырь челнока, из которого Лианна руководила всей операцией. Единственной нештатной ситуацией был разрыв одного из рукавов, через которые откачивали воду с океанического яруса; солёная вода хлынула в открытый космос, замерзая крошечными кристалликами, сверкавшими, словно бриллианты, в белых лучах Местожара.

Когда всё закончилось, «Старплекс» — теперь гибрид «Старплексов» один и два — вернулся сквозь стяжку обратно.

Кейт был в восторге от проведённого ремонта и

в ещё большем — от того, что все перестали толктись в верхней части корабля; скученность уже начинала действовать на нервы, и конфликты вспыхивали среди представителей всех четырёх рас. Возможно теперь, когда снова стало достаточно места, страсти поутихнут, и на борту снова воцарится мир.

Во время стоянки на борт были приняты пятеро исследователей: один иб и двое валдахудов — эксперты по тёмной материи, а также двое людей и дельфин — специалисты по эволюции звёзд. Все они, получив отчёты «Старплекса», побросали свои дела и ринулись по Стягивающей сети на Плоскон, чтобы перехватить его там.

Как Лианна и обещала, переоборудование заняло меньше восемнадцати часов. Тор провел обновлённый корабль сквозь стяжку, и он снова вынырнул из портала поблизости от облака тёмной материи и загадочной зелёной звезды.

Глава XI

Конструкторы «Старплекса» планировали разместить директорский кабинет поблизости от мостика, но Кейт настоял, чтобы так не делали. Он считал, что директора должны видеть по всему кораблю, а не в какой-то ограниченной его части. Свой кабинет он устроил в обширном квадратном помещении примерно четыре на четыре метра, расположенном на четырнадцатой палубе, примерно на половине высоты треугольного жилого модуля номер 2. Через окно, занимавшее всю стену, он мог видеть модуль 3, перпендикулярный тому, в котором он находился, а также четвертушку отливающей медью крыши центрального диска шестьюдесятью палубами ниже. На крыше было нанесено название корабля, записанное клиновидными символами валдахудского алфавита.

Кейт сидел за длинным прямоугольным столом из настоящего красного дерева. На столе стояли в рамке голографические фото его жены Риссы в традиционном испанском танцевальном костюме, и их сына Сола в гарвардском свитере и с

нелепой козлиной бородкой — последний писк молодёжной моды. Рядом с фотографиями стояла модель «Старплекса» в масштабе 1:600. Позади стола был небольшой столик с глобусами Земли, Реболло и Плоскона, а также традиционный стол для игры в го с камнями из полированной жемчужницы и аспидного сланца. Над ними на стене висела репродукция картины Эмили Карр[11], изображающей тотемный столб индейцев хайда в лесу на одном из островов Королевы Шарлотты. По бокам стояли большие растения в кадках. Обстановку завершали длинная тахта, три поликресла и кофейный столик.

Кейт скинул башмаки и забросил ноги на стол. Кейт никогда не делал этого на мостике, как Тор, но наедине с собой признавал такую позу очень комфортной. Он откинулся на спинку своего чёрного кресла и принялся читать отчёт Хека о сигналах, но тут зажужжал дверной зуммер.

— Яг Кандаро эм-Пелш просит принять, — объявил ФАНТОМ.

Кейт вздохнул, уселся как полагается и сделал рукой разрешающий жест. Дверь скользнула в

---

[11] Примечания: 11

Эмили Карр (1871–1945) — канадская художница и писательница, в творчестве которой большое место занимали мотивы природы и культуры индейцев Северо-Западного побережья. *(Прим. перев.)*

сторону, и вошел Яг. Ноздри валдахуда прочти сразу затрепетали, и Кейт подумал, что он, должно быть, уловил запах его ног.

— Чем могу помочь, Яг?

Яг тронул спинку одного из поликресел, которое тут же приняло форму, удобную для валдахудов. Он уселся и залаял. Транслированный голос у Кейта в ухе произнес:

— Мне мало кто нравится из персонажей вашей земной литературы, но Шерлок Холмс — один из них.

Кейт вскинул бровь. Грубый, нахальный — да, именно такой тип пришёлся бы Ягу по душе.

— В особенности, — продолжал Яг, — мне импонирует его способность выражать мыслительные процессы в виде максим. Вот одна из моих любимых: Истина — это остаток, пусть даже ему не хватает правдоподобия, получаемый путём исключения из рассмотрения совершенно невозможных вещей.

Кейт не выдержал и улыбнулся. На самом деле Конан Дойл написал: «Отбросьте все невозможное, и то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался[12]». Однако при-

---

[12] Примечания: 12

А. Конан Дойл, «Знак четырёх», пер. М. Д. Литвиновой. *(Прим. перев.)*

нимая во внимание то, что его слова прошли через перевод на валдахудский и обратно, версия Яга была не так уж плоха.

— В самом деле? — сказал он.

— Видите ли, моё прежнее мнение, что вышедшая из стяжки звезда четвёртого поколения — это единичная аномалия, теперь должно быть пересмотрено, поскольку другая такая же звезда обнаружена возле Реболло 376A. Я применил метод Холмса и теперь, похоже, знаю, откуда взялись эти две звезды, а также, возможно, и все остальные бродячие звёзды. — Яг замолк, предоставив Кейту возможность просить его продолжать.

— И они появились?.. — недовольно подыграл ему Кейт.

— Из будущего.

Кейт засмеялся; впрочем, его отрывистый смех напоминал валдахудскую речь и вряд ли звучал для валдахуда как насмешка.

— Из будущего?

— Это наилучшее объяснение. Зелёные звёзды не могли появиться во вселенной нынешнего возраста. Единственную такую звезду можно объяснить случайной игрой природы, но несколько — это слишком невероятно.

Кейт покачал головой.

— Но, может быть, они происходят… я не знаю, из какой-нибудь необычной области пространства. Может, они составляли двойную систему с чёрной дырой, и гравитационные возмущения заставили реакции синтеза идти быстрее.

— Я рассмотрел такую возможность, — сказал Яг. — Вернее, я рассмотрел вероятные альтернативные сценарии, к каковым ваш не относится. Но ни один из них не объясняет всех фактов. Я провёл радиометрическую датировку — измерил соотношение изотопов в образце, который мы с Длиннорылом взяли в атмосфере зелёной звезды. Атомам тяжёлых металлов в этой звезде по меньшей мере двадцать два миллиарда лет. Сама звезда, разумеется, не настолько стара, как некоторые из её атомов.

— Я считал, что все атомы одного возраста, — сказал Кейт.

Яг пожал нижними плечами.

— За исключением малого количества материи, постоянно возникающей из энергии, а также нейтронов, которые в некоторых реакциях могут превратиться в протон-электронную пару, и наоборот, все элементарные частицы во вселенной сформировались непосредственно после Боль-

шого Взрыва. Однако состоящие из этих частиц атомы всё время возникают и уничтожаются в ходе реакций синтеза или деления.

— Конечно, — пристыжено ответил Кейт. — Прошу прощения. Так вы говорите, что некоторые атомы тяжёлых металлов в этой звезде старше, чем вселенная?

— Точно так. И такое возможно только в одном случае — если звезда прибыла сюда из будущего.

— Но… но вы говорите, что зелёная звезда на миллиарды лет старше, чем должна быть. То есть вы хотите сказать, что все эти звёзды были заброшены в прошлое на *миллиарды* лет? Это немыслимо.

Ответ Яга предваряло ясно различимое фырканье.

— Мне казалось, что интеллектуальное усилие требуется для осознания самой возможности путешествия во времени, а не его протяжённости. Если путешествия во времени в принципе возможны, то их протяжённость в прошлое есть всего лишь функция доступных технологий и энергии. Я полагаю, что у цивилизации, способной двигать звёзды, и того, и другого в избытке.

— Но я считал, что путешествия во времени невозможны.

Яг пожал обеими парами плеч.

— До открытия стяжек и мгновенное перемещение считалось невозможным. До открытия гиперпривода движение быстрее света считалось невозможным. Я не могу даже начать предполагать, как могут происходить путешествия во времени, но они, по-видимому, происходят.

— И другого объяснения нет? — спросил Кейт.

— Как я сказал, я рассматривал другие возможности. К примеру, что стяжки теперь действуют как порталы в параллельную вселенную, и зелёные звёзды прибывают к нам оттуда, а не из будущего. Но, за исключением возраста, они являются тем, что мы можем ожидать от материи, сформированной в нашей собственной вселенной в ходе нашего собственного Большого Взрыва и под действием наших собственных — весьма специфических — законов природы.

— Хорошо, — сказал Кейт. — Но для чего может понадобиться отправлять звёзды из будущего в прошлое.

— Это, — ответил Яг, — первый хороший вопрос, что я от вас услышал.

Кейт стиснул зубы, но сдержался.

— И каков же ответ?

Яг снова пожал всеми четырьмя плечами.

— Не имею ни малейшего понятия.

* * *

Идя по полутёмному холодному коридору, Кейт раздумывал над тем, что каждая раса на борту «Старплекса» имеет некую особенность, которая доводит остальных до белого каления. Как он знал, у людей одной из таких приводящих в бешенство черт было составление аббревиатур из начальных букв слов так, чтобы они снова образовывали слово. Такое явление называлось акронимом на всех нелюдских языках, потому что только в языках людей нашлось для него слово. Ещё на ранних стадиях проектирования «Старплекса» родился документ, называвшийся МОРЖ — сокращение от «Межрасовый обобщённый регламент жизнеобеспечения»; этот документ описывал климатические условия в помещениях, где предполагалось присутствие представителей всех четырёх рас.

Да уж, думал Кейт, моржу в таком собачьем холоде было бы куда как комфортней.

Все расы Содружества дышат кислородно-азотной смесью, хотя ибам для стимуляции дыхательного рефлекса нужна существенно бóльшая концентрация углекислоты, чем людям.

Силу тяжести в общих помещениях договорились установить на уровне 0,82 земной — нормальный уровень для валдахудов, слегка пониженный для людей и всего лишь половина того, к которому привыкли ибы. Влажность держали высокой — синусы валдахудов смыкались в слишком сухом воздухе. Освещение общих зон было краснее, чем привыкли люди — что-то вроде яркого земного заката. Кроме того, свет обязательно должен быть рассеянным — родную планету ибов постоянно окутывали облака, и прямые солнечные лучи повредили бы тысячи фотосенсоров их сенсорной сети.

Однако проблемы всё равно оставались. Кейт отступил к стене коридора, чтобы разминуться с ибом, и когда тот проезжал мимо, одна из двух синих труб, свисавших с его помпы, выбросила на пол твёрдый серый комок. Главный мозг существа, размещающийся в коконе, не контролировал эту функцию; приучить иба к горшку попросту невозможно. На Плосконе экскременты собирают особые животные-падальщики, извлекая из них питательные вещества, недоступные пищеварительным системам ибов. На борту «Старплекса» эту функцию взяли на себя фантомасы, роботы-уборщики размером с баш-

мак. Один из них на глазах Кейта метнулся через коридор, всосал себя оставленной ибом комок и снова спрятался.

Кейт уже давно привык, что ибы испражняются где попало; к счастью, их экскременты никак не пахли. Но вот к собачьему холоду, сырости и остальным вещам, с которыми приходится мириться только ради счастья работать с валдахудами…

Кейт замер. Он подходил к Т-образному соединению коридоров и услышал впереди возбуждённые голоса: голос человека, кричащего… кажется, по-японски, и рассерженный валдахудский лай.

— ФАНТОМ, — шепотом сказал Кейт, — переводи, что они говорят.

Нью-йоркский акцент:

— Ты слабак, Тэсима. Дохляк. Ты не заслуживаешь пары.

— Займись с собой сексом! — Кейт нахмурился — компьютер явно недооценил остроту японской идиомы.

Снова нью-йоркский акцент:

— В моём мире ты был бы самым малозначительным членом свиты самой уродливой, самой ничтожной самки…

— Идентифицировать говорящих, — шёпотом

приказал Кейт.

— Человек: Хироюки Тэсима, биохимик, — ответил ФАНТОМ через имплант у Кейта в ухе. — Валдахуд: Гарт Дайгаро эм-Хольф, механик.

Кейт стоял на месте, раздумывая, что делать. Они оба взрослые, самостоятельные особи, и хотя формально он был их начальником, нельзя сказать, что они находились под его командой. И всё же…

Средний сын. Кейт выступил из-за угла.

— Народ, — спокойно сказал он, — давайте малость успокоимся.

Все четыре руки валдахуда были сжаты в кулаки; круглое лицо Тэсимы пылало гневом.

— Не лезьте в это, Лансинг, — сказал японец по-английски.

Кейт смотрел на них. Что он мог сделать? На корабле не было карцера или гауптвахты, чтобы их туда посадить, да и вряд ли они станут подчиняться его приказам в делах, не касающихся работы.

— Хироюки, давайте я куплю вам выпить, — сказал Кейт. — А вам, Гарт, пойдёт на пользу дополнительный период отдыха.

— Мне пошло бы на пользу, — пролаял валдахуд, — увидеть, как Тэсимой выстрелят в

сторону чёрной дыры.

— Да какая вас муха укусила? — Кейт подступил ближе. — Нам ведь дальше жить и вместе работать.

— Лансинг, я же сказал, не лезьте, — огрызнулся Тэсима. — Это не ваше собачье дело.

Кейт ощутил, как кровь прилила к щекам. Он не мог приказать им разойтись, но и позволить персоналу чистить друг другу морду в корабельных коридорах он тоже не мог позволить. Он смотрел на них — на низенького человека средних лет с серыми волосами, и крупного толстого валдахуда со шкурой цвета морёного дуба. Кейт не особо хорошо их знал и понятия не имел, что могло бы их успокоить. Чёрт, он даже не знал, из-за чего они сцепились. Он открыл рот, что сказать… не важно что, хоть что-нибудь, но тут в метре от них скользнула в сторону дверь, и из-за неё выглянула молодая женщина в пижаме — Шерил Розенберг.

— Господи боже мой, да чего ж вы там так орёте? — сказала она. — У некоторых сейчас середина ночи, вообще-то.

Тэсима посмотрел на женщину, слегка склонил голову и пошёл прочь. Гарт, по своей валдахудской природе относившийся к женщинам с

почтением, коротко поклонился и двинулся в противоположном направлении. Шерил зевнула и скрылась в каюте; дверь за ней закрылась.

А Кейт остался стоять в коридоре, глядя в спину удаляющемуся валдахуду и злясь на себя за то, что не смог сам разрулить ситуацию. Потом потёр виски. Мы все пленники биологии, подумал он. Тэсима не способен отказать в просьбе симпатичной женщине, Гарт не может не выполнить приказ, отданный самкой.

Когда Гарт исчез за поворотом, Кейт встряхнулся и продолжил путь по холодному сырому коридору. Иногда ему казалось, что он бы отдал всё, чтобы стать альфа-самцом.

* * *

Рисса сидела за столом и занималась той частью своей работы, которую ненавидела — административными обязанностями, которые до сих пор называли бумажной работой, хотя с бумагами она уже давно никак не была связана.

Загудел дверной зуммер и ФАНТОМ доложил:

— Это Карета.

Рисса отложила стилус и поправила волосы. Забавно, подумала она — беспокоиться о причёске, когда посетитель даже не человек.

— Впусти её.

Иб вкатилась в помещение; ФАНТОМ сдвинул в сторону одно из поликресел, чтобы освободить для неё место.

— Прошу прощения, что побеспокоила вас, Рисса, — произнёс красивый женский голос с британским акцентом.

Рисса засмеялась.

— Уж можете поверить, вы мне совершенно не помешали. Что угодно лучше, чем это.

Сенсорная сеть Кареты вздулась, словно парус, чтобы заглянуть к Риссе на стол.

— Бумажная работа, — поняла она. — И правда выглядит скучно.

Рисса улыбнулась.

— Так и есть. Так что, чем могу помочь?

Долгая пауза — очень нехарактерная для иба. Наконец:

— Я пришла подать заявление.

Рисса непонимающе уставилась на неё.

— Заявление?

По сенсорной сети скользнули светляки.

— Мои глубочайшие извинения, если это выражение значит не то, что я думаю. Я имею в виду, что, к моему сожалению, через пять дней, начиная с настоящего момента, я не смогу больше

работать здесь.

Рисса ощутила, как глаза у неё полезли на лоб.

— Вы увольняетесь? Оставляете должность?

Сенсорная сеть блеснула.

— Да.

— Но почему? Мне казалось, вам очень нравился наш проект. Но если вам хотелось бы заняться чем-нибудь ещё…

— Нет, Рисса, дело вовсе не в этом. Наш проект очень интересен и ценен, и для меня было честью участвовать в нём. Но через пять дней другое дело станет более приоритетным.

— Какое?

— Выплата долга.

— Кому?

— Другим интегрированным биосущностям. Через пять дней я должна уйти.

— Куда?

— Никуда. Уйти *вообще*.

Рисса вздохнула и подняла глаза к потолку.

— ФАНТОМ, ты уверен, что перевёл её слова правильно?

— Уверен, мэм, — ответил ФАНТОМ через ушной имплант.

— Карета, я не понимаю разницы между «уйти куда-то» и «уйти вообще».

— Я не ухожу в какое-то другое место, — ответила Карета. — Я покидаю *это* место. Я собираюсь умереть.

— Господи! — воскликнула Рисса. — Вы больны?

— Нет.

— Но вам ведь ещё рано умирать. Мы много раз говорили, что все ибы проживают в точности шестьсот сорок один год, а вам едва перевалило за шестьсот.

Сенсорная сеть Кареты стала оранжево-розовой, однако какую бы эмоцию этот цвет ни отображал, ей, похоже, не было людского аналога, поскольку ФАНТОМ не снабдил перевод следующей фразы пояснительным примечанием.

— Мне шестьсот пять земных лет. Это почти ровно пятнадцать шестнадцатых от полного срока.

Рисса тупо смотрела на неё.

— И что?

— За проступок, совершённый в юности, на меня было наложено взыскание в размере одной шестнадцатой части срока жизни. Срок моего существования истекает через пять дней.

Рисса смотрела на неё, не зная, что сказать. В конце концов она повторила «истекает», словно

усомнившись в верности перевода и этого слова.

— Это так, уважаемая Рисса.

Рисса секунду помолчала.

— Что за преступление вы совершили?

— Мне стыдно его обсуждать, — ответила Карета.

Рисса ничего сказала, ожидая, что Карета продолжит говорить. Но та молчала.

— Я делилась с вами большим количеством личной информации о себе и о моём браке, — осторожно сказала Рисса. — Я ваш друг, Карета.

Снова тишина; должно быть, в душе иба происходила внутренняя борьба. Потом она заговорила:

— Когда я была новичком третьего уровня — эта фаза ближе всего соответствует вашей аспирантуре — я представила неверные результаты эксперимента, который проводила.

Брови Риссы снова взлетели.

— Все делают ошибки, Карета. Не могу поверить, что за такое у вас так сурово наказывают.

Огни на сенсорной сети Кареты беспорядочно мигали. По-видимому, это было признаком расстроенных чувств — ФАНТОМ не давал никакой вербальной интерпретации этому миганию. Потом Карета заговорила снова:

— Это не была случайная ошибка. — Несколько секунд сенсорная сеть оставалась тёмной. — Я намеренно сфальсифицировала экспериментальные данные.

Рисса изо всех сил старалась сохранить обычное выражение лица.

— Ох…

— Я не думала, что эксперимент имеет такое большое значение, и я знала — я *думала*, что знаю — каковы должны быть результаты. Сейчас я понимаю, что я лишь хотела, чтобы они такими были. — Снова тьма; пауза. — В любом случае, наши исследователи положились на мои результаты. Много времени было потрачено впустую.

— И за это вас собираются казнить?

Все огни на сети Кареты вдруг вспыхнули разом в выражении абсолютного шока.

— Это не казнь, Рисса. На Плосконе лишь два преступления караются смертью — убийство кокона и формирование единства с участием более семи компонент. В остальных случаях просто уменьшают срок жизни.

— Но… но если вам сейчас шестьсот пять, то когда вы совершили это преступление?

— Мне тогда было двадцать четыре.

— ФАНТОМ, какой это был год по нашему ка-

лендарю?

— 1513 н. э., мэм.

— О Господи! — воскликнула Рисса. — Карета, они не могут наказывать вас за мелкое преступление, совершённое так невообразимо давно!

— Прошедшее с тех пор время никак не изменило последствия того, что я сделала.

— Но пока вы на борту «Старплекса», вы находитесь под защитой Устава Содружества. Вы можете попросить убежища. Мы наймём вам адвоката.

— Рисса, я очень благодарна за ваше участие. Но я готова выплатить свой долг.

— Но ведь это было так давно. Может, уже всё забылось?..

— Ибы ничего не забывают, вы прекрасно это знаете. Поскольку матрица нашего мозга растёт с постоянной скоростью, мы обладаем эйдетической памятью. Но если бы мои соотечественники и обладали способностью забывать, это ничего бы не изменило. Это вопрос чести.

— Почему вы не рассказали мне раньше?

— Моё наказание не требует разглашения; мне было позволено жить без позора. Однако условия трудового договора требуют сообщить о предстоящем увольнении за пять дней. Так что сегодня, через пятьсот восемьдесят один год после при-

говора, я впервые рассказываю кому-то другому о своём преступлении. — Карета помолчала. — Если мне будет позволено, в оставшиеся пять дней я хотела бы привести в порядок результаты, чтобы вы смогли без проблем продолжить исследования без меня.

Рисса ощутила, что голова у неё пошла кругом.

— Это… да, — сказала она, наконец. — Разумеется. Никаких возражений.

— Спасибо, — ответила Карета. Она развернулась и покатилась к двери, но потом её сеть снова сверкнула. — Вы были хорошим другом, Рисса.

А потом дверь открылась, и Карета выкатилась наружу, а Рисса, ошеломлённая, бессильно осела в своём кресле.

Глава XII

Рисса пришла на мостик, чтобы обсудить с Кейтом ситуацию с Каретой. Однако едва она там появилась, раздался голос Ромбуса:

— Кейт, Яг, Рисса, — произнёс транслятор сухим холодным тоном, — бесчисленные извинения за беспокойство, но я думаю, вам следует это увидеть.

— Что там? — спросил Кейт.

Рисса присела, пока Ромбус возился с консолью. На голосфере появился участок, обрамлённый синей рамкой.

— Боюсь, я не уделял должного внимания текущему сканированию окружающего пространства, но сейчас я запрошу записи… вот, взгляните на это. Это запись, ускоренная в тысячу раз. В следующие шесть минут прокрутится почти вся запись со времени нашего появления здесь.

В отгороженной на голосфере области появилось изображение сферы тёмной материи, видимое с точки над её экватором. Собственно, это была не совсем сфера — она была сжата с полюсов. Её диск пересекали светлые и тёмные

широтные полосы облаков. Согласно масштабным линейкам, это была одна из наиболее крупных обнаруженных сфер, 172 тысячи километров в диаметре.

— Минуточку, — сказал Кейт. — На ней полосы облаков, но по виду она будто и не вращается.

Сенсорная сеть Ромбуса сверкнула.

— Надеюсь, что не поставлю вас в неловкое положение, уважаемый Кейт, если сообщу, что на самом деле она вращается быстрее, чем любая другая сфера из тех, что мы до сих пор наблюдали. В данный момент она совершает оборот вокруг оси каждые два часа шестнадцать минут — почти впятеро быстрее, чем Юпитер. Скорость настолько велика, что любые турбулентности в облачном покрове должны были давно сгладиться. При таком ускоренном воспроизведении один оборот занимает восемь секунд. — Ромбус вскинул щупальце и щелкнул переключателем. — Вот, я приказал компьютеру поместить на экваторе реперный значок — видите оранжевую точку? Примем её за условный нулевой меридиан.

Оранжевая точка пронеслась по экватору, исчезла за краем диска, появилась с другой стороны и снова пересекла диск. Через несколько циклов Яг спросил:

— Вы увеличили скорость воспроизведения?

— Нет, уважаемый Яг, — ответил Ромбус. — Скорость воспроизведения постоянна.

Яг показал на часы.

— Но эта ваша точка совершила последний оборот всего за семь секунд.

— Так и есть, — согласился Ромбус. — Скорость вращения сферы увеличивается.

— Как это может быть? — спросил Кейт. — С ней взаимодействуют другие тела?

— Конечно, остальные влияют на неё, но этим влиянием наблюдаемый эффект не объяснить, — сказал Ромбус. — Ускорение вращения вызвано *внутренними* причинами.

Яг склонился над своей консолью, наспех набрасывая компьютерные модели.

— Невозможно ускорить вращение без притока энергии в систему. Внутри должна идти какая-то сложная реакция, подпитываемая откуда-то извне, и… — Он поднял голову и испустил пронзительный вскрик, который ФАНТОМ перевёл как «возглас удивления».

На ограниченном синей рамкой участке голосферы на сфере тёмной материи образовалась перетяжка в области экватора. Её северная и южная части больше не были правильными по-

лусферами, а немного загибались внутрь прежде чем соединиться. Оранжевая точка теперь находилась на дне экваториальной бороздки и летала по диску ещё быстрее, чем прежде.

Скорость вращения продолжала увеличиваться, экваториальная перетяжка становилась всё более и более заметна. Скоро очертания объекта стали напоминать восьмёрку.

Рисса поднялась на ноги и с раскрытым от удивления ртом следила за происходящим. Экватор настолько сузился, оранжевая точка уже покрывала четверть его протяжения. Ромбус щёлкнул клавишей, и она пропала; вместо нее появились две, по одной на экваторе каждой из двух половинок почти разделившейся сферы.

А потом изображение пропало.

— Прошу меня простить, — сказал Ромбус. — Наблюдаемый объект закрыла от нас другая сфера; при данной скорости воспроизведения мы теряем около четырнадцати секунд. Я их пропускаю.

Щупальца коснулись консоли, и изображение появилось снова. Теперь ширина перетяжки между двумя новыми сферами составляла всего десятую часть от диаметра прежней сферы. Молча, словно завороженные, в тишине, нарушаемой лишь тихими вздохами системы кондициони-

рования, все наблюдали, как процесс достигает своей кульминации. Наконец, две сферы отделились друг от друга и немедленно начали расходиться в противоположных направлениях. По мере того, как они расходились, реперным оранжевым точкам на их экваторах требовалось всё больше и больше времени, чтобы пересечь диск и исчезнуть за его краем — обе сферы замедляли вращение.

Рисса повернулась к Кейту; её глаза были широко раскрыты.

— Это как клетка, — сказала она. — Клетка во время митоза.

— Точно, — сказал Ромбус. — Только в данном случае материнская клетка имеет диаметр более ста семидесяти километров. По крайней мере, таков он был перед тем, как всё случилось.

Кейт откашлялся.

— Простите, — сказал он. — Вы пытаетесь сказать, что эти штуки *живые*? Что это живые клетки?

— Я, наконец, отсмотрела записи, сделанные зондом Яга, который делал пробы, — сказала Рисса. — Помните тот похожий на аэростат объект, который он заметил при входе в атмосферу? Я тогда подумала, что это могла бы быть какая-то

форма жизни — наполненное газом существо, плавающее в облаках. В 1960-х годах предполагали существование таких существ на Юпитере. Но эти аэростаты вполне могут оказаться органеллами — специализированными структурами внутри клетки.

— Живые существа, — недоверчиво повторил Кейт. — Живые существа размером без малого двести тысяч километров?

В голосе Риссы по-прежнему слышалось благоговейный трепет.

— Возможно. Если так, то мы только что видели их процесс размножения.

— Невероятно, — Кейт покачал головой. — Я имею в виду, это не просто гигантские формы жизни. И не просто формы жизни, обитающие в вакууме. Это формы жизни, состоящие из *тёмной материи*. — Он повернулся у Ягу. — Яг, такое вообще возможно?

— Возможно ли, что тёмная материя, или какая-то её часть, жива? — Валдахуд пожал всеми четырьмя плечами. — Многое в нашей науке и философии даёт нам понять, что вселенная должна кишеть жизнью. Однако до сего дня мы знаем только о трёх мирах, на которых зародилась жизнь. Возможно, мы просто искали не там. Ни

я, ни доктор Делакорт пока не выяснили ничего существенного о возможностях метахимии тёмной материи, однако в тех сферах действительно много сложных соединений.

Кейт развёл руками в бессилии осмыслить открытие в категориях повседневной логики и оглядел мостик в поисках кого-нибудь, настолько же растерянного.

И тут новая мысль поразила его настолько сильно, что он даже на мгновение откинулся на спинку кресла. Затем тронул коммуникационную панель, открывая канал связи.

— Лансинг Хеку, — сказал он.

Изображение головы Хека появилась на голосфере на фоне звёздного неба.

— Хек на связи, — произнесла голова.

— Есть прогресс с локализацией тех радиосигналов?

Кейт представил себе, как нижняя пара плеч валдахуда двинулись за пределами поля зрения камеры.

— Пока нет.

— Вы сказали, что предположительно разумные сигналы передаются на примерно двухстах различных частотах.

— Это так.

— На скольких именно? Назовите точное количество.

Хетт повернулся в сторону монитора, показав свой рылоподобный профиль.

— Двести семнадцать, — ответил он. — Хотя передачи на некоторых частотах активнее, чем на других.

Кейт услышал, как по левую руку от него Яг издал тот же самый вопль изумления, что и раньше.

— В облаке, — медленно произнёс Кейт, — имеется двести семнадцать объектов юпитерианских размеров. — Он сделал паузу, оттягивая очевидный вывод. — Конечно, газовые гиганты типа Юпитера обычно являются источниками радиосигналов…

— Но эти состоят из тёмной материи, — сказала Лианна. — Они электронейтральны.

— Это не чистая тёмная материя, — возразил Яг. — Они нашпигованы фрагментами обычной материи. Тёмная материя может взаимодействовать с протонами обычной материи, генерируя электромагнитное излучение.

Хек пожал верхней парой плеч.

— Может сработать, — сказал он. — Но каждая сфера передаёт на своей частоте, словно … — го-

лос с бруклинским акцентом оборвался и затих.

Кейт посмотрел на Риссу и понял, что она думает о том же, что и он.

— Словно каждая своим голосом, — произнёс он, наконец, заканчивая мысль Хека.

— Но объектов больше не двести семнадцать, — вмешался Тор, оборачиваясь к нему. — Теперь их двести восемнадцать.

Кейт кивнул.

— Хек, просканируйте спектр ещё раз. Попытайтесь выяснить, появилась ли активность на какой-нибудь частоте в непосредственной близости от одной из детектированных ранее.

Хек склонил голову и забарабанил по своей консоли.

— Одну секунду, — сказал он. — Одну секунду. — Потом: — О боги трясины и лун, да! Да, есть такой сигнал!

Кейт снова повернулся к Риссе, улыбаясь до ушей.

— Интересно, какое первое слово произносят их дети?

Эпсилон Дракона

Кейт не видел, как Стеклянный вошёл в причальный отсек; когда он поднял взгляд, тот уже подходил к нему, ступая прозрачными ногами по траве и клеверу-четырёхлистнику. Его походка была текучей и изящной и производила впечатление замедленной съёмки, хоть он и двигался с нормальной скоростью. Лёгкий оттенок аквамарина его в остальном совершенно прозрачного тела притягивал взгляд.

Кейт подумал было подняться на ноги, но вместо этого просто посмотрел на прозрачного человека снизу вверх. Отблески солнца играли на его теле и овальной голове.

— С возвращением, — сказал Кейт.

Стеклянный кивнул.

— Знаю, знаю, ты напуган. Ты это умело скрываешь, но думаешь о том, сколько ещё я тебя здесь продержу. Недолго, я тебе обещаю. Но я хотел бы разобраться в ещё одной вещи, прежде чем ты меня покинешь.

Кейт удивлённо вскинул брови, а Стеклянный сел на траву, опершись спиной на ближайшее

дерево. Из чего бы его тело ни было сделано, это явно было не стекло. Сквозь его цилиндрическое туловище узор трещин на древесной коре не казался увеличенным, а лишь немного искажённым.

— Ты сердишься, — сказал Стеклянный.

Кейт покачал головой.

— Нет. Пока что вы обращались со мной очень хорошо.

Звон эоловых колокольцев — Стеклянный засмеялся.

— Нет-нет, я не имею в виду, что ты сердишься на меня. Скорее, ты сердит вообще. Есть что-то у тебя внутри, очень глубоко, что ожесточило твоё сердце.

Кейт смотрел в сторону.

— Я ведь прав, не так ли? — сказал Стеклянный. — Что-то тебя сильно расстраивает.

Молчание.

— Прошу, — сказал Стеклянный, — поделись этим со мной.

— Это было очень давно, — сказал Кейт. — Я… я должен был справиться, я знаю, но…

— Но это по-прежнему тебя терзает, ведь так? Что это? Что тебя так изменило?

Кейт вздохнул и огляделся по сторонам. Всё

было такое красивое, такое спокойное. Он не мог вспомнить, когда последний раз сидел вот так среди травы и деревьев и просто наслаждался окружающим миром, просто… просто расслаблялся.

— Это связано со смертью Сола Бен-Абрахама, — сказал Кейт.

— Смерть, — повторил Стеклянный, как будто Кейт снова произнёс незнакомое ему слово наподобие «донкихотский». Он покачал своей прозрачной головой. — Сколько ему было лет, когда он умер?

— Это случилось восемнадцать лет назад. Ему должно было исполниться двадцать семь.

— Одно мгновение, — сказал Стеклянный.

Возникла пауза, и Кейт вспомнил, как Стеклянный подобным же образом отреагировал на упоминание о двадцати годах брака. Но в этот раз Кейт был склонен с ним согласиться.

— Как умер Сол Бен-Абрахам?

— Это… это был несчастный случай. По крайней мере, так решило правительство Земли. Но я… в общем, я всегда считал, что дело просто замели под ковёр. Ну, вы знаете — специально не дали хода. Сол и я… мы жили на Тау Кита IV. Он был астрономом, я — социологом; писал диссертацию

о тамошних колонистах. Мы с ним были друзьями ещё со студенческих времён; жили в одной комнате в общежитии. У нас было много общего: оба любили гандбол и го, играли в студенческом театре, музыкальные вкусы тоже совпадали. Как бы там ни было, Сол открыл стяжку Тау Кита, и через неё послали малый зонд на Локус Прайм. Новый Пекин тогда был преимущественно сельскохозяйственной колонией, а не мегаполисом, как сейчас. Он тогда и Новым Пекином-то ещё не назывался. В то время это была просто «колония на Сильванусе»; Сильванус — это название четвёртой планеты Тау Кита. Социологов там было совсем немного, и я в конце концов оказался во главе группы, изучавшей возможное влияние открытия Стягивающей сети на на человеческую культуру. А потом прилетел валдахудский корабль. Группа первого контакта собиралась в спешке — даже на гиперприводе перелёт с Земли занимает шесть месяцев. Так что мы оба присутствовали при выходе валдахудов из своего корабля, и… — Кейт замолк, прикрыл глаза и едва заметно покачал головой.

— И…? — сказал Стеклянный.

— Они сказали, что это был несчастный случай. Сказали, что неправильно поняли. Когда мы

впервые оказались лицом к лицу с валдахудами, у Сола в руках была голокамера. Конечно, он не направлял её на пришельцев — мы были не настолько тупые. Он просто держал её в опущенной руке, а потом включил её одним движением пальца. — Кейт вздохнул, глубоко и громко. — Они потом сказали, что камера выглядела как традиционное валдахудское ручное оружие — та же самая базовая форма. Они подумали, что Сол подготовил оружие для стрельбы. Один из валдахудов был вооружён, и он выстрелил в Сола. Прямо в лицо. Его голова взорвалась рядом со мной. Меня всего облепило… облепило… — Кейт отвернулся и надолго замолк. — Они убили его. Убили моего лучшего друга. — Он посмотрел под ноги, сорвал несколько четырёхлистников, несколько секунд тупо разглядывал их, потом отбросил в сторону.

На какое-то время повисло молчание. Стрекотали кузнечики, пели птицы. Наконец, Стеклянный произнёс:

— Должно быть, трудно жить с этим?

Кейт молчал.

— Рисса знает?

— Разумеется, знает. В то время мы уже были женаты; она пыталась выяснить, почему на Силь-

ванусе отсутствует жизнь, несмотря на то, что условия для её возникновения были благоприятны, согласно нашим эволюционным моделям. Но я почти не разговаривал с ней о том, что случилось с Солом — ни с ней, ни с кем-либо ещё. Я не верю, что, поделившись своим страданием с другими, я его уменьшу. У каждого есть вещи, с которыми никто не поможет справиться.

— Так что ты держал это внутри.

Кейт пожал плечами.

— Попытался прибегнуть к своего рода стоицизму — это такой вид эмоционального ограничения.

— Похвально, — сказал Стеклянный.

— Вы так думаете? — удивился Кейт.

— У меня такое чувство. Хоть я и знаю, что это довольно необычно. Большинство людей живут, прости за невольный каламбур, прозрачной жизнью. Их личное «я» равно их общественному «я». Почему у тебя не так?

Кейт пожал плечами.

— Не знаю. Всегда так было. — Он надолго задумался. — Когда мне было девять или около того, неподалёку от нас жил хулиган. Здоровый такой болван, где-то тринадцати или четырнадцати лет. Он любил хватать детей в парке и кидать их

в колючие кусты. Когда он это делал, дети вопили и брыкались, и это его, похоже, заводило. Как-то раз он схватил меня — поймал, когда играли в догонялки или что-то такое. Он подтащил меня к кустам и бросил в них. Я не сопротивлялся. В этом не было смысла, он был вдвое больше меня, так что шансов вырваться не было. Он бросил меня в кусты, а я просто молча выбрался наружу. У меня было несколько царапин и порезов, но я не сказал ни слова. Он смотрел на меня секунд десять, а потом сказал: «Лансинг, ты крут». И больше никогда меня не трогал.

— Получается, интернализация — это защитный механизм?

Кейт пожал плечами.

— Она помогает вынести то, что требуется вынести.

— Но ты не знаешь, откуда это в тебе взялось?

— Нет, — сказал Кейт. Подумав, добавил: — На самом деле, знаю. По крайней мере, догадываюсь. Мои родители были очень вспыльчивы и постоянно ссорились. Никогда не знаешь, когда кто-то из них взорвётся, и из-за чего. На людях или дома, без разницы. Даже разговаривая предельно вежливо и корректно, нельзя быть уверенным, что кто-то из них не вспылит. Мы каждый вечер

встречались за ужином, но я всё время молчал, надеясь, что хоть раз ужин пройдёт спокойно, без криков и ругани, чтобы никто не уходил демонстративно из-за стола и не говорил бы гадостей.

Кейт снова помолчал.

— Справедливости ради, в отношениях моих родителей были проблемы, которых я, будучи ребёнком, не мог понять. Поначалу они оба работали, но из-за распространения автоматики с каждым годом работы становилось всё меньше — это было ещё до запрета на полноценный искусственный интеллект. Канадское правительство изменило налоговое законодательство и обложило заработок второго члена семьи 110-процентным налогом. Его целью было равномернее распределить оставшиеся рабочие места между домохозяйствами. Отец зарабатывал меньше мамы, так что именно ему пришлось бросить работу. Я уверен, что это был основная причина его раздражения. Но всё, что я знал тогда, это то, что мои родители выплёскивают свой гнев и разочарование на всех окружающих, и ещё тогда, ребёнком, я дал себе слово никогда так не делать.

— Поразительно, — произнёс Стеклянный в восторгом. — Это всё объясняет.

— Что объясняет? — спросил Кейт.
— Тебя.

Глава XIII

Голова у Кейта шла кругом. Столько всего произошло, столько открытий сделано. Он побарабанил пальцами по консоли, собираясь с мыслями, а потом спросил:

— Ну что, народ, что делаем дальше?

Все консоли переднего ряда были развёрнуты на 180 градусов, так что Лиана сидела лицом к Ягу, Тор к Кейту, а Ромбус к Риссе. Кейт по очереди оглядел каждого члена своей команды.

— Наш набор загадок богат до неприличия, — сказал он. — Во-первых, загадка вылезающих из стяжек звёзд — звёзд, которые, по мнению Яга, приходят из будущего. Но этого оказалось мало, вдобавок мы наткнулись на жизнь — жизнь! — базирующуюся на тёмной материи. — Кейт переводил взгляд с одного лица на другое. — Исходя из сложности принимаемых Хеком сигналов, есть даже шанс — признаю, что небольшой — что мы находимся в ситуации первого контакта с разумными существами. Рисса, ещё вчера это показалось бы ересью, но мы должны сделать исследования тёмной материи приоритетным

направлением биологического департамента.

Рисса кивнула. Кейт повернулся к Ягу.

— С другой стороны, появляющиеся из стяжек звёзды могут представлять опасность для Содружества. Если вы правы и звёзды действительно приходят из будущего, мы должны выяснить, почему это происходит: по чьему-то зловещему замыслу или вследствие случайности. Скажем, шаровое скопление, столкнувшись со стяжкой в далёком будущем, каким-то образом перегрузило систему так, что составляющие его звёзды были перенаправлены в прошлое.

— Собственно, — пролаял Яг, — шаровое скопление через стяжку не пройдёт. Только одна из составляющих его звёзд.

— Если только шаровое скопление не заключено в нечто вроде суперсферы Дайсона — оболочку, охватывающую целую группу звёзд, — отозвался Тор с вызовом в голосе. — Что-то такое через миллиарды лет касается стяжки, оболочка во время прохождения стяжки разрушается, и звёзды отправляются кто куда, в произвольные выходные точки.

— Смехотворно! — заявил Яг. — Вы, люди, всегда громоздите нелепицу на нелепицу. Взять хотя бы вашу религию…

— Хватит! — рявкнул Кейт, громко хлопая ладонью по краю консоли. — Хватит. Дрязги нас никуда не приведут. — Он повернулся к валдахуду. — Если вам не нравится предположение Тора, выскажите своё. Почему звёзды вываливаются из будущего?

Яг сидел лицом к директору, но только правая пара его глаз смотрела на него; левая обшаривала окрестности, инстинктивно оценивая обстановку на случай возможной драки.

— Я не знаю, — сказал он, наконец.

— Нам нужен ответ, — ответил Кейт, всё ещё злясь.

— Прерываю со всей вежливостью, — сказал Ромбус. — Не имея в виду никого обидеть.

Кейт повернулся к нему.

— В чём дело?

— Возможно, вы задаёте вопрос не тому. Конечно, не имея в виду ни малейшего пренебрежения к уважаемому Ягу. Однако, если вам нужно узнать, почему звёзды посылают назад во времени, то лучше всего спросить об этом того, кто их посылает.

— То есть, спросить кого-то в будущем? Но как мы это можем сделать?

Мантия иба сверкнула.

— Вот это вопрос для уважаемого Яга, — сказал он. — Если материя из будущего способна пройти через стяжку в прошлое, то есть ли способ послать что-либо из прошлого в будущее?

Яг на секунду задумался, потом шевельнул нижними плечами.

— Не могу сказать. Все компьютерные модели предсказывают, что материальное тело, помещённое в стяжку, перемещается в другую стяжку в настоящем времени. Предполагая, что бродячие звёзды кто-то сознательно посылает из будущего, я не знаю, как он это делает и потому не могу судить, возможно ли перемещение в обратном направлении.

— Уважаемый Яг, — сказал Ромбус, — прошу меня простить, но по крайней мере один способ перемешать тела в будущее несомненно существует.

— А какой же? — спросит Кейт.

— Капсула времени, — ответил иб. — Нечто, способное существовать очень долго. Нам не нужно делать вообще ничего для того, чтобы оно оказалось в будущем в результате обычного течения времени.

Яг и Кейт переглянулись.

— Но… Яг сказал, что звёзды появляются из

будущего, удалённого на миллиарды лет.

— Я бы сказал, — уточнил валдахуд, — ближе к десяти миллиардам.

Кейт кивнул и повернулся к Ромбусу.

— Это вдвое больше, чем возраст любой из планет Содружества.

— Это так, — ответил иб, — но, прошу прощения, невзирая на то, во что вы, люди, верите, ни Земля, ни любая другая планета не была специально создана для этой цели. А наша капсула времени — будет.

— Капсула времени на десять миллиардов лет, — Яг был явно заинтригован предложением. — Возможно… возможно, если она сделана из невероятно твёрдого материала наподобие… наподобие алмаза, но без плоскостей спайности. Но даже если мы сделаем что-то подобное, нет гарантии, что её кто-нибудь когда-нибудь найдёт. Помимо прочего, за этот срок галактика повернётся вокруг оси сорок с лишним раз. Капсулу может унести куда угодно.

По сенсорной сети Ромбуса затанцевали огни.

— Предположим, что некая стяжка продолжит существование в течение следующих десяти миллиардов лет. Это разумное предположение, поскольку она существует сейчас, и должна суще-

ствовать в момент, когда сквозь неё пропихнут в прошлое звезду. Так что сделайте капсулу саморемонтируемой — лаборатория нанотехнологий наверняка сможет что-нибудь предложить — и заставьте её сохранять своё положение относительно стяжки.

— И просто понадеяться, что тот, кто в будущем придёт воспользоваться стяжкой, заметит капсулу?

— Не обязательно, уважаемый Кейт, — ответил Ромбус. — Возможно, её заметит тот, кто придёт, чтобы *построить* стяжку. Возможно, Стягивающую сеть построили в будущем, а выходные точки вывели в прошлое. Если настоящей целью строителей была доставка в прошлое звёзд, это вполне вероятный сценарий.

Кейт повернулся к Ягу.

— Возражения?

Валдахуд пожал всеми четырьмя плечами.

— Не имеется.

Кейт снова повернулся к Ромбусу.

— По-вашему, это сработает?

Крошечная искра блеснула на сенсорной сети.

— Почему нет?

Кейт задумался.

— Полагаю, стоит попробовать. Однако десять

миллиардов лет — к тому времени все расы Содружества уже могут исчезнуть. Черт возьми, да они *наверняка* к тому времени вымрут.

Огни пробежали по сети Ромбуса — аналог кивка.

— Поэтому мы должны составить наше послание на символическом или математическом языке. Попросите нашего дорогого друга Хека что-нибудь придумать. Как радиоастроном, занимающийся поиском инопланетного разума, он должен быть экспертом в налаживании символического общения. Как говорит поговорка, употребляемая обоими нашими народами, с этим проектом он попадёт как раз в свою колею.

* * *

На мостике кипела работа, сделать предстояло очень многое. Однако Яг и Хек выглядели усталыми. Нет, они не зевали, как это свойственно людям, но их ноздри ритмически расширялись — аналогичная зеванию физиологическая реакция.

На секунду Кейт задумался о том, чтобы принять стимулятор. В молодости он довольно часто так делал, когда учился в университете. Но то было четверть столетия назад, и ему пришлось признать, что он тоже измотан.

— Ладно, назовём это ночным временем суток, — объявил он, вставая из-за консоли. Как только он покинул своё место, огоньки индикаторов на ней тут же потускнели.

Рисса кивнула и тоже поднялась. Вдвоём они подошли к одной из скрытых голограммой стен помещения. Открылась дверь, выпуская их в коридор. Они дошли по коридору до остановки лифта, где их уже ожидала капсула — ФАНТОМ вызвал её, как только они покинули мостик. Кейт зашёл в неё, Рисса последовала за ним.

— Одиннадцатая палуба, — приказал Кейт, и ФАНТОМ чирикнул в знак подтверждения. Обернувшись к двери, они заметили Лиану Карендоттир, бегом спешащую к лифту. ФАНТОМ её тоже заметил и задержал отправку капсулы, пока она не вошла. Лианна улыбнулась Кейту и назвала свой номер. Взгляд Риссы прикипел к монитору, который показывал карту текущего уровня.

Кейт был женат на Риссе достаточно долго, чтобы понимать её язык тела без слов. Лиана ей не нравилась. Не нравилось, что она стоит так близко к Кейту, не нравилось находиться с ней в одном тесном помещении.

Капсула лифта начала движение; перекладины

на крестообразном плане этажа на мониторе начали сокращаться. Кейт глубоко вдохнул — и вдруг осознал, возможно, впервые, что ему не хватает тонкого запаха духов. Ещё одна уступка гадским свиноподобным с их сверхчувствительным обонянием. Духи, одеколон, ароматизированные лосьоны — на борту «Старплекса» всё это было под запретом.

Кейт видел отражение лица Риссы в экране монитора, видел её сжатые губы, ощущал её напряжение, её страдание.

И ещё Кейт видел Лианну. Она была ниже него ростом, и её светлые волосы наполовину скрывали от его взгляда экзотические черты её юного лица. Будь они тут одни, Кейт с удовольствием поболтал бы с ней, пошутил, улыбнулся, посмеялся, может быть, даже невзначай коснулся бы её руки. Она была такая… такая живая; общение с ней воодушевляло, придавало сил.

Но сейчас он молчал. На индикаторе текущего уровня в тишине сменялись цифры. Наконец, лифт прибыл на уровень, где располагалась квартира Лианны.

— Спокойной ночи, Кейт, — с улыбкой попрощалась она. — Спокойной ночи, Рисса.

— Спокойной ночи, — ответил Кейт. Рисса ко-

ротко кивнула.

Ещё пару секунд Кейт мог видеть, как она идёт по коридору; потом створки лифта закрылись. Он никогда не был в её квартире. Интересно, как она её обставила.

Лифт поднялся ещё на несколько уровней и снова остановился. Дверь открылась, и они прошли коротким коридором к своей квартире.

Только когда они вошли внутрь, Рисса заговорила — и Кейт по её голосу понял, что она не хочет говорить, но и промолчать не может.

— Она ведь тебе очень нравится, правда?

Кейт взвесил возможные варианты ответов. Он слишком уважал Риссу, чтобы попытаться отделаться от неё, спросив «Кто?». После секундной паузы он решил, что честность сейчас — лучшая политика.

— Она умна, обаятельна, красива, прекрасный работник. Конечно, она мне нравится.

— Ей двадцать семь, — сказала Рисса так, словно это было уголовное преступление.

«Двадцать семь! — подумал Кейт. — Значит, вот как. Буду знать. Но двадцать семь, боже ж ты мой!..» Он снял туфли и носки и улёгся на диван, давая ногам ощутить воздушные потоки.

Рисса села напротив него. Её лицо отражало

работу мысли, будто она решала, стоит ли продолжать эту тему. По-видимому, решила, что не стоит, и заговорила о другом.

— Ко мне сегодня приходила Карета.

— О? — Кейт пошевелил пальцами ног.

— Она уходит.

— Правда? Ей предложили место получше?

Рисса покачала головой.

— Она собирается развоплотиться на следующей неделе. На неё наложили наказание в размере одной шестнадцатой срока жизни за то, что она впустую потратила чьё-то время шестьсот лет назад.

Кейт несколько секунд молчал.

— Вот как… — произнёс он, наконец.

— Ты как будто не удивлён.

— Ну, я слышал об этом обычае. Никогда не понимал этой их одержимости насчёт потерь временем. В смысле, ведь они живут сотни лет.

— Для них это обычный срок жизни. Они не считают, что он непомерно большой.

Кейт развёл руками.

— Не думаю, что я могу здесь что-то сделать.

— Чёрт побери, Кейт. Казнь состоится здесь, на борту «Старплекса». Это твоя юрисдикция.

— Моя власть распространяется только на ко-

рабельные дела. Это же… ФАНТОМ, каковы мои полномочия в этой области?

— Согласно Договору о правоприменении в Содружестве вы обязаны признавать все решения, вынесенные правительствами членов Содружества, — ответил ФАНТОМ. — Ибовская практика наложения взысканий способом уменьшения срока жизни явным образом выведена из-под действия статьи о жестоких и необычных наказаниях. Таким образом, у вас нет оснований вмешиваться.

Кейт снова развёл руками и посмотрел на Риссу.

— Прости.

— Но ведь её проступок такой мелкий, незначительный.

— Ты сказала, что она сфабриковала какие-то данные?

— Да, но она тогда была студенткой. Она совершила глупость, это правда, но…

— Ты знаешь, как ибы относятся к потерянному времени. Как я понимаю, её результаты были использованы в других работах?

— Да, но…

— Видишь ли, ибы происходят с планеты, постоянно окутанной облаками. С поверхности

планеты не видны ни луны, ни звёзды, а солнце — это лишь место, где облака немного светлее. Однако, изучая приливы в тех мелких лужах, что считаются у них океанами, они пришли к выводу о существовании у их планеты нескольких лун. О существовании планет и звёзд они узнали раньше, чем сумели подняться над слоем облаков. Готов поспорить, что людям такое было бы не по силам. Они смогли разрешить эти загадки лишь потому, что живут очень долго; раса с меньшим сроком жизни в таких условиях никогда бы не узнала о существовании вселенной за пределами своей планеты. Но все эти достижения базируются на доверии к чужим наблюдениям и результатам. Если кто-то начинает их подделывать, вся система разваливается.

— Но сейчас-то кому какое до этого дело, когда прошло столько лет? И ещё… мне она нужна. Она очень ценный член моей команды. И она мой друг.

Кейт опять развёл руками.

— Что, по-твоему, я должен сделать?

— Поговори с ней. Скажи ей, что она не обязана проходить через это.

Кейт в раздумье почесал левое ухо.

— Ну, хорошо. Хорошо.

Рисса улыбнулась.

— Спасибо. Я уверена, что она…

Раздался звон вызова по интеркому.

— Колороссо Лансингу, — сказал женский голос. Франка Колороссо была менеджером внутренних операции в смене «дельта».

Кейт вскинул голову к потолку.

— Принять. Это Кейт, Франка, в чём дело?

— Прибыл ватсон с Тау Кита с новостями, которые, я думаю, вам надо посмотреть. Собственно, новости старые — переданы из Солнечной по гиперканалу шестнадцать дней назад. Гранд-Централ отправил их нам сразу по получению.

— Спасибо. Выведи на мой монитор.

— Выполняю. Конец связи.

Кейт и Рисса повернулись к видеостене. На экране возник ведущий Всемирной службы Би-Би-Си, седовласый индиец.

— Сохраняется напряжение, — говорил он, — в отношениях между правительствами двух членов Содружества. С одной стороны — Объединённые Нации Солнца, Эпсилона Индейца и Тау Кита. С другой — Королевское правительство Реболло. Слухи о дальнейшем ухудшении отношений усилились после сегодняшнего краткого сообщения о том, что Реболло закрывает посоль-

ства ещё в трёх городах — Нью-Йорке, Париже и Токио. С учётом тех, что закрылись на прошлой неделе, теперь во всей Солнечной системе остаётся лишь два работающих посольства валдахудов — в Оттаве и Брюсселе. Весь персонал закрытых посольств уже сегодня вылетел на валдахудском корабле к стяжке Тау Кита.

Экран заполнился мясистым валдахудским лицом. Титры внизу экрана гласили «Полномочный посол Даат Ласко эм-Уот». Он говорил по-английски сам, без автоперевода — редкостный подвиг для представителя его расы.

— На такой шаг мы пошли с огромным сожалением и под давлением экономических факторов. Как вы знаете, экономика всех миров Содружества пришла в беспорядок в связи с неожиданным началом межзвёздной торговли. Уменьшение количества наших представительств на Земле продиктовано необходимостью приспосабливаться к новым условиям.

Валдахуда на экране сменила негритянка средних лет; субтитры сообщили, что это Рита Негеш, политолог, специалист по земляно-валдахудским отношениям из Университета Лидса.

— Я не верю ни единому слову, — заявила она. — По-моему, Реболло просто отзывает послов.

— И что дальше? — спросил голос за кадром. Негеш развела руками.

— Когда человечество впервые вышло в космос, наши мыслители заявляли, что вселенная настолько велика и изобильна, что межзвёздные конфликты лишены смысла и физически невозможны. Но Стягивающая сеть всё изменила; благодаря ей мы сразу оказались в близком соседстве с другими разумными расами, возможно, раньше, чем мы или они были к этому готовы.

— И поэтому…? — спросил невидимый интервьюер.

— И поэтому, — ответила Негеш, — возможный будущий… инцидент, назовём это так, не обязательно будет вызван чисто экономическими причинами. Причина может быть гораздо глубже — в том простом факте, что люди и валдахуды действуют друг другу на нервы.

Передача оборвалась, и на стене снова возникла панорама озера Луиз. Кейт посмотрел на Риссу и глубоко вздохнул.

— «Инцидент…» — повторил он. — Ну, по крайней мере, мы с тобой уже староваты для призыва.

Рисса некоторое время смотрела на него.

— Вряд ли это имеет значение, — ответила она,

наконец. — По-моему, мы уже на линии фронта.

Глава XIV

Кейту всегда нравилось посещать причальные ангары. Сначала кабина лифта падает вниз к тридцать первому уровню — верхнему из десяти, что составляют центральный диск. После этого она движется горизонтально вдоль одного из четырёх туннелей, соединяющих ступицу гигантского колеса с его ободом. Стенки этих туннелей прозрачны, равно как стены и пол лифтовой кабины, так что пассажирам открывается захватывающий дух вид на огромный круглый океан.

Кейт заметил спинные плавники трёх дельфинов, плывущих под самой поверхностью. Перемешиватели на поверхности внешних стен и центральной шахты создавали волны полуметровой высоты — дельфины предпочитают их спокойному морю. Радиус центрального диска девяносто пять метров — Кейта всегда поражало количество содержащейся здесь воды. На потолок проецировалось изображение реального земного неба; громады белых облаков двигались на фоне того особого оттенка синего, от которого у Кейта всегда щемило сердце.

Наконец, кабина достигла края океана; остаток пути прошёл внутри ничем не примечательных туннелей инженерного кольца. Достигнув его внешнего края, кабина опустилась на девять уровней вниз, в причальную зону. Кейт вышел, и остаток пути до входа в причальный ангар номер девять проделал пешком.

Там его уже дожидались Хек, специалист по знаковым системам общения, и худощавый человек по имени Шахиншах Азми, глава секции материаловедения. Между ними стоял чёрный куб примерно метрового размера. Кейт подошёл к ним.

— Доброго дня, сэр, — ровным голосом поприветствовал его всегда безупречно вежливый Азми. Из старых фильмов Кейт знал, как музыкален может быть индийский акцент; иногда он скучал по разнообразию человеческих голосов, существовавшему до того, как системы моментальной связи сгладили все различия.

Азми указал на куб.

— Мы сделали капсулу времени из графитового композита с добавлением нескольких радиоактивных веществ. Она сплошная за исключением саморемонтирующегося гиперпространственного сенсора, который будет замкнут на стяжку, и

питающихся от света звёзд двигателей ориентации, с помощью которых капсула будет сохранять положение относительно стяжки.

— А что насчёт нашего послания в будущее? — спросил Кейт.

Хек указал на одну из граней куба.

— Вырезано прямо на нём, — ответил он; от лающих звуков его речи по обширному помещению заметалось эхо. — Оно начинается на этой стороне. Как видите, оно состоит из серии заключённых в рамки предложений. Две точки плюс две точки равно четыре точки: вопрос и ответ. Во второй рамке, здесь, две точки плюс две точки и символ. Поскольку выбор символа произволен, мы просто взяли английский вопросительный знак, но без точки внизу — чтобы нельзя было подумать, что это два знака, а не один. Третья рамка содержит символ вопроса, символ, выбранный для понятия «равно» и четыре точки — ответ. Таким образом, это предложение означает «ответ на вопрос — четыре». Улавливаете смысл?

Кейт кивнул.

— Теперь, — продолжил Хек, — определив базовые понятия для диалога, мы можем задать наш настоящий вопрос. — Он доковылял до противоположной стороны куба, на которой также было

что-то вырезано.

— Как видите, здесь у нас две похожие рамки. В одной из них находится условное изображение стяжки и появляющейся из неё звезды. Видите масштабную линейку, равную диаметру звезды, и набор горизонтальных и вертикальных линий под ней? Это двоичное представление диаметра звезды, выраженного в размерах рамки, на случай, если они не догадаются, что именно здесь изображено. Дальше следуют символ равенства и символ вопроса. Всё предложение читается как «звезда из стяжки равно чему?» А внизу символ вопроса, символ равенства и большое пустое пространство: «Ответ на вышезаданный вопрос — это …» и место для ответа.

Кейт медленно кивнул.

— Умно. Отличная работа.

Азми указал на ещё одну грань куба.

— На этой грани мы вырезали информацию о периодах и взаимном расположении четырнадцати различных пульсаров. Если у будущих строителей стягивающей сети — у тех, кто найдёт наше послание — найдутся записи астрономических наблюдений, относящиеся к нашей эпохе, то эти данные позволят им определить дату с точностью до года.

— Кроме того, — добавил Хек, — они наверняка догадаются, что послание отправлено сразу после появления из стяжки той зелёной звезды, а уж они-то наверняка знают, в какую конкретно эпоху они её отправляли. Другими словами, у них будет два независимых способа узнать, куда и когда переправить ответ.

— И это сработает? — спросил Кейт.

— Скорее всего, нет. — Азми улыбнулся. — Это как бутылка с запиской в океане. Я не рассчитываю на результат всерьёз, но полагаю, что попытаться стоит. Впрочем, как мне сказал доктор Магнор, если мы не получим убедительного объяснения и посчитаем, что эти звёзды представляют угрозу, мы сможем воспользоваться валдахудской технологией выравнивания пространства для уничтожения стяжек. Возможно, что звёзды появляются сразу из тысяч стяжек, и мы не сможем остановить их все. Однако, если там узнают, что мы способны влиять на процесс хотя бы в некоторой степени, то, возможно, побеспокоятся о том, чтобы объяснить нам свои действия.

— Очень хорошо, — согласился Кейт. — Однако, заметят ли они наш куб? Как мы можем быть уверены, что его вообще найдут?

— Это самая трудная часть, — пролаял Хек. — Есть всего несколько способов сделать так, чтобы объект был хорошо виден. Один из них — заставить его отражать свет. Однако из чего бы мы ни сделали наш куб, ему придётся подвергаться воздействию межзвёздной пыли в течение десяти миллиардов лет. Пусть даже будет всего несколько микростолкновений в столетие — за миллиарды лет такой поток заставит потускнеть любую отражающую поверхность.

Второй рассмотренный нами способ — сделать его настолько большим, чтобы его было трудно не заметить, или настолько тяжёлым, что он вносил бы возмущения в пространство-время. Однако чем больше объект, тем больше у него шансов быть уничтоженным шальным метеоритом.

Последний, третий способ — сделать его громким, то есть заставить излучать радиоволны. Для этого, однако, нужен источник энергии. Конечно, под боком зелёная звезда, и обычные солнечные батареи дали бы более чем достаточно электричества. Однако у звезды существенная собственная скорость относительно стяжки. Всего через несколько тысяч лет она удалится на полный световой год — слишком далеко, чтобы дать хоть какую-то энергию. А в любом мыслимом внутрен-

нем источнике энергии кончится топливо или распадутся все радиоактивные элементы задолго до нужной нам даты.

Кейт кивнул.

— Но вы сказали, что используете звёздный свет для питания двигателей ориентации?

— Да. Но на питание маяка любого рода энергии уже не останется. Нам остаётся лишь положиться на то, что у строителей стягивающей сети такие детекторы, что обнаружат наш кубик в любом случае.

— А если нет?

Хек пожал обеими парами плеч.

— Если нет — мы ничего не потеряем, попытавшись.

— Хорошо, — сказал Кейт. — По-моему, всё выглядит довольно неплохо. Это прототип, или настоящая капсула времени?

— Мы задумывали её как прототип, но всё получилось идеально, — ответил Азми. — Я думаю, можно отправлять как есть.

Кейт повернулся к Хеку.

— Ваше мнение?

Валдахуд коротко рявкнул:

— Согласен.

— Очень хорошо. Как вы предлагаете его за-

пустить?

— Из двигателей на нём только двигатели ориентации, — ответил Азми. — И просто оставить его здесь тоже нельзя — неподалёку толпятся эти существа из тёмной материи, и они могут притянуть к себе наш куб. Мы, однако, убедились, что эти существа обладают определённой подвижностью, так что разумно будет предположить, что они не будут вечно находиться в этой точке. Я запрограммировал стандартный грузовой модуль так, чтобы он унёс куб подальше отсюда, но примерно через сто лет вернулся и сбросил его примерно в двадцати километрах от стяжки. После этого он будет сохранять фиксированное положение относительно неё с помощью собственных двигателей ориентации.

— Великолепно, — сказал Кейт. — Пусковая установка тоже готова?

Азми кивнул.

— Вы можете запустить его прямо отсюда?

— Конечно.

— Тогда давайте сделаем это.

Все трое вышли из причального ангара и поднялись в кабину управления причаливанием, чьи наклонные окна выходили внутрь ангара. Азми уселся за консоль; по его команде в отсек въехала

самоходная платформа с цилиндрическим грузовым модулем. Механические руки пристегнули куб к держателям модуля.

— Продувка отсека, — объявил Азми.

Мерцающие стены силовых полей начали сходиться от пола, потолка и трёх из четырёх стен ангара, вытесняя воздух в выпускные клапаны в задней стене. Когда весь заполняющий отсек воздух был собран в специальных хранилищах, силовые поля отключились, и в ангаре воцарился вакуум.

— Открываю внешние ворота, — объявил Азми. Сегменты внешней, изогнутой стены пришли в движение и начали втягиваться в потолок. Стал виден кусочек чёрного неба, но звезды терялись в блеске внутреннего освещения.

Азми нажал ещё несколько кнопок.

— Активирую системы капсулы времени, — сказал он и щелчком клавиши запустил программу действий эмиттера буксировочного луча, смонтированного на задней стене ангара. Грузовой модуль поднялся над платформой, пролетел над плитами пола, миновал веретено хранящегося в том же ангаре ремонтного скифа и вылетел в открытый космос.

— Запуск систем грузового модуля, — сказал

Азми. Торец цилиндра осветился пламенем выхлопа толкателей, и вся конструкция быстро исчезла из виду.

— Вот и всё, — сказал Азми.

— И что теперь? — спросил Кейт.

Азми пожал плечами.

— Пока можно об этом забыть. Оно или сработает, или нет. Вероятнее всего, нет.

Кейт кивнул.

— Отличная работа, молодцы. Спасибо. Это…

— Рисса Лансингу, — раздалось из динамиков громкой связи. Кейт вскинул голову.

— Принять. Слушаю, Рисса.

— Привет, дорогой. Мы готовы попытаться поговорить с существами из тёмной материи.

— Уже бегу! — Он улыбнулся Азми и Хеку. — Знаете, иногда мои сотрудники даже немножко *слишком* эффективны.

* * *

Кейт поднялся на мостик и занял своё место в центре заднего ряда. Голосфера показывала не обычный вид окружающего космоса, а набор красных кругов на бледно-белом фоне, обозначая положение отдельных сфер тёмной материи.

— Ну что же, — сказала Рисса, — мы собираемся

установить с существами из тёмной материи контакт посредством оптических и радиосигналов. Мы запустили специальный зонд, который будет осуществлять трансляцию сигналов. Он находится в восьми световых секундах от корабля по правому борту; я буду управлять им посредством коммуникационного лазера. Разумеется, существа из тёмной материи могли уже заметить наше присутствие; с другой стороны, могли и не заметить. И на случай, если они окажутся хлопниками или чем-то настолько же злобным, разумно будет привлечь их внимание к малоценному зонду, а не к самому кораблю.

— «Существа из тёмной материи», — повторил Кейт. — Как-то громоздко, вам не кажется? Надо бы придумать для них название покороче.

— Например, «темнюки», — предложил Ромбус.

Кейт скривился.

— Не годится. — Подумав секунду, в шутку предложил: — А как насчёт «МАСНОмэнов»?

Яг закатил обе пары глаз и издал хрюк отвращения.

— А вот, скажем, «темняне»? — сказал Тор.

Рисса кивнула.

— «Темняне» подойдут. — Потом, обращаясь ко

всем в рубке: — Так вот. Как все вы знаете, Хек составлял каталог групп сигналов, получаемых от темнян. Предположив, что каждая группа — это слово, мы смогли идентифицировать наиболее часто употребляемое. Первое сообщение, которое я собираюсь отправить, состоит из многократного повторения этого слова. Мы полагаем, что это слово наверняка нейтрально — что-то вроде темнянского аналога определённого артикля. Такое сообщение вряд ли будет нести какую-либо осмысленную информацию, но, если нам повезёт, темняне расценят его как попытку начать общение. — Она повернулась к Кейту. — Директор, прошу разрешения начать передачу.

Кейт усмехнулся.

— Будьте как дома.

Рисса тронула клавишу.

— Начинаю передачу.

По сенсорной сети Ромбуса пробежали искры.

— Какой-то эффект передача явно произвела, — доложил он. — Интенсивность разговоров радикально увеличилась. Теперь все они говорят одновременно.

Рисса кивнула.

— Будем надеяться, что они смогут запеленговать наш ретранслятор.

— Думаю, уже, — секундой спустя сказал Тор, показывая на монитор. — Пятеро планетарных существ начали двигаться в сторону зонда.

— Теперь начинается хитрая часть, — сказала Рисса. — Мы привлекли их внимание, как теперь начать общаться?

Кейт знал, что если кто и сможет вытянуть эту задачу, то это наверняка будет его жена, которая принимала участие в первом контакте с ибами. В тот раз они начали с простого обмена существительными: этот световой узор значит «стол», другой — «почва» и так далее. Даже на этом этапе были сложности. Тела ибов настолько отличаются от людских, что для многих концепций у них просто не было терминов: стоять, сидеть, стул, одежда, мужчина, женщина. И поскольку жили они под постоянным покровом облаков, то не имели названий для массы других идей — день, ночь, месяц, год, созвездие. Тем временем ибы пытались донести до людей фундаментальные понятия собственного существования: биологический гештальт, круговое зрение, а также массу переносных значений, которыми обросло понятие «катиться».

Но те проблемы были семечками по сравнению с задачей общения с существами планетарных

размеров. Кстати, с пониманием этой конкретной метафоры — малопитательная, потребляемая для развлечения еда как символ простоты — ибы не имели никаких проблем, как и люди с пониманием ибовской метафоры для того же самого — «как под горку». Общение же с существами размером с Юпитер, которые ещё непонятно, являются ли разумными, а если являются, то неясно, понимают ли хотя бы основы физики и математики — такое общение могло оказаться совершенно невозможным.

— Болтовня на всех двухстах каналах не прекращается, — сказал Ромбус.

Рисса кивнула.

— Но нет никакой возможности понять, это разговор между сферами, или сигналы, адресованные нам. — Она снова коснулась клавиш у себя на пульте. — Теперь я буду передавать другое, тоже часто употребляемое темнянское слово.

В этот раз какофония на всех каналах резко оборвалась по сигналу одного из темнян, которые, по-видимому, приказал всем замолчать. А потом тот же темнянин начал передавать простое сообщение, состоящее всего из двух слов.

— А теперь сыграем на рефлексах, — сказала Рисса.

— То есть? — спросил Кейт.

— Первый вопрос, который обычно задают в подобных ситуациях — «Кто ты?» Мы с Хеком и ФАНТОМом составили реестр всех темнянских слов и составили сигнал, который, хотя и следует всем правилам темнянского словообразования, которые нам удалось выявить, за всё время наблюдений ни разу не встретился в передачах темнян. Мы надеемся, что они воспримут этот сигнал как название «Старплекса».

Рисса передала это искусственное слово несколько раз — и вот, наконец, первый прорыв: та же самая сфера, что приказала остальным молчать, повторила это слово в ответной передаче.

— «Того и жди, — улыбнулась Рисса, — пойдут дожди в Испании[13]».

— Тысяча извинений, — сказал Ромбус. — Мой транслятор, должно быть, неисправен.

Рисса улыбалась до ушей.

— Он исправен. Просто я думаю, что «у неё по-

---

[13] Примечания: 13

Цитата из мюзикла «Моя прекрасная леди» (Алан Лернер, Фредерик Лоу, перевод Романа Сефа) по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион». По сюжету английский профессор филологии обучает правильному произношению девушку из простонародья, в частности, заставляя её произносить скороговорки. *(Прим. перев.)*

лучилось»...[14] что мы установили контакт.

Кейт указал рукой на дисплей.

— Который из них разговаривает с нами?

Над консолью Ромбуса взметнулись щупальца.

— Вот этот, — ответил он, и вокруг одного из красных кругов возникло голубое гало. — Сейчас я сделаю картинку чётче. Теперь, когда нам светит зелёная звезда, мы можем получать хорошие изображения отдельных темнян. — Красные круги пропали, сменившись серым на чёрном фоне реальным изображением темнянской сферы.

— Можно увеличить контраст? — попросил Кейт.

— С удовольствием выполняю, — откликнулся Ромбус. На тех частях сферы, что казались смазанными или затуманенными, проступили пятна разных оттенков серого.

Кейт внимательно оглядел их. При усиленном контрасте стала видна пара вертикальных полос, тянущихся от полюса до полюса и расширяющихся в районе экватора.

— Кошачий глаз, — сказал он.

Рисса кивнула.

— Действительно похоже, правда? — Она на-

---

[14] Примечания: 14

Цитата из того же мюзикла — восклицание профессора, когда его подопечная впервые произносит скороговорку без ошибки. *(Прим. перев.)*

жала несколько кнопок. — Ну что же, Кошачий Глаз, давай посмотрим, насколько ты разумен. — Внутри голосферы повисло объемное изображение горизонтального цилиндра черного цвета около метра длиной и пятнадцати сантиметров толщиной. — Этот цилиндр изображает собой массив термоядерных ламп, установленный на зонде. С момента прибытия зонда на место они были выключены. Теперь смотрим, — она щелкнула клавишей у себя на пульте. Черный цилиндр на три секунды стал ярко розовым, потом погас на три секунды, быстро моргнул два раза, снова погас на три секунды, потом мигнул три раза. — Когда цилиндр розовый, это значит, что включены все лампы, — пояснила Рисса. — Когда лампы включены, зонд также передаёт белый шум в радиодиапазоне, и молчит, когда они выключены. Теперь я подключаю систему громкой связи мостика к частоте, на которой вещает Кошачий Глаз.

Громкоговорители остались безмолвны, но Кейт видел мерцание индикаторов на пульте Ромбуса — на некоторых из других каналов велись переговоры.

Рисса подождала с полминуты, потом щёлкнула клавишей. Вся серия — одно мигание, потом

два, потом три — снова повторилась.

В этот раз ответ пришёл практически сразу: три темнянских слова, которые ФАНТОМ воспроизвёл через громкоговорители как гудки и хлопки.

— Ну, — сказала Лианна, — если нам повезло, то это темнянские слова «один», «два» и «три».

— Или «Что за хрень?» — сказал Тор.

Рисса улыбнулась и нажала ту же клавишу. Зонд снова моргнул один, два, три раза, и Кошачий Глаз ответил теми же тремя словами.

— Хорошо, — сказала Рисса. — Теперь для проверки. — Она нажала другую клавишу, и последовательность миганий воспроизвелась в обратном порядке — три, два, один.

Темнянин ответил тремя словами. Кейт не был уверен, что расслышал точно, но…

— Есть! — воскликнула Рисса. — Те же самые три слова, что в первый раз, но в обратном порядке. Он понимает, что говорит — то есть, по крайней мере рудиментарный интеллект налицо. — Рисса снова проиграла ту же последовательность, и теперь ФАНТОМ заменил темнянские слова английскими «один, два, три» произнесёнными со старомодным французским прононсом, который, по-видимому, должен будет стать стандартом для перевода речи темнян.

Все присутствующие на мостике заворожённо следили за тем, как Рисса стремительно двигается вперёд и выясняет темнянские названия для числительных от четырёх до ста. Ни она, ни ФАНТОМ не смогли выявить никакой закономерности в построении слов, которая позволила бы определить базу их системы счисления; казалось, числительные совершенно не связаны друг с другом. Рисса остановилась на сотне, опасаясь, что темнянам наскучит эта игра, и они прекратят общение.

После этого начались упражнения в базовой арифметике: две вспышки, шестисекундная пауза — вдвое дольше обычного, ещё две вспышки, снова шестисекундная пауза, четыре вспышки.

Кошачий Глаз покорно воспроизвёл слова, обозначающие «два», «два» и «четыре» первые пять раз, что Рисса передавала эту последовательность, но на шестой всё же догадался о значении удлинённых пауз — шестисекундная пауза означала требование вставить подходящее по смыслу слово. ФАНТОМ всё сделал сам: когда Кошачий Глаз заговорил в шестой раз, он перевёл темнянскую фразу «два плюс два равняется четырём» полностью, добавив слова «плюс» и «равняется» в свой словарь. После этого Рисса без промедления

выяснила темнянские термины для вычитания, умножения, деления, а также понятий «больше» и «меньше».

— Думаю, — сказала она, улыбаясь от уха до уха, — уже не осталось сомнений, что мы имеем дело с высокоразумными существами.

Кейт лишь изумлённо качал головой, глядя, как Рисса использует математику для расширения словарного запаса. Скоро она узнала темнянские слова для понятий «верно» и «неверно» (или «да» и «нет»), которые, она надеялась, означают «правильно» и «неправильно» и в других контекстах тоже. После этого она заставила Ромбуса двигать зонд в разных направлениях (следя за тем, чтобы не ударить в темнян выхлопом толкателей), и получила темнянские слова «верх», «низ», «лево», «право», «перед», «позади», «удаляться», «приближаться», «поворачивать», «переворачиваться», «двигаться по кругу», «быстро», «медленно» и многие другие.

Заставив зонд обращаться вокруг одного из темнян, она выяснила слова «орбита», и скоро дело дошло и до слов «звезда», «планета» и «луна».

Используя цветные фильтры на лампах зонда она выяснила темнянские названия цветов. После этого передала первое полное предложение,

начинавшееся с произвольного символа, выбранного для обозначения «Старплекса»: «Старплекс движется к зелёной звезде», и Ромбус заставил зонд двигаться именно туда.

Кошачий Глаз понял его с первого раза, ответив словом «верно». После этого он передал собственное предложение: Кошачий Глаз удаляется от «Старплекса», и сделал, как сказал. Рисса ответила: «верно».

Когда вахта смены «альфа» завершилась, Кейт пошёл домой перекусить и принять душ, Рисса же продолжала работать с ночной вахтой, пополняя и пополняя запас известных темнянских слов. Кошачий Глаз ни разу не выказал каких-либо признаков нетерпения или усталости. К тому времени, как на вахту заступила смена «гамма», Рисса была измотана до предела и позволила Хеку её сменить. Сменяя друг друга, работали четыре дня — шестнадцать вахт — постепенно расширяя темнянский словарь. Кошачий Глаз всё это время ни разу не отвлёкся и не ошибся. Наконец, Рисса решила, что они готовы к несложному разговору.

— Спроси их, как долго они здесь, — сказал Кейт.

Рисса склонилась над микрофоном на ножке,

выросшем из её консоли.

— Как долго вы здесь?

Ответ пришёл почти сразу:

— Время говорения умножить на сто умножить на сто умножить на сто умножить на сто умножить на сто умножить на сто.

Потом обычным голосом ФАНТОМА:

— Приблизительно четыре триллиона дней или примерно десять миллиардов лет.

— Возможно, — сказала Рисса, — это образное выражение, означающее очень много времени.

— Десять миллиардов лет, — сказал Яг, — это грубая аппроксимация возраста Вселенной.

— Да, если ты дожил до десяти миллиардов, терпения у тебя хоть отбавляй, — заметил Тор.

— Может, быть, по-другому сформулировать запрос? — предложила Лианна.

— Столько времени все вы находитесь здесь? — спросила Рисса.

— Эта группа — эта длительность, — ответил голос транслятора. — Этот один — время говорения умножить на сто умножить на сто умножить на сто.

— Примерно пятьсот тысяч лет, — пояснил ФАНТОМ.

— Должно быть, он имеет в виду, что этой груп-

пе темнян десять миллиардов лет, — сказала Рисса, — но ему самому всего полмиллиона.

— «Всего»! — воскликнула Лианна.

— Теперь скажи им наш возраст, — посоветовал Кейт.

— То есть возраст «Старплекса»? Или Содружества? Или возраст наших видов?

— Я так думаю, мы сравниваем цивилизации, — ответил Кейт. — Так что сравнимой величиной будет возраст старейшей расы Содружества. — Он взглянул на миниатюрную голограмму Ромбуса на своей консоли. — Каковой являются ибы, в свое нынешней форме существующие… сколько? Около миллиона лет?

По сети Ромбуса прошла рябь согласия.

Рисса кивнула и снова включила микрофон.

— Мы все время говорения умножить на сто умножить на сто умножить на сто умножить на сто. Этот один время говорения умножить на сто *плюс* сто. — Она отключила микрофон. — Я сказала, что нам как цивилизации миллион лет, но «Старплексу» всего два года.

Кошачий Глаз повторил число, обозначающего его личный возраст, добавил слово «минус», повторил возраст «Старплекса», добавил слово «равно», и затем снова повторил последователь-

ность, обозначающую его возраст.

— Очень приблизительно, — сказала Рисса, — я бы это поняла так, что наш возраст — ничто по сравнению с его.

— Ну, тут он прав, — сказал Кейт. — Интересно, на что это похоже — быть настолько старым?

Глава XV

Кейт редко заходил в области корабля, предназначенные для проживания ибов. Сила тяжести там была установлена на уровне 1,41 стандартной земной (и 1,72 стандартной корабельной); при своих 82 килограммах Кейт чувствовал, что весит 115. В течение какого-то времени можно терпеть, но ощущение не из приятных.

Коридоры здесь были значительно шире, чем в других секторах «Старплекса», межпалубные перекрытия толще, а потолки, соответственно, ниже. Не настолько, чтобы приходилось пригибаться, но Кейт всё равно непроизвольно наклонял голову. Воздух здесь был тёплый и сухой.

Кейт отыскал дверь каюты, которую искал; на двери была матрица жёлтых огней, складывавшихся в знак, состоящий из перевернутой трапеции с двумя маленькими кружками внизу. Кейт никогда не видел экипажей на лошадиной тяге, кроме как в музее, но пиктограмма действительно напоминала карету.

— ФАНТОМ, сообщи ей, пожалуйста, что я здесь,

— произнёс Кейт в пространство.

ФАНТОМ чирикнул в знак подтверждения, и секундой позже, получив разрешение Кареты, дверь открылась.

Жилые помещения ибов с людской точки зрения были очень необычны. На первый взгляд они казались неприлично просторными — комната, в которую вошёл Кейт, была размером десять на восемь метров. Но потом приходило понимание, что это жилой блок стандартного общекорабельного размера, просто не разделённый перегородками на спальню, гостиную и уборную. Разумеется, не было ни стульев, ни диванов. Никаких ковров — весь пол залит твёрдым прорезиненным материалом. На своей родной планете в доиндустриальные времена ибы насыпали холмики на таком расстоянии, чтобы их кокон мог опираться на них краями, позволив колёсам на время отделиться от тела. Что-то похожее на пару таких холмиков имелось в углу комнаты Кареты, но в данном случае это был предмет мебели.

Оформление стен показалось Кейту странными и смущающим разум: продолговатой формы картины, состоящие из многочисленных и часто искаженных видов одного и того же объекта с разных сторон, наложенных друг на друга. Он не

мог разглядеть те, что были на дальней стене, но в ближних к нему он с удивлением узнал серьёзно недоразвитых человеческих и валдахудских младенцев с короткими толстыми конечностями и странно полупрозрачными головами. Карета — биолог, и инопланетные формы жизни, должно быть, находит чрезвычайно увлекательными, но выбор темы для украшения стен жилища вызывал подспудный протест.

Карета подкатилась к нему с дальнего края помещения. Приближающийся с хорошего расстояния иб — зрелище не для слабонервных; они обожают разогнаться, а потом резко затормозить в метре или двух. Кейт ни разу не слышал о том, чтобы иб переехал человека, но всегда боялся стать первым.

Огоньки сенсорной сети вспыхнули.

— Доктор Лансинг, — сказала Карета. — Какая приятная неожиданность. Проходите, проходите. Мне негде вас посадить, но я знаю, что вам нелегко при повышенной тяжести. Присаживайтесь на мой холмик для отдыха. — Щупальце махнуло в направлении клиновидной конструкции у стены комнаты.

Кейт хотел было отклонить предложение, но, черт возьми, стоять при такой гравитации и

правда было неприятно. Он подошёл к холмику и умостил на нём свою филейную часть.

— Спасибо, — сказал он. Он понятия не имел, как начать, но осознавал, что обидит иба, если сразу, не теряя времени, не перейдёт к делу. — Рисса попросила меня с вами поговорить. Она сказала, что вы в скором времени собираетесь развоплотиться.

— О, добрая, заботливая Рисса, — сказала Карета. — Её забота так трогательна.

Кейт в раздумье окинул взглядом комнату.

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказал он, наконец, — что вы не обязаны подвергать себя развоплощению. По крайней мере, пока вы находитесь на борту «Старплекса». Все сотрудники, находясь на борту, де факто имеют статус персонала посольства. Я мог бы устроить вам дипломатическую неприкосновенность.

Он взглянул на Карету. Если бы у неё было лицо, или хотя бы глаза, в которые можно бы было заглянуть.

— Вы образцовый работник; вы могли бы продолжать работать на «Старплексе» до истечения вашего природного срока жизни.

— Вы очень добры, доктор Лансинг. Очень добры. Но я должна быть честна с самой собой.

Поймите, что, хотя я никому не рассказала о грядущем развоплощении, я в течение столетий готовилась к нему физически и духовно. Я планировала события своей жизни так, чтобы они завершились сейчас; мне будет просто нечего делать в течение пятидесяти незапланированных лет.

— Вы могли бы продолжить свои исследования по проблеме старения. Кто знает, за эти пятьдесят лет вы можете её и решить. И тогда вам *вообще* не нужно будет умирать.

— Вечность позора, доктор Лансинг? Вечность вины? Нет, спасибо. Я уже вступила на этот путь и сойти с него не могу.

Кейт немного помолчал, раздумывая. Аргументы и контраргументы роились у него в голове. Но он отмёл их все. Это не его дело, не него место. Наконец, он кивнул.

— Я могу вам чем-то помочь? Вам нужно какое-либо специальное оборудование или материалы?

— Есть определённая церемония. Большинство ибов не будут присутствовать; это означало бы пустую трату времени на того, кто и так в ней виновен. Я думаю, что придут только мои ближайшие друзья. Так что мне не понадобится большое

помещение. Однако, раз вы предложили, я хотела бы провести церемонию в причальном ангаре — с тем, чтобы по её окончании мои составные части могли бы быть выброшены в космос.

— Если это всё, что вам нужно, то, разумеется, я даю разрешение.

— Спасибо, доктор Лансинг. Огромное вам спасибо.

Кейт кивнул, встал и пошёл к дверям. По тёплому коридору ибовского сектора он вышел в промозглую сырость центральной шахты. Обычно выходя из ибовского сектора в помещения с меньшей гравитацией он чувствовал себя воздушным, лёгким, как пёрышко.

Но не в этот раз.

* * *

— Тахионный выброс! — воскликнул Ромбус с консоли внешних операций. — Что-то проходит стяжку. Малый объект примерно метрового размера.

Вероятно, ватсон, подумал Кейт.

— Ромбус, дайте изображение.

Участок голосферы окружила синяя рамка, внутри появилось телескопическое изображение появившегося из стяжки объекта.

— С возвращеньицем! — воскликнул Тор, широко улыбаясь.

— Кто-нибудь, вызовите сюда Хека и Шану Азми, — сказал Кейт.

— Выполняю, — отозвалась Лианна. Через секунду: — Уже бегут.

Звездное небо с правой стороны разорвалось открывшейся дверью, и на мостик вошёл валдахудский специалист по ксенокоммуникации. Почти одновременно открылась дверь позади галереи для посетителей и вошёл Шахиншах Азми. На нём были теннисные шорты, в руках он держал ракетку. Кейт махнул рукой в сторону изображения с телескопа:

— Смотрите, кто вернулся, — сказал он.

Хек уставился на голосферу всеми четырьмя глазами.

— Это… Это великолепно!

— Ромбус, — сказал Кейт, — просканируйте его на всякий случай. Если он чист, доставьте его в причальный ангар шесть.

— Сканирую… никаких заметных проблем. Фокусирую буксировочный луч.

— На борту держите его в изоляции за силовым полем.

— Выполняю.

— Хотел бы я, чтобы он прибыл на прошлой неделе, — сказал Азми.

— Почему? — спросила Рисса.

— Тогда нам не пришлось бы его делать и запускать.

Рисса расхохоталась.

— Шану, Хек, мы отправляемся в причальный ангар шесть.

— Я тоже хочу поучаствовать, — сказала Рисса.

Кейт улыбнулся.

— Не сомневаюсь.

Вчетвером она направились в причальный отсек. Там они встали перед силовым экраном: Хек примерно в двух метрах справа от Кейта, Азми — позади, Рисса — бок о бок с ним по левую руку; их локти слегка соприкасались. Невидимые буксировочные лучи втащили куб в ангар и установили на полу, после чего накрыли его силовым куполом. Внешние ворота закрылись, и ангар наполнился воздухом. Теперь можно было взглянуть на куб поближе.

Пролетевшие над ним эпохи он выдержал достойно. Его поверхность выглядела так, словно по ней прошлись стальной щёткой, но вырезанные на верхней грани знаки всё ещё нормально читались. Оказалось, что Ромбус повернул куб

так, что грань, предназначенная для ответа, оказалась внизу.

— ФАНТОМ, — сказал Кейт, — поверни куб на четверть оборота, чтобы нижняя грань была обращена к нам.

Погрузочные лучи приподняли куб и повернули. На грани, предназначенной для ответа, виднелись черные буквы на белом фоне, будто бы вплавленном в поверхность куба.

— О боги, — сдавленно произнёс Хек.

У Риссы отвисла челюсть.

Кейт от удивления застыл на месте.

На оставленном для ответа месте располагался следующий текст:

> *Отсылка звёзд назад — необходимость, не угроза. Это на пользу всем нам. Ничего не бойтесь.*

И под этим текстом, буквами немного меньшего размера:

> *Кейт Лансинг*
> *10-646-397-281*

— Не верю, — сказал, наконец, Кейт.

— О, смотрите-ка, — сказал Хек, наклоняясь к надписи. — Эта буква вроде не так пишется.

Кейт вгляделся. И правда, засечка у буквы *и* располагалась с левой стороны, а не с правой.

— И в букве *у* нижний штрих должен идти не прямо, а под углом, — заметил Кейт.

— А что могут означать эти цифры внизу? — спросила Рисса.

— Выглядит как номер социального страхования, — сказал Кейт.

— Нет, скорее, арифметическое выражение, — сказал Хек. — Это будет… э-э… Центральный компьютер?

— Минус тысяча триста четырнадцать, — подсказал ФАНТОМ.

— Нет, не то, — сказала Рисса, качая головой. — Когда люди пишут письмо, то в конце обычно ставят дату.

— Но в каком формате? — спросил Хек. — Час-день-месяц-год? Не годится. А если наоборот? Десятый год, шестьсот сорок шестой день... Тоже не получается — ведь терранском году всего четыреста с чем-то дней…

— Нет, — сказала Рисса. — Нет, это всё не то. Это год. Всё число — год. Десять миллиардов шестьсот сорок шесть миллионов триста девяносто семь тысяч двести восемьдесят первый.

— Год? — переспросил Хек.

— Год, — ответила Рисса. — Земной год. Анно Домини — от рождества Христа, земного пророка.

— Но я видел, как вы записываете числа, — сказал Хек. — Да, в больших числах вы группируете разряды по три — валдахуды делают то же самое, только по четыре. Но я считал, что у вас для этой цели используются… как вы их называете? Эти закорючки внизу строки.

— Запятые, — сказала Рисса. — Мы ставим запятые или оставляем пустые места. — Она, по-видимому, с трудом сдерживала возбуждение; она отошла к стене ангара и оперлась на неё. — Но представьте… представьте себе эпоху настолько далёкого будущего, что никто уже не говорит по-английски… прошли миллионы и миллиарды лет с тех пор, как… — она указала на Кейта, — с тех пор, как перестали на нём говорить. За такое время можно и позабыть некоторые мелкие детали, типа куда торчит хвостик *у* и с какой стороны крючок у *и*.

— Это какая-то подделка, — сказал Кейт, тряся головой.

— Если так, то весьма хорошая, — вмешался Азми, размахивая ручным сканером. — Мы внедрили в материал куба некоторые радиоактивные вещества с весьма долгими периодами

полураспада. Сейчас куб на десять миллиардов лет старше. Плюс-минус девятьсот миллионов. Единственный способ обмануть этот способ датировки — сделать точно такой же куб с нужным соотношением изотопов. Но этот куб во всём идентичен нашему — с точностью до радиоактивного распада и выщербления поверхности.

— Но зачем подписываться моим именем? — спросил Кейт. — Это-то точно какая-то ошибка.

— Возможно, ваше имя стало как-то ассоциироваться со «Старплексом», — сказал Хек. — В конце концов, вы — его первый директор, и, если честно, мы, валдахуды, всегда считали, что ваша известность несоразмерна заслугам. Может быть, это не подпись, а обращение, или форма приветствия, или…

— Нет, — прервала его Рисса; её голос дрогнул от возбуждения. — Нет. Это от тебя.

— Но… но это же полная чушь, — сказал Кейт. — Как я могу быть жив через десять миллиардов лет?

— Релятивистские эффекты, — предположил Хек. — Или какая-то форма замедленной жизнедеятельности…

— Или… — сказала Рисса всё ещё подрагивающим голосом. Кейт посмотрел на неё.

— Или что?

Она повернулась и почти бегом направилась к выходу из ангара.

— Куда же вы? — гавкнул Хек.

— Найти Карету, — крикнула она. — Надо ей сказать, что наш проект продления жизни ждёт такой успех, какой нам и не снился.

Дзета Дракона

Стеклянный поднялся с покрытой клевером поляны.

— Наверное, тебе нужно немного отдохнуть, — сказал он. — Я скоро вернусь.

— Погодите! — сказал Кейт. — Я хочу знать, кто вы. Кто вы на самом деле.

Стеклянный ничего не сказал, лишь наклонил голову набок.

Кейт тоже поднялся на ноги.

— Я имею право знать. Я ответил на все ваши вопросы. Пожалуйста, ответьте на один мой.

— Хорошо, Кейт, — Стеклянный развёл руками. — Я — это ты, Жильбер Кейт Лансинг. Будущий ты. Ты не представляешь, как долго я ломал голову над тем, что же значит это гадское «Ж».

У Кейта отвисла челюсть.

— Это…это не может быть правдой. Вы не можете быть мной.

— О, конечно могу! Правда, я несколько старше. — Он дотронулся до своей гладкой прозрачной головы и снова засмеялся своим хрустальным смехом. — Видишь? Я лысый как колено!

Кейт прищурился.

— Из насколько далёкого будущего вы явились?

— На самом деле, — мягко поправил его Стеклянный, — всё несколько иначе. Мы находимся в моём настоящем. Так что правильный вопрос — из насколько далёкого прошлого прибыл ты сам?

Кейт почувствовал, как начинает кружиться голова.

— Вы хотите сказать… хотите сказать, это не 2094-й?

— Две тысячи девяносто четвёртый кто?

— 2094-й год по земному календарю. 2094 н. э. Две тысячи девяносто четвёртый после рождения Христа.

— Кого? Ах, да, мой счислитель подсказывает. Давай так: я знаю абсолютный номер текущего года с момента создания Вселенной, но… а, вот. В твоей системе летоисчисления сейчас десять миллиардов шестьсот сорок шесть миллионов триста девяносто семь тысяч двести восемьдесят первый год.

Кейт, спотыкаясь, отступил на пару шагов.

— Это вы послали капсулу времени.

— Правильно.

— Как… как я сюда попал?

— В момент прохождения через стяжку я поместил тебя в стазис. Время шло во вселенной, но для тебя оно остановилось. Когда насупил этот год, я отключил стазис. Но не беспокойся. Я собираюсь вернуть тебя, где взял. — Пауза. — Помнишь розовую туманность, которую ты увидел, выйдя из портала? Это всё, что осталось от Солнца.

Глаза Кейта расширились.

— Ничего страшного, — сказал Стеклянный. — Никто не пострадал, когда Солнце стало новой. Всё было организовано в лучшем виде. Видишь ли, звёзды этого типа обычно не взрываются; они медленно угасают, становясь белыми карликами. Но мы любим возвращать вещество в оборот. Мы взорвали Солнце, чтобы его металлы обогатили межзвёздную среду.

Голова кружилась всё сильнее.

— А как… как вы вернёте меня в моё время?

— Через стяжку, разумеется. Перемещения во времени в прошлое отлично отработаны. Вот с будущим всё непросто, почему нам и пришлось поместить тебя в стазис на десять миллиардов лет. По иронии судьбы именно путешествия в будущее, а не в прошлое, приводят к неразрешимым

парадоксам, которые делают их невозможными. Мы вернём тебя в тот самый момент, откуда ты отправился. Не беспокойся о том, что друзья будут тебя искать — сколько бы часов ты ни провёл здесь, любезно отвечая на наши вопросы, на Тау Кита ты прибудешь в запланированные время.

— Невероятно.

Стеклянный пожал плечами.

— Это наука.

— Это магия, — сказал Кейт.

Стеклянный снова пожал плечами.

— То же самое.

— Но… но… если вы — это и правда я, если вы с Земли, то почему напортачили с имитацией?

— Прошу прощения?

— С имитацией Земли. В ней ошибки. Поля, заросшие четырёхлистным клевером — очень редкой мутацией, и птицы, которых я никогда раньше не видел.

— О… — Снова звук эоловых колокольцев. — Виноват. Я воспользовался готовой моделью из очень старых записей, но, возможно, был небрежен. Сейчас, я проверю счислитель… да, точно, моя ошибка. Это была очень хорошая имитация Земли, но Земли на 1,2 миллиона лет старше твоей. То, что тебе показалось неправильным

— детали той эпохи. Кстати, ты и созвездий бы не узнал, если бы я дал наступить ночи.

— Боже мой, — сказал Кейт. — Я даже и не подумал об эволюции. Если вы на десять миллиардов лет старше меня, то… то вам лет больше, чем на Земле существует жизнь.

Стеклянный кивнул.

— К твоему времени жизнь существовала на Земле в течение четырёх миллиардов лет. Но сейчас существуют жизненные формы земного происхождения, которые являются продуктом четырнадцати миллиардов лет эволюции. Ты не поверишь, во что превратились маргаритки, или морские анемоны, или бактерия коклюша. Я, кстати, пару дней назад обедал с одним потомком этой бактерии.

— Шутите?

— Нисколько.

— Но ведь это невероятно…

— Вовсе нет. Это просто время. Очень-очень-очень много времени.

— А что с людьми? Люди по-прежнему могут размножаться, иметь детей? Или это прекратилось, когда… когда было открыто продление жизни?

— Нет, человечество продолжает эволюцио-

нировать и видоизменяться. Новые люди — те, что эволюционировали в течение последних десяти миллиардов лет — редко пересекаются со старыми людьми вроде меня. Они теперь… совсем другие.

— Но если вы — это я, почему вы изменились? Я имею в виду, ведь вы прозрачный.

Стеклянный пожал плечами.

— Технологии. Плоть и кровь изнашиваются; этот материал гораздо лучше. Я ведь могу перестраивать себя, как хочу. Сейчас в моде прозрачность, но я считаю, что капелька аквамарина — это весьма стильно. А ты как думаешь?

Глава XVI

Рисса, Хек и остальные члены команды первого контакта продолжали обмениваться сообщениями с темнянином, которого они прозвали Кошачий Глаз. Общение оживлялось по мере того, как в словарную базу данных добавлялись новые слова, и уточнялось значение старых. Когда Кейт в следующий раз появился на мостике, Рисса обсуждала с гигантским существом что-то на первый взгляд довольно философское. Вахту нес обычный состав смены «альфа», только место менеджера внешних операций пустовало: Ромбус удалился по какому-то делу, передав свои функции дельфину, плававшему в бассейне в правой части мостика.

— Мы не знали о вашем существовании, — говорила Рисса в микрофон, торчащий на ножке из её консоли. — Мы знали, что существует большое количество невидимого вещества по его гравитационному воздействию, но не знали что оно живое.

— Два вида вещества, — отвечал темнянин с французским акцентом, который ФАНТОМ вы-

брал для их расы.

— Да, — сказала Рисса. Она подняла голову и помахала рукой Кейту, который усаживался на своё место.

— Реагирует слабее, — сказал Кошачий Глаз. — Только гравитация так же.

— Правильно, — ответила Рисса. Голосфера показывала увеличенное изображение Кошачьего Глаза, как будто он висел в пространстве прямо перед консолями.

— Большинство как мы, — сказал темнянин.

— Большая часть материи как вы, да, — ответила Рисса.

— Игнорировали вас.

— Вы игнорировали нас?

— Незначительные.

— Вы знали, что часть вещества нашего типа живая?

— Нет. Не думали смотреть *на* планетах. Так малы вы.

— Мы хотим взаимодействовать с вами.

— Взаимодействовать?

— К взаимной выгоде. Один плюс один равняется двум. Вы плюс мы равняется больше двух.

— Понятно. Больше чем сумма частей.

Рисса улыбнулась.

— Точно!

— Взаимодействие осмысленно.

— У вас есть слово для тех, кто находится во взаимовыгодном взаимодействии?

— Друзья, — сказал темнянин; ФАНТОМ догадался перевести новое слово без подсказки. — Мы их зовём друзья.

— Мы — друзья, — сказала Рисса.

— Да.

— Тип материи, из которого вы, который мы называем тёмная материя — она живая вся?

— Нет. Только крошечная часть.

— Но вы сказали, что живая тёмная материя существует очень давно.

— С начала.

— С начала чего?

— С начала… всех звёзд вместе.

— Суммы всего? Мы называем это «Вселенная».

— С начала Вселенной.

— Это интересно, — вмешался Яг. — Идея о том, что Вселенная имеет начало. То есть, это так, разумеется, но откуда им это известно? Спросите их.

— Какая была Вселенная в самом начале? — спросила Рисса.

— Сжатая, — ответил Кошачий Глаз. — Меньше самого малого. Только место, без времени.

— Первичный атом, — сказал Яг. — Восхитительно. Всё верно, но мне интересно, как существа вроде них могли об этом узнать.

— Они общаются с помощью радио, — вмешалась Лианна, поворачиваясь к ним вместе с консолью внутренних операций. — Вероятно, они догадались обо всём так же, как и мы — анализируя реликтовое излучение и красное смещение далёких галактик.

Яг хрюкнул. Рисса продолжила диалог:

— Вы сказали, что ни вы лично, Кошачий Глаз, ни эта группа темнян не живет так долго. Откуда вы знаете, что темнянская жизнь существовала с самого начала?

— Должна была, — ответил темнянин.

— Философия, — презрительно хрюкнул Яг. — Не наука. Они хотят, чтобы мы просто поверили.

— Мы не существуем так долго, — сказала Рисса в микрофон. — У нас нет доказательств существования жизни нашего типа более чем четыре миллиона лет назад. — ФАНТОМ сам преобразовывал человеческие единицы времени в нечто, понятное темнянам.

— Как уже сказано, вы незначительны.

Яг залаял, обращаясь к ФАНТОМУ:

— Запрос: как был получен перевод для поня-

тия «незначительный»?

— Математически, — ответил компьютер через ушные импланты каждому на соответствующем языке. — Мы установили, что разница между 3,7 и 4,0 «значительна», но разница между 3,99 и 4,00 «незначительна».

Яг посмотрел на Риссу.

— В другом контексте это понятие может иметь другое значение. Это может быть какая-нибудь метафора: к примеру, «незначительный» может означать «пришедший поздно».

Тор оглянулся на валдахуда через плечо и ухмыльнулся.

— Что, не нравится, когда отвергают не глядя?

— Ни к чему острить, человек, — ответил Яг. — Просто мы должны быть осторожнее с генерализацией значений чужих слов. К тому же, возможно, он имеет в виду сигнальный зонд. В нём всего пять метров, это и правда не слишком значительно.

Рисса кивнула и снова взялась за микрофон.

— Когда говорите «незначительный», имеете в виду наш размер?

— Не размер говорящей части. Не размер части, испустившей говорящую часть.

— Вот тебе и маскировка, — осклабился Тор.

— Он знает, что сигнальный зонд запущен с корабля.

Рисса закрыла микрофон рукой; ФАНТОМ заметил этот жест и на время прервал передачу.

— Я думаю, это уже неважно, — сказала она. — Потом убрала руку с микрофона и снова заговорила, обращаясь к Кошачьему Глазу.

— Мы незначительны, потому что существуем не так долго, как вы?

— Не вопрос относительного времени; вопрос абсолютного времени. Мы были с начала; вы — нет. По определению мы значительны, вы — нет. Очевидно.

— Ну, не знаю, не знаю, — добродушно заметил Кейт. — Хорошие парни никогда не первые, они просто лучше.

Рисса закрыла микрофон и посмотрела на него.

— Тем не менее я считаю, что мы должны избегать философии, пока не познакомимся поближе. Не хочу случайно нанести им непростительное оскорбление.

Кейт кивнул. Рисса снова заговорила в микрофон:

— Есть ли другие сообщества темнян?

— Миллиарды сообществ.

— Вы с ними общаетесь?

— Да.

— Ваши радиосигналы не слишком мощны, а их частота близка к частоте фонового излучения. На большом расстоянии их не слышно.

— Верно.

— Тогда как вы общаетесь с другими сообществами темнян?

— Радио-один для местного разговора. Радио-два для разговора с другими сообществами.

Лианна обернулась к Риссе.

— Он говорит то, что я думаю? Что темняне — натуральные излучатели гиперпространственных волн?

— Сейчас узнаем, — ответила Рисса и снова обратилась к микрофону. — Радио-один движется с такой же скоростью, что и свет, верно?

— Да.

— Радио-два движется быстрее света, верно?

— Да.

— Боже, — сказал Кейт, — если у них есть гиперволновое радио, почему мы никогда не ловили их передач?

— Существует бесконечное количество квантовых уровней, на которых может вестись гиперпередача, — ответила Лианна. — Ни одна из рас

Содружества не пользуется гиперрадио дольше пятидесяти лет, и всё Содружество использует от силы восемь тысяч квантовых уровней; вполне вероятно, что мы просто никогда не слушали те, на которых вещают темняне. — Она снова поглядела на Риссу. — Наша технология гипервещания требует огромных энергозатрат. Было бы полезно обсудить это тему детальнее. Возможно, они знают менее энергоёмкий метод.

Рисса кивнула.

— Мы тоже пользуемся разновидностью радио-два. Вы расскажете нам, как работает ваше?

— Расскажем всё, — ответил Кошачий Глаз. — Но рассказывать не много. Мы думаем так, и мысль внутри. Думаем иначе, и мысль передаётся по радио-один. Думаем третьим, более трудным способом, и мысль передается по радио-два.

Кейт рассмеялся.

— Это как спросить человека , как работает речь. Мы просто делаем так, и всё. Это…

— Прошу прощения что прерываю, доктор Лансинг, — вмешался ФАНТОМ, — но вы просили напомнить вам и доктору Сервантес о запланированной на 14:00 встрече.

Лицо Кейта окаменело.

— Чёрт, — сказал он тихо. — Чёрт, — повторил

он и повернулся к Риссе. — Пора.

Она кивнула.

— ФАНТОМ, пожалуйста, вызови сюда доктора Хека, он продолжит диалог с Кошачьим Глазом.

Как только появился Хек, Кейт и Рисса встали со своих мест и покинули мостик.

* * *

Кейт и Рисса вышли из лифта и проделали короткий путь по коридору до огромных черных ворот с гигантскими оранжевыми цифрами «20», нанесёнными флуоресцентной краской. Запорные стержни отъехали в сторону. Производимый ими шум показался Кейту смутно знакомым, и через некоторое время он догадался: с точно таким же звуком перезаряжалось ружьё в старых фильмах-вестернах.

Большинство дверей на корабле имело две створки, которые разъезжались в стороны, но эта сдвинулась влево целиком — по соображениям безопасности ворота причального ангара не должны иметь швов и других слабых мест.

Рисса ахнула; Кейт почувствовал, что у него упала челюсть.

В ангаре было около сотни ибов, выстроенных аккуратными рядами — словно парковка, запол-

ненная инвалидными колясками.

— ФАНТОМ, сколько их здесь? — тихо спросил Кейт.

— Двести девять, сэр, — ответил компьютер. — Все интегрированные биосущности, находящиеся на корабле.

Рисса слабо качнула головой.

— Она же сказала, что придут только самые близкие друзья.

— Карета — весьма приятная личность, — сказал Кейт, входя в помещение. — Должно быть, все ибы на корабле считали её близким другом.

Кроме них, присутствовало ещё шестеро людей, все из Риссиного отдела биологических исследований. Был также один валдахуд, которого Кейт не знал. Кейт глянул на часы: 13:59:47. Без сомнения, то, что должно сейчас произойти, начнётся вовремя.

— Спасибо за то, что вы пришли, — произнёс голос Кареты в ушном импланте. Её было легко заметить — только на её сенсорной сети сверкали огни. Это было слегка жутковато. Перевод от ФАНТОМА поступал только в левое ухо, правое не слышало ничего. И ничего бы не услышало, даже заговори все ибы разом.

Карета находилась в пятнадцати метрах от

места, где стояли Рисса и Кейт. ФАНТОМ проецировал на внешние шлюзовые ворота огромную голограмму Кареты, чтобы всем ибам было хорошо видно её сенсорную сеть. Что-то в нём было не так — волокна сети светились ярко-зелёным. Кейт никогда раньше не видел такого цвета на сенсорной сети иба.

Он повернулся к Риссе, но на, должно быть, предугадала его вопрос.

— Это означает состояние глубокого эмоционального переживания, — пояснила она. — Карета потрясена демонстрацией поддержки, оказанной ей её народом.

Сеть Кареты снова замигала.

— Целое и части — одного, и всех сразу. Составляющие резонируют на макро уровне и на микро. Это обязывает.

Очевидно, Карета обращалась к собратьям-ибам. Кейту показалось, что он улавливает её мысль — что-то о том, что быть частью ибовского сообщества для неё значит так же много, как самой быть сообществом своих составных частей. Кейт гордился своим умением понимать инопланетян, несмотря на свои свары с Ягом. Но происходящее казалось ему каким-то нереальным; умом он сознавал, что пришёл сюда

смотреть, как кто-то другой умирает, но чувства, которые он должен был при этом испытывать, ещё не пробились на поверхность. У Риссы же был такой вид, будто она вот-вот заплачет. Кейт внезапно осознал, что они с Каретой были ближе, чем он думал.

— Путь чист, — закончила свою речь Карета. Она отъехала на несколько десятков метров от остальных, в центр ангара.

— Зачем она это делает? — прошептал Кейт.

Рисса пожала плечами, но ФАНТОМ ответил им обоим через импланты:

— Во время развоплощения компоненты, особенно колёса, могут запаниковать и попытаться присоединиться к первому же ибу, которого заметят. Поэтому обычай требует удалиться ото всех, чтобы если такое произойдёт, у остальных было время среагировать.

Кейт молча кивнул.

А потому всё началось. В середине ангара был установлен стандартный ибовский холмик для отдыха. Карета въехала на него так, чтобы бугорки подпирали раму. Её сеть, видимая на проецируемой ФАНТОМом гигантской голограмме, полностью окрасилась в фиолетовый — ещё один цвет, которого Кейт ни разу не видел у ибов.

Светлые точки в узлах сенсорной сети становились ярче и ярче — звёздное небо, где каждая звезда становится новой. Затем, один за другим, все огоньки погасли. Процесс угасания занял, должно быть, пару минут.

Рама Кареты наклонилась вперёд, и её сенсорная сеть сползла на пол ангара и осталась лежать неопрятной грудой. Кейт подумал, что сеть, должно быть, уже мертва, но тут она вдруг резко вздулась, словно в неё снизу ударил кулак. Волокна сети теперь утратили всякий цвет, и она выглядела как обычная рыболовная сеть из толстого нейлона.

Через пару секунд она окончательно затихла и осела. Карета теперь была слепа и глуха. (Вообще-то ибы также могут ощущать магнитные поля, но когда они покидают родную планету, это чувство у них подавляется с помощью нанохирургии — на борту космического корабля магнитная перцепция приводит к серьёзной дезориентации.)

Затем её колёса отделились от своих осей на раме. Само по себе отделение колёс не было чем-то необычным. Система, с помощью которой питательные вещества попадали из осей в колёса, не могла обеспечить их достаточным питанием, так что в естественных условиях они периодически

отделялись от остального организма для кормёжки. В этом случае на боковых сторонах колёс появляются толстые усики, похожие на щупальца-манипуляторы ибовской фасции, которые не дают колесу упасть (или поднимают его, если падение всё-таки произошло).

Практически сразу после отделения левое колесо попыталось вновь соединиться с рамой. Как ФАНТОМ и предупреждал, оно впало в панику, обнаружив, что по всей окружности оси появились небольшие пупырышки, не дающие ему снова на неё надеться. Оно покатилось по ангару, быстро вытягивая и втягивая свои боковые отростки. У колёс есть собственные визуальные сенсоры, и как только оно заметило огромное скопление ибов, оно бросилось прямиком к ближайшему из них. Тот крутанулся на месте, уклоняясь, а другой — Кейт вспомнил его имя — Мотылёк, единственный ибовский доктор на корабле — бросился вперёд с вытянутым щупальцем, на конце которого поблёскивал серебристо-чёрный медицинский парализатор. Парализатор коснулся колеса, и оно застыло. Несколько секунд оно стояло вертикально, потом похожие на корневища боковые отростки обмякли, и колесо завалилось набок.

Кейт снова посмотрел в центр ангара. Фасция Кареты соскользнула на пол, упав рядом с мертвой сенсорной сетью. Щупальца потянулись к раме, отделили синюю помпу от зелёного кокона и бережно опустили её на пол. Кейт видел, как центральное отверстие помпы проходит свой обычный четырёхтактный цикл открывания, растяжения, сжатия и закрывания. Примерно через сорок секунд пульсации отверстия потеряли чёткость, и цикл начал искажаться — помпа перестала понимать, что она делает. Движения отверстия стали беспорядочными — открытие, потом сразу сокращение; попытки растянуться после закрытия. Послышался тихий сдавленный хрип — единственный звук во всём ангаре. Наконец, помпа перестала двигаться.

От Кареты остался один кокон, лежащий на седловидной раме.

— Сколько живёт кокон без помпы? — шёпотом спросил Кейт Риссу.

Рисса повернулась к нему; её глаза были мокры от слёз. Она несколько раз моргнула, прогоняя слезу.

— Минуту, — ответила она, наконец. — Может, две.

Кейт потянулся к ней и взял её за руку.

В течение трёх минут всё было неподвижно. Кокон угас тихо, без звука или движения — хотя ибы, по-видимому, как-то узнали о том, что всё закончилось, и по одному, по двое начали покидать ангар. Их сенсорные сети были темны — никто не произнёс ни слова. Кейт и Рисса ушли последними. Кейт знал, что Мотылёк вскоре вернётся позаботиться о том, чтобы останки Кареты были выброшены в космос.

Когда они шли по коридору, Кейт думал о будущем. Ему, по-видимому, предстояло жить долго, очень долго. И ему было интересно, удастся ли ему через миллиарды лет избежать ошибок собственного прошлого.

* * *

В ту ночь он, разумеется, не мог заснуть. Смерть Кареты расстроила Риссу, а он сражался с собственными демонами. Они лежали рядом без сна, Рисса смотрела в потолок, а Кейт пялился на крошечное красное пятнышко в том месте, где свет пробивался из-под куска пластика, которым он загородил часы.

Потом Рисса заговорила. Всего одно слово:

— Если…

Кейт перевернулся на спину.

— Что?

Она некоторое время молчала. Кейт уже готов был ткнуть её в бок, но тут она сказала, очень тихо:

— Если ты забыл, как пишется *и* или *у*, то помнишь ли ты меня? Помнишь ли нас? — Она перевернулась на бок лицом к нему. — Ты проживёшь десять миллиардов лет. Я никак не могу этого осознать.

— Это… невообразимо, — сказал Кейт, покачав лежащей на подушке головой. Он тоже немного помолчал, потом сказал: — Люди всегда фантазировали о вечной жизни. Почему-то «вечная жизнь» звучит не так пугающе, как конкретный срок. Я могу размышлять о бессмертии, но вообразить, что я буду жив в течение следующих десяти миллиардов лет… Это просто в голове не укладывается.

— Десять миллиардов лет, — повторила Рисса, качая головой. — Солнце давно умрёт. Земля давно умрёт. — Удар сердца. — Я умру.

— Может, да, а может, нет. Если это и правда продление жизни, то оно определённо связано с твоими исследованиями на «Старплексе». В конце концов, иначе как бы я оказался в числе участников? Может быть, через десять миллиар-

дов лет мы оба живы?

Снова молчание.

— И вместе? — спросила, наконец, Рисса.

Кейт шумно вздохнул.

— Я не знаю. Не могу даже вообразить. — Он немедленно понял, что говорит не то. — Но… если у меня такое долгое будущее, то я хотел бы провести его рядом с тобой.

— Правда? — сразу переспросила Рисса. — А нам останется что делать вместе, что узнать друг о друге, после всех этих миллиардов лет?

— Может быть… может быть, это существование не во плоти, — сказал Кейт. — Может, наше сознание пересажено в машины. Помнишь, на Новом Нью-Йорке была секта, которая занималась как раз этим — копированием человеческого мозга в компьютер? Или может… может, человечество стало одним гигантским мозгом, но не поглотившим отдельные сознания полностью. Это было бы…

— Это было бы не так страшно, как концепция индивидуального существования в течение десяти миллиардов лет. Если ты ещё не посчитал, это означает, что сейчас твой возраст составляет одну двестимиллионную от твоего возраста тогда. — Она замолчала и тяжело вздохнула.

— Что? — спросил Кейт.

— Ничего.

— Нет, ты чем-то расстроена.

Рисса молчала ещё десять секунд.

— Ну, я к тому, что и твой нынешний кризис среднего возраста пережить непросто. Представляю, что ты будешь вытворять, когда тебе стукнет пять миллиардов.

Кейт не знал что сказать. В конце концов, он решил обратить всё в шутку и рассмеялся. Смех прозвучал вымученно и неискренне.

Снова тишина — настолько долгая, что он подумал, что она, наконец, заснула. Но сам он не мог спать. Не с этими мыслями, роящимися в голове.

— Дульсинея? — тихо прошептал он. Так тихо, что если бы она и правда спала, это бы её не разбудило.

— Гмм-м-м?

Кейт сглотнул. Может, не стоит касаться этих материй, но…

— Скоро наш юбилей.

— На следующей неделе, — произнёс её голос во тьме.

— Да, — сказал Кейт. — Будет двадцать лет, и…

— Двадцать *замечательных* лет, дорогой. О годах брака — только с этим эпитетом.

Кейт снова засмеялся — и снова фальшиво.

— Прости, ты права. Двадцать замечательных лет. — Он помолчал. — Я знаю, что мы планировали обновить в этот день брачную клятву.

— И что? — в голосе Риссы прорезалась обеспокоенность.

— Ничего. Нет, забудь, что я про это говорил. Это *действительно* были замечательные двадцать лет, ведь правда?

Кейт едва различал её лицо в темноте. Она кивнула, затем посмотрела ему прямо в глаза, пытаясь заглянуть за них, увидеть правду, увидеть, что его гложет. А потом её осенило, и она перевернулась на другой бок, отвернувшись от него.

— Ладно, — произнесла она после паузы.

— Что? — не понял Кейт.

И она, наконец, произнесла вслух слова, которые безмолвно стояли между ними в ту ночь.

— Ладно, — повторила она, — можешь не говорить «пока смерть нас не разлучит».

* * *

Кейт сидел за своей рабочей консолью на мостике. Голограммы трёх людей и дельфина парили над краем его пульта. Боковым зрением он заметил, как отворилась дверь, и на мостик впе-

ревалку взошёл Яг. Валдахуд, однако, направился не к своему рабочему месту. Вместо этого он встал перед Кейтом и стал ждать, явно нервничая, пока он завершит совещаться с голографическими головами. Когда они отключились, Кейт посмотрел на Яга.

— Как вы знаете, темняне пришли в движение, — сказал Яг. — Я искренне удивлён их подвижностью. По-видимому, они работают совместно, каждая сфера так складывает свои силы притяжения и отталкивания с остальными, что в результате всё сообщество движется в одну сторону. Так вот, в процессе они меняются местами, так что те темняне, которых раньше мы не могли наблюдать, сейчас находятся на периферии группы. Я сделал предположение относительно того, кто из темнян начнёт делиться следующим, и хочу проверить свою догадку. Для этого мне требуется переместить «Старплекс» по другую сторону от темнян.

— ФАНТОМ, схему окрестностей, пожалуйста, — сказал Кейт.

Голографическая схема повисла в воздухе между Кейтом и Ягом. Темняне переместились по другую сторону от зелёной звезды, так что «Старплекс», стяжка, звезда и сообщество темнян

теперь располагались практически на одной линии.

— Если мы переместимся на дальний край области темнян, мы потеряем из вида стяжку, — сказал Кейт. — Можем пропустить ватсон. Вы не можете ограничиться запуском зонда?

— Мои предсказания базируются на очень тщательных расчетах концентраций массы. Для наблюдений мне понадобятся телескопы на первой или семидесятой палубе.

Кейт задумался.

— Хорошо. — Он щелкнул клавишей у себя на пульте, и голограммы Тора и Ромбуса выскочили ниоткуда. — Ромбус, свяжитесь со всеми, кто занимается внешним сканированием. Выясните, в какое ближайшее время мы сможем переместить корабль, не прерывая их работы. Тор, выполните перемещение на другую сторону сообщества темнян в точку с координатами, которые вам сообщит Яг.

— Выполняю с величайшим удовольствием, — ответил Ромбус.

— Сделаем в лучшем виде, — ответил Тор.

Яг двинул головой вперёд и назад, имитируя человеческий жест. Валдахуды никогда не говорят «спасибо», но Кейту почему-то показалось,

что чёртов свин безмерно доволен.

Глава XVII

На мостике было тихо; шесть консолей спокойно парили в голографической ночи. Было 5:00 по корабельному времени — у смены «дельта» пошёл последний час вахты.

За директорской консолью находился иб по имени Фужер; посты внутреннего менеджера и навигатора также занимали ибы. Консоль физического отдела была переключена на дельфина по имени Дынезуб, отдел биологии представлял валдахуд, а женщина по имени Денна Ван Хаузен занимала консоль внешних операций.

С невидимого потолка спускалась решётка силовых завес, создающих между консолями миллиметровые прослойки вакуума, сквозь которые не проникали звуки. Иб за консолью внутренних операций совещался с миниатюрными голограммами трёх других ибов и трёх валдахудских голов. Женщина за консолью внешних операций читала роман на экране одного из своих мониторов.

Внезапно все акустические завесы отключились, и зазвучала сирена тревоги.

— Приближается неопознанный корабль, —

объявил ФАНТОМ.

— Вон там,— воскликнула ванн Хаузен, указывая на зелёную звезду. — Только что появился из-за фотосферы. — ФАНТОМ обозначил неизвестный корабль маленьким красным треугольником; сам корабль на таком расстоянии был неразличим глазом.

— Есть шансы, что это ватсон? — спросил Фужер; в его британском произношении слышались отзвуки кокни.

— Никаких, — ответила ванн Хаузен. — Он слишком большой даже для пилотируемого зонда.

Сенсорная сеть Фужера осветилась.

— Давайте взглянем на него, — сказал он. Иб за навигаторской консолью повернул корабль так, чтобы оптический телескоп на семидесятой палубе был направлен на незваного гостя. На голосфере возникла квадратная рамка, в которой появилось увеличенное изображение. Приближающийся корабль был с одной стороны подсвечен зелёной звездой. Вторая половина оставалась тёмной и угадывалась лишь по отсутствию закрытых ею звёзд.

— Похоже на валдахудскую модель, — сказал Фужер, обращаясь к Креэту, валдахуду справа от

него. — Центральная подвеска движка. Нет?

Валдахуды считали, что каждый корабль, равно как здание или машина, должен быть уникальным; они не занимались серийным производством по одному и тому же образцу. Креэт пожал всеми четырьмя плечами.

— Возможно.

— Денна, есть ли сигнал транспондера? — спросил Фужер.

— Если и есть, — ответила она, — то он теряется в радиошумах звезды.

— Пожалуйста попытайтесь связаться с кораблём.

— Передаю, — ответила Денна. — Но до него двадцать миллионов километров; ответ придёт только через шесть минут, если… о боже!

Второй корабль появился из-за лимба зелёной звезды. Он был сравним по размеру с первым, но очертания имел другие, более угловатые. Однако характерная для валдахудских моделей центральная подвеска была ясно видна.

— Лучше вызовите Кейта, — сказал Фужер.

Огни пробежали по сети иба за консолью внутренних операций.

— Директора Лансинга вызывают на мостик!

— Пытайтесь связаться и со вторым кораблём,

— сказал Фужер.

— Уже, — ответила Ван Хаузен. — И… Господи! Пытаюсь связаться и с третьим тоже. — Ещё один корабль — наполовину изумрудное сияние отражённого света звезды, наполовину чёрное ничто — выскочил из-за диска звезды. Через секунду к ним присоединились четвёртый и пятый.

— Да это какая-то армада, — сказала Ван Хаузен.

— Валдахудов корабли несомненно есть, — сказал Дынезуб из своего бассейна на левом краю мостика. — Спектр выхлопа характерный крайне.

— Но что пять… нет, шесть… *восемь* валдахудских кораблей могут здесь делать? — спросил Фужер. — Денна, куда они направляются?

— Они на параболической орбите вокруг звезды, — ответила Денна. — Сложно сказать, куда они хотят попасть, но текущее положение «Старплекса» находится в восьми градусах от их вероятной траектории.

— К нам они летят, — сказал Дынезуб. — Должны мы…

В голограмме возникла дыра, и через неё на мостик вошёл Кейт — небритый и всклокоченный спросонок.

— Прошу прощения за ранний подъём, — сказал ему Фужер, откатываясь от директорской консоли, — но у нас гости.

Кейт кивнул ибу и дождался, пока из пола поднимется поликресло, которое на ходу принимало человеческую конфигурацию. Он уселся.

— Пытались связаться? — спросил он.

— Да, — ответила Денна. — Ответ будет самое раннее через сорок восемь секунд.

— Корабли валдахудские? — спросил Кейт, поднимая консоль на привычную для себя высоту.

— Весьма вероятно, — ответил Фужер, — хотя, конечно, валдахудские суда продаются по всему Содружеству, так что лететь на них может кто угодно.

Кейт помассировал глаза пальцами.

— Как такая прорва кораблей могла появиться здесь без нашего ведома?

— Должно быть, они прошли стяжку, когда она была закрыта от нас звездой, — объяснил Фужер.

— Чёрт, точно, — сказал Кейт. Он сверился со списком вахтенных. — Семафор, вызовите Яга.

Иб за консолью внутренних операций забарабанил по пульту щупальцами, затем доложил:

— Номер Яга переключен на голосовую почту. Сейчас у него период сна.

— Аннулируйте, — приказал Кейт. — Доставьте его сюда немедленно. Денна, есть ответ от кораблей?

— Нет.

Кейт глянул на светящиеся цифровые часы, парящие на фоне звёздного неба.

— Вахта всё равно почти закончилась, — сказал он. — Вызывайте смену «альфа» на посты.

— Смена «альфа», немедленно явиться на мостик, — объявил Семафор по громкой связи. — Лианна Карендоттир, Торальд Магнор, Ромбус, Яг, Кларисса Сервантес, пожалуйста, немедленно поднимитесь на мостик.

— Спасибо, — сказал Кейт. — Денна, откройте общий канал для связи со всеми приближающимися кораблями.

— Выполнено.

— Говорит Ж. К. Лансинг, директор исследовательского судна Содружества «Старплекс». Назовите цель вашего визита.

— Передаю, — сказала Денна. — Они заметно приблизились; если они дадут себе труд ответить на ваше сообщение, мы их услышим примерно через три минуты.

В участке голосферы, демонстрирующем увеличенное изображение приближающегося корабля,

открылась дверь. Вошёл Яг, его нерасчёсанная шерсть торчала во все стороны.

— Что случилось? — спросил он.

— Возможно, ничего, — сказал Кейт, — но восемь валдахудских кораблей приближаются к «Старплексу». Вы знаете, что им нужно?

Четыре плеча поднялись и упали.

— Без малейшего понятия.

— Они не отвечают на вызовы, и…

— Я сказал, что не имею ни малейшего понятия. — Яг повернулся лицом к участку голосферы, через который вошёл. Все четыре глаза задвигались независимо, каждый осматривал свой корабль.

— Какого типа эти корабли? — спросил Кейт. — Разведчики?

— По размеру подходят, — ответил Яг.

— Сколько на них может быть экипажа?

— Я не разбираюсь в космических кораблях, — сказал Яг.

Кейт посмотрел на валдахуда на посту представителя отдела биологии.

— Вы — Креэт, правильно? Ответьте — какой у этих кораблей может быть экипаж?

— Возможно, шестеро, — ответил Креэт. — Вряд ли больше.

Двое из трёх дверей мостика открылись одно-

временно. Через одну вошёл Торальд Магнор, через другую — Рисса. Иб и валдахуд оставили свои посты навигатора и представителя биологов..

— Восемь кораблей приближаются к «Старплексу», — объяснил им Кейт. Рисса кивнула.

— ФАНТОМ всё рассказал, пока мы добиралась. Однако никакие корабли не должны проникать в новый сектор, пока мы не дадим добро. — Она стояла у своей консоли, ожидая, пока настроится поликресло.

— Может быть, они попали сюда случайно, — сказал Тор, переключая что-то у себя на пульте, пока система подготавливала кресло. — Когда новая стяжка входит в строй, допустимые конусы входа для остальных сужаются. Возможно, они были небрежны в вычислениях.

— Один пилот может совершить ошибку, — сказал Кейт. — Но не восемь сразу.

— Время прохождения сигнала истекло, — доложила Денна. — Если бы они хотели ответить на наш вызов, они бы уже это сделали. — Секундой позже вошёл Ромбус; он подъехал к своему месту, но не стал прерывать Денну.

— Тор, если я прикажу убираться отсюда, — спросил Кейт, — мы сможем оторваться от этих

кораблей?

Тор пожал плечами.

— Сомневаюсь. Они отрезали нас от стяжки, так что мы не можем уйти через неё. И видите медиальные кольца вокруг двигательной подвески? Так выглядят валдахудские гипердвигатели класса «Гатоб». Конечно, никто не сможет уйти в гипер так близко от зелёной звезды, но если мы попытаемся бежать и доберёмся до пространства, достаточно плоского для гиперпривода, они нас настигнут в две секунды.

Кейт нахмурился.

— Корабли расходятся веером, — доложил Тор. — Я бы сказал, что они выстраиваются для атаки.

— *Атаки?* — переспросил Ромбус, замигав сенсорной сетью в ритме недоверия.

— Получено сообщение, — доложила Денна.

Ещё одну часть голосферы окружила рамка, и внутри неё появилось лицо валдахуда, обрамлённое коричневым с медным отливом мехом.

— Лансингу, командующему «Старплекса», — произнёс голос автопереводчика. — Я Гавст. Хорошо запомните моё имя — Гавст. — Кейт кивнул — для валдахуда-самца известность — самое главное в жизни. — Мы должны отконвоировать

«Старплекс» назад через стяжку. Вы сдадите…

— Сколько до них идёт сигнал? — спросил Кейт.

— …корабль нам.

Денна сверилась с монитором.

— Сорок три секунды.

— Сотрудничайте, — продолжал Гавст, — и судну и экипажу не будет причинено вреда.

— Тор, мы можем приблизиться к стяжке будто бы по одной траектории, но в последний момент изменить направление так, чтобы выйти не там, где им нужно?

Тор покачал головой.

— На их мелких корабликах такое получилось бы, но у «Старплекса» объём три миллиона кубометров. Я не могу на нём делать пируэты.

— Сколько им ещё до нас лететь?

— Они идут на 0,1 с, — ответил Тор. — Будут здесь через меньше чем через двадцать минут.

— Лансинг Гавсту: «Старплекс» — собственность Содружества. Требование отклонено. Конец связи. Ромбус, дайте мне знать, когда сообщение до них дойдёт. — На мостик вошла Лианна Карендоттир. — Народ, какие у нас варианты?

— Вариант первый, — сказала Лианна, усаживаясь в своё кресло. — Отступить. Чем дальше

мы от стяжки, тем меньше у них шансов нас в неё загнать.

— Верно. Тор, давайте…

— Прошу простить вмешательство, Кейт, — сказал Ромбус. — Ваше сообщение получено.

— Отлично. Тор, давайте убираться отсюда. Толкатели на полную мощность.

— Буду уходить под углом, — сказал Тор. — Мы же не хотим входить в область тёмной материи. В беге с препятствиями у мелких маневренных кораблей преимущество.

— Хорошо, — сказал Кейт. — Ромбус, посмотрите, сможем ли мы отправить ватсон с бортовым журналом на Тау Кита. Хочу предупредить премьера Кеньятту.

— Выполняю. Однако на то, чтобы отсюда добраться до стяжки, потребуется почти час, и… простите — сообщение от Гавста.

— Лансинг, — сказал Гавст, — «Старплекс» был построен на Реболло и приписан к Реболло и поэтому является валдахудской собственностью. Давайте не будем создавать друг другу проблем. Как только корабль вернётся на Реболло, экипаж будет отпущен и репатриирован.

— Ответить, — приказал Кейт. — Строительство «Старплекса» финансировалось всеми членами

Содружества, его приписка к Реболло формальна; каждый корабль должен иметь порт приписки. Ваше требование отклонено. В случае необходимости корабль будет защищаться против неправомерного захвата. Конец сообщения.

— Защищаться? — сказал Тор, качая головой. — Кейт, корабль не вооружён.

— Я знаю, — ответил Кейт. — Диана, приготовьте полный перечень бортового оборудования, которое можно использовать как оружие. Я хочу знать обо всём, что может излучать, испускать пучки частиц, метать объекты или взрываться.

— Уже работаю, — ответила Лианна и склонилась над клавиатурой.

— «Старплекс» не приспособлен для высшего пилотажа, — сказал Тор, обращаясь к голограмме Кейта у себя на консоли. — По сравнению с валдахудами у нас подвижность как у бегемота во время гона.

— Значит, вынудим их сражаться на наших условиях, — сказал Кейт. — Будем оборонять «Старплекс» с кораблей-зондов. — Он взглянул на список, который Лианна вывела ему на третий монитор: геологические буровые лазеры, шахтёрская взрывчатка, катапульты для запуска зондов. — Лианна, вместе с Ромбусом организуйте

погрузку как можно большего количества этого оборудования на пять самых скоростных кораблей-разведчиков. Я хочу, чтобы через пятнадцать минут всё было на борту. И неважно, сколько чего вы поломаете в процессе.

Денна Ван Хаузен наконец смогла покинуть консоль внешних операций, и Ромбус занял её место. Щупальца плясали над пультом, а сенсорная сеть накрыла его наполовину для лучшего контакта с элементами управления.

— Даже если мы успеем состряпать для них вооружение, — сказал Тор, — наши скауты не смогут обогнать настоящие боевые корабли.

— Я не собираюсь их обгонять, — ответил Кейт. — «Старплекс», может, и валдахудской сборки, но корабли-разведчики — нет.

— Предположим, они не захотят стрелять по ибовским кораблям, — сказал Тор, — но…

— Нет, я не об этом, — прервал его Кейт. — В отличие от атакующих кораблей наши сконструированы не валдахудскими инженерами.

— А-а… и у них нет пилотов-дельфинов, — догадался Тор.

— Точно. ФАНТОМ, канал связи со следующими адресатами: Длиннорыл, Тонколаст, Куцехвост, Косоглаз, Полосатик. — Объёмные изображения

дельфиньих голов начали появляться над пультом Кейта.

— Я здесь.

— Что случилось?

— Тонколаст на связи.

— Да, Кейт?

— Привет.

— Нас собираются атаковать валдахудские корабли, — объявил им Кейт. — Наши корабли-разведчики более маневренны — если их пилотируют дельфины. Это опасно, так что каждый может отказаться. Кто готов…

— Корабль теперь — родной океан. Мы защитим!

— Если нужно, помогу я.

— Готов помочь.

— О'кей.

— Я… да, я это сделаю.

— Отлично, — сказал Кейт. — Выдвигайтесь в причальную зону. Ромбус назначит каждому его судно.

Тор посмотрел на голограмму Кейта у себя на консоли.

— Наши корабли, несомненно, более маневренны, но у дельфинов никакого опыта в обращении с оружием. На каждый корабль нам нужен стре-

лок.

Сенсорная сеть Ромбуса вспыхнула.

— Если мы задействуем оружие, погибнут разумные существа.

— Мы не можем просто поднять руки сдаться, не оказав сопротивления, — сказал Тор.

— Лучше сдать корабль, — настаивал Ромбус.

— Нет, — сказал Кейт. — Сдаваться я отказываюсь.

— Но убивать…

— Никого не надо убивать, — сказал Кейт. — Мы можем стрелять по двигательным подвескам, чтобы сделать их корабли неуправляемыми, не нарушая герметичности обитаемых отсеков. А что касается стрелков — мы все здесь учёные и дипломаты. — Он на мгновение задумался. — ФАНТОМ, проанализируй личные дела. Назови пятерых наиболее перспективных стрелков.

— Анализирую… Готово. Вонг, Вай-жен. Смит-Тэйт, Хелена. Леэд Джелиско эм-Лайт. Сервантес, Кларисса. Даск Хонибо эм-Калш.

— Рисса?.. — беззвучно прошептал Кейт.

— Если надо стрелять из геологических лазеров, — сказал Тор, — то почему не Снежинка? Она главный геолог.

— Мы, ибы, не умеем целиться, — объяснил

Ромбус. — Для прицеливания полезно смотреть только на цель.

— ФАНТОМ, — сказал Кейт, — найди для валдахудов замену из других рас и открой для меня канал связи со всеми одновременно.

— Сделано. Канал открыт.

— Это директор Лансинг. ФАНТОМ отобрал вас как обладающих наилучшими способностями и подготовкой для управления импровизированными системами вооружения на пилотируемых дельфинами кораблях-зондах. Я не могу вам приказывать, но нам нужны добровольцы. Вы согласны?

Второй ряд голографических голов появился над изображениями дельфинов.

— Боже мой, я… да, я согласна.

— Рассчитывайте на меня.

— Не уверена, что подхожу, но… согласна.

— Без вопросов.

Рисса подошла и встала рядом с мужем.

— Сделаю что смогу, — сказала она.

Кейт посмотрел на неё.

— Рисса…

— Не волнуйся, дорогой. Я прослежу, чтоб ты прожил все те миллиарды лет.

Кейт коснулся её руки.

— Ромбус, назначьте каждого на корабль. ФАНТОМ, доставь их к кораблям как можно скорее.

— Выполняю.

— Хорошо поработали, — сказал Кейт. Он наклонился вперёд и упёрся лицом в сложенные «домиком» пальцы.

— Чёрт тебя дери! — вскрикнул Тор. На его дисплее распускался крошечный цветок взрыва. — Они сбили наш ватсон.

— Яг, проанализируйте использованное оружие, — сказал Кейт. — По крайней мере, узнаем, чем они вооружены.

Яг взглянул на квадратный экран монитор.

— Стандартные валдахудские полицейские лазеры, — сказал он. Однако потом поднялся со своего места и сделал знак Дынезубу, который выполнял его функции в смене «дельта», после чего нажал несколько клавиш. — Переключаю функции представителя физического отдела на дельфинью станцию номер один, — объявил он и повернулся к Кейту. — Возможно… возможно мне не следует принимать участие. Гавст не произнёс имени королевы Тратх, из чего следует, что он и его сообщники действуют без королевского одобрения, в попытке заработать значительную

славу. Однако, они всё же валдахуды. Думаю, мне следует вернуться в своё жилище.

— Не так шустро, Яг, — сказал Кейт, поднимаясь на ноги. Он взглянул на Лиану. — Сколько времени до запуска?

— Десять, возможно, одиннадцать минут, — ответила она. Кейт снова повернулся к Ягу.

— Вы заставили меня передвинуть «Старплекс» так, чтобы мы не могли видеть, как валдахуды концентрируют силы за зелёной звездой.

— Отрицаю, — ответил Яг, заложив за спину обе пары рук.

— Вы не лояльны народу валдахудов?

— Я лоялен королеве Тратх, но нет никаких свидетельств того, что она одобрила попытку захвата корабля…

— Лианна, сколько ватсонов Яг получил за последние два дня?

— Проверяю. Три. Два из ГАОС….

— Которая расположена за пределами валдахудской системы, — сказал Кейт.

— А третий — коммерческий от коммуникационной компании на Реболло.

— Он содержал новости личного характера, — сказал Яг, — касательно болезни одного из членов семьи.

— Лианна, проверьте этот ватсон, — сказал Кейт. — Я хочу просмотреть сообщения, которые он нёс.

— После загрузки данных, которые я хотел сохранить, — сказал Яг, — я вернул ватсон для повторного использования. Стерев данные, разумеется.

— Наверняка можно восстановить хоть что-то, — сказал Кейт. — Лианна?

— Проверяю, — ответила она, и секундой позже: — Да, ватсоны, которые приходили Ягу, всё ещё на борту. У нас своих больше сотни, так что те три всё ещё на складе. — Она нажала несколько кнопок. — Я проверила все три; они пусты.

— Ничего не восстановить?

— Нет. Область данных стёрта и перезаписана случайными данными. Ничего не осталось.

— Я всегда пользуюсь процедурой удаления седьмого уровня, — сказал Яг.

— Это на два уровня выше, чем земной военный стандарт.

— Это делает вещи чище, — сказал Яг. — Вы часто делали замечания относительно моего пристрастия к чистоте.

— Это всё чушь собачья, — сказал Кейт. — Я не верю, что вы попросили меня передвинуть

корабль по чистому совпадению. Вадлахуды не смогли бы напасть все разом, если бы были вынуждены проходить стяжку по одному.

— Я вам говорю, это на самом деле совпадение, — сказал Яг.

Кейт повернулся к консоли внутренних операций.

— Лианна, немедленно аннулируйте все командные полномочия Яга Кандаро эм-Пелш. И прекратите все работы, им инициированные.

Щелканье клавиш.

— Выполняю, — ответила Лианна.

— У вас нет на это права, — сказал Яг.

— Подайте на меня в суд, — ответил Кейт, снова поворачиваясь к нему. — Я всегда выступал против того, чтобы хоть какая-то часть «Старплекса» следовала земным военным образцам, но тогда у нас был бы хотя бы карцер, чтобы вас там запереть. — Он повернулся лицом к камерам наблюдения ФАНТОМА, плавающим в воздухе над галереей для посетителей. — ФАНТОМ, запись нового протокола. Название: «домашний арест». Лицо, уполномоченное вводить: Ж. К. Лансинг. Лицам, находящимся под домашним арестом, запрещён доступ во все рабочие помещения. Им запрещено пользоваться оборудованием внеш-

ней связи и отдавать ФАНТОМу приказы выше четвёртого бытового уровня. Всё понятно?

— Да. Протокол создан.

— Запись в бортовой журнал: Яг Кандаро эм-Пелш находится под домашним арестом, начиная с текущего момента — 07:52 — и до тех пор, пока я лично не отменю арест.

— Принято.

— Теперь вы можете покинуть мостик, — сказал Кейт Ягу, тщательно следя за голосом.

Яг снова заложил за спину обе пары рук.

— Не думаю, что у вас есть право выставлять меня с мостика.

— Вы только что хотели уйти, — сказал Кейт. — Конечно, в тот момент у вас ещё хватало полномочий, чтобы запустить челнок и присоединиться к армаде.

Ромбус покинул консоль внешних операций и подкатился к директорскому месту. По его сети бегали огни, а её волокна налились жёлтым — цветом ярости.

— Я поддерживаю Кейта, — произнёс голос с холодными британскими интонациями. — Вы разрушаете всё, над чем мы работали. Покиньте мостик добровольно, Яг, или я вас выведу.

— Вы этого не сделаете. Нападение на разумное

существо противоречит кодексу поведения.

Ромбус медленно, словно асфальтовый каток, начал накатываться на Яга.

— Давайте проверим, — сказал он.

Какую-то секунду Яг демонстративно оставался на месте. Робмус ещё немного продвинулся вперёд; кварцевая окантовка его колёс поблескивала в звёздном свете, льющемся с голосферы. Тонкие щупальца Ромбуса были подняты над фасцией и пронзали воздух, словно разъярённые змеи. В конце концов Яг не выдержал. Звёздное небо позади него раскрылось, и он вышел вон. Дверь захлопнулась.

Кейт кивком поблагодарил Ромбуса и сказал:

— Тор, статус по валдахудским кораблям.

Торальд Магнор оглянулся через плечо.

— Если предположить, что у них нет ничего лучше стандартных полицейских лазеров, они выйдут на огневой рубеж через три минуты.

— Сколько до запуска наших кораблей?

Ромбус промигал ответ, возвращаясь к своему месту:

— Два готовы стартовать; остальные три будут готовы через четыре минуты.

— Я хочу запустить все пять одновременно. Через двести сорок секунд они должны быть

снаружи.

— Выполняю.

— Мы всё ещё в меньшинстве, пять к восьми, — напомнил Тор.

Кейт нахмурился.

— Я знаю, однако у нас только пять кораблей, приспособленных для пилотирования дельфинами. Ромбус, как только наши корабли покинут причалы, дайте полную мощность на силовые щиты. Глушите двигатели; всю энергию на щиты.

— Выполняю.

— Лианна, — сказал Кейт, — нужно послать на Тау Кита ещё один ватсон. Запустите его катапультой. Он должен достичь стяжки по инерционной орбите, не задействуя собственную тягу.

— Но тогда ватсон доберётся до стяжки не раньше, чем через три дня, — сказал Лианна.

— Я понимаю. Рассчитайте траекторию. Сколько времени до запуска кораблей?

— Две с половиной минуты, — ответил Ромбус.

Кейт кивнул и нажатием кнопки включил вокруг своего места звуконепроницаемый силовой экран, отрезав себя от внешних шумов.

— ФАНТОМ, — сказал он, — разыщи все статьи,

принадлежащие Гафу Кандаро эм-Веэлу и связанным с ним учёным, особенно те, которые никогда не переводились с валдахудского.

— Ищу. Готово.

— Покажи названия и абстракты в английском переводе.

Кейт быстро просмотрел открывшийся перед ним список.

— Загрузи в память ватсона номера два, девятнадцать и… и двадцать один тоже можно. Всё зашифруй; пароль «Кассабян». — Он продиктовал пароль по буквам. — Запиши нижеследующее и добавь в ватсон как незашифрованное сообщение.

> Кейт Лансинг Валентине Ильяновой, управляющему, Новый Пекин.
>
> Вэл, мы подверглись нападению валдахудских кораблей, и я не буду удивлён, если они вскорости нападут и на вас. Мне удалось узнать, что существует теоретическая возможность уничтожить стяжку путём разглаживания пространства вокруг неё, препятствуя её заякориванию в обычном пространстве. Если валдахудский флот вторжения будет одолевать,

возможно, вы захотите уничтожить вашу стяжку. Тем самым вы, разумеется, изолируете сектор Солнце/Эпсилон Индейца/Эпсилон Эридана от остальной галактики и лишите валдахудский флот возможности отступить. Поэтому крепко подумайте, прежде чем сделать это. Детали процедуры можно извлечь из приложенных статей. Я их зашифровал. Пароль — фамилия старушки, которую мы вместе выдумали на Новом Нью-Йорке много лет назад. Конец сообщения.

— Выполнено, — сказал ФАНТОМ.

Кейт щёлкнул клавишей. Купол приватности отключился.

— Лианна, запускайте ватсон, — сказал он.

— Выполняю.

Кейт смотрел, как крошечная жестянка ватсона улетает прочь от «Старплекса». Его сердце встревожено колотилось. Если Валентина решит прибегнуть к такому средству, то будет ещё одно последствие, которое Кейт не озвучил: он и Рисса и все остальные земляне на борту «Старплекса» никогда не вернутся домой.

— Предстартовая готовность, — объявил Ром-

бус. — Пять. Четыре. Три. Два. Один. «Вжик» пошёл. Три. Два. Один. «Бутлегер» пошёл. Три. Два. Один. «Марк Гарно» пошёл. Три. Два. Один. «Дактертх» пошёл. Три. Два. Один. «Великий поход» пошёл.

Термоядерный выхлоп десяти спаренных двигателей осветил голосферу, когда пять кораблей-зондов разлетелись от центрального диска «Старплекса». Атакующие валдахудские корабли уже приблизились настолько, что были видны непосредственно, а не в виде цветных маркеров.

— Силовые щиты на максимуме, — доложил Ромбус.

— Открыть отверстия в щите для посылки следующего сообщения по шифрованному лазерному каналу на каждый из кораблей, — приказал Кейт. — Никто не должен открывать огня, пока валдахуды не начнут стрелять. Возможно, демонстрации силы окажется достаточно, чтобы они отступили.

— Они уже поджарили наш ватсон, — напомнил Тор.

Кейт кивнул.

— Но если дело дойдёт до стрельбы по разумным существам, мы в этом не будем первыми.

— Получено сообщение, — сказала Лианна.

— Покажите.

Появилось лицо Гавста.

— Последний шанс, Лансинг. Сдайте «Старплекс».

— Не отвечайте, — сказал Кейт. Он взглянул на один из своих мониторов. «Старплекс» всё ещё направлял один из своих торцевых телескопов на зелёную звезду и приближающиеся штурмовики.

— Корабль Гавста идёт первым, — сказал Тор. — Остальные семь держатся примерно в девяти тысячах километров позади.

— Спокойно, народ, — сказал Кейт. — Спокойно.

— Он стреляет! — крикнул Тор. — Прямое попадание в силовой щит. Повреждений нет.

— Сколько времени мы сможем отражать его лазеры? — спросил Кейт.

— Ещё четыре, может быть, пять выстрелов, — ответила Лианна.

— Остальные валдахуды подтягиваются, пытаются нас окружить, — сказал Тор.

— Наши зонды могут атаковать? — спросил Ромбус. Кейт молчал. — Директор, наши зонды могу атаковать?

— Я… я не думал, что Гавст станет стрелять.

— Они занимают равноудалённые позиции вокруг нас, — сказал Тор. — Если все восемь кораблей выстрелят в нас одновременно на одной и той же длине волны, они перегрузят щиты. Нам будет некуда отводить энергию.

Голограммы пилотов-дельфинов и их стрелков парили над консолью Кейта.

— Давай я сниму ближайшего, — предложила Рисса с борта «Бутлегера», пилотируемого Длиннорылом.

Кейт на секунду прикрыл глаза. Когда он их открыл, пришла решимость.

— Приступай.

— Стреляю по двигательной подвеске, — сказала Рисса.

ФАНТОМ нарисовал на голосфере красную линию, изображающую невидимый луч геологического лазера, протянувшийся от носа «Бутлегера» к валдахудскому кораблю. Луч вспорол двигатель вдоль корпуса, и язык плазмы выплеснулся прочь от корабля.

— Есть! — объявила Рисса с улыбкой триумфатора. — Кто бы мог подумать, что от игры в дартс может быть какая-то польза.

— Гавст снова стреляет в «Старплекс», — сказал Тор. — И один из оставшихся кораблей идёт на

перехват «Бутлегера».

— Длиннорыл, убирайтесь оттуда, — сказал Кейт. «Бутлегер» сделал сальто назад, словно выпрыгивающий из воды дельфин, и завершил манёвр с включённым лазером, направленным на преследующий корабль, который шарахнулся в сторону, уходя с траектории луча.

— На корабле Гавста два лазера, на правом и левом борту, — сказал Тор. — Оба стреляют по нашему длинноволновому радиотелескопу. А он здорово придумал — использует чашу телескопа для фокусировки лучей на инструментальном кластере.

— Раскачайте корабль, — приказал Кейт. — Стряхните его.

Звёзды на голосфере начали метаться туда-сюда.

— Не отстаёт, — сказал Тор. — Держу пари… да, он это сделал. Даже с полным экранированием сквозь щиты пропускают какое-то количество излучения, а чаша телескопа их фокусирует. Он уничтожил сенсорный массив на семидесятой палубе, и…

«Старплекс» содрогнулся. Кейт перепугался; его корабль ещё *никогда* так не трясло.

— Оставшиеся семь валдахудов стреляют в нас

по очереди, — сказал Тор.

— Кейт зондам: атакуйте валдахудов. Заставьте их прекратить атаку на корабль.

— Перегрузка щитов через шестьдесят секунд, — предупредила Лианна.

На голосфере Кейт видел, как «Вжик» и «Великий поход» ударили по одному из валдахудов. Тот попытался прикрыться от них единственным щитом, продолжая при этом стрелять по «Старплексу», но зонды маневрировали как бешенные, заставляя валдахуда постоянно менять конфигурацию щита. Их удары частично достигали цели.

Зазвучала сирена.

— Коллапс силовых щитов в ближайшее время, — произнёс голос ФАНТОМа.

Внезапно один из валдахудских кораблей беззвучно взорвался: «Марк Гарно» отвлёкся от обстрела своего противника и перенёс огонь на того, которого атаковал «Вжик». У валдахуда не оказалось кормовой защиты. Кейт склонил голову — первая жертва в этом столкновении, и, поскольку лазеры наводились вручную, никто уже не узнает, специально Хелена Смит-Тейт выстрелила по обитаемому модулю, или просто промазала, целясь в двигательную подвеску.

— Двое готовы, шесть осталось, — сказал Тор.

— Коллапс силовых щитов, — объявила Лианна.

Пять дельфиньих кораблей яростно атаковали, беспорядочно паля из лазеров. Голосферу в разных направлениях прочерчивали линии лазерных ударов: красные — сил Содружества, синие — кораблей нападавших.

Внезапно корабль Гавста завращался вокруг продольной оси, словно сверло.

— Какого чёрта он делает? — спросил Кейт.

Это сразу стало понятно, когда ФАНТОМ отобразил линии стрельбы его спаренных лазеров. Вращение корабля создало цилиндр когерентного света, превратив пару лазеров широкоизлучательное орудие. Гавст целил вверх, в нижнюю поверхность центрального диска «Старплекса», за которой располагался один из четырёх главных генераторов корабля.

— Если он всё сделает правильно, — сказал Тор, невольно увлечённый манёвром противника, — то высверлит генератор из корпуса, словно буровой керн.

— Передвиньте корабль! — приказал Кейт.

Звёзды на голосфере поплыли в сторону.

— Выполняю… но зацепился за нас буксировочным полем. Мы…

Корабль снова содрогнулся, и завыла ещё одна сирена. Лиана рывком развернулась к Кейту.

— Повреждение внутренней переборки на сороковой палубе, где днище океанического яруса крепится к осевой шахте. Вода хлещет вдоль шахты на нижние палубы.

— Чёрт! Ибы что-то напортачили, когда заменяли модули?

Сенсорная сеть Ромбуса снова окрасилась желтым цветом гнева; на ней вспыхнули ослепительные точки.

— Прошу прощения? — сухо произнёс он.

Кейт поднял руки.

— Я просто…

— Монтаж был выполнен *безукоризненно*, — сказал Ромбус, — но конструкторы корабля не предполагали, что он будет вести бой.

— Прошу прощения, — сказал Кейт. — Лианна, у нас есть процедура для подобных ситуаций?

— Процедуры нет, — ответила она. — Океанический ярус считался неразрушимым.

— Мы можем удержать воду силовым полем?

— Ненадолго, — сказала Лианна. — Силовых полей, что используются в причальных ангарах хватает, чтобы удерживать воздух под нормальным давлением от расширения в вакуум, но

кубометр воды весит тонну, а такое давление не удержит ни один эмиттер, кроме эмиттеров внешней защиты, но даже если бы Гавст их не сжёг, их невозможно нацелить внутрь корабля.

— Если отключить гравитацию на океаническом ярусе и палубах под ним, то по крайней мере течь прекратится, — предложил Тор.

— Отличная идея, — согласился Кейт. — Лианна, выполняйте.

— Команда отменена системой безопасности, — произнёс ФАНТОМ.

Кейт метнул взгляд на камеру слежения ФАНТОМа.

— Что за…?

— Это из-за ибов, — объяснил Ромбус. — Наша система кровообращения работает под действием силы тяжести; в невесомости мы умрём.

— Чёрт, чёрт! Лианна, сколько надо времени, чтобы перевести всех ибов с палуб с сорок первую по семидесятую на верхние палубы?

— Тридцать четыре минуты.

— Начинайте. И выведите всех дельфинов с океанического яруса. Но велите им дежурить в дыхательных аппаратах на случай, если мы пошлём их на затопленные палубы.

— Если начать эвакуацию с семидесятой палу-

бы, — сказать Тор, — то можно сначала отключить гравитацию там, а потом отключать по одной.

— Погоды не сделает, — возразила Лианна. — К тому времени, как вода дотуда долетит, инерции ей хватит, чтобы лететь дальше и без гравитации.

— Электрику не закоротит? — спросил Кейт.

— Я уже отключила все электрические системы на затопленных палубах.

— Если океан вытечет весь, сколько палуб он затопит? — спросил Тор.

— Все полностью, — ответила Лианна.

— Правда? — удивился Кейт. — Вот чёрт…

— В океане шестьсот восемьдесят шесть тысяч кубометров, — сказала Лианна, уставившись в монитор. — Даже если учесть закупоренное межпалубное пространство, общий объем части корабля под центральным диском всего пятьсот шестьдесят семь тысяч кубов.

— Прошу прощения, по-моему, «Вжику» угрожает опасность, — сказал Ромбус, указывая на участок голосферы. Два валдахуда преследовали зонд «Старплекса», сверкая вспышками лазеров.

Глаза Кейта заметались между голосферой и мониторами на его консоли с информацией о потопе на нижних палубах.

— Погодите, — сказал Ромбус. — «Дактертх» заходит в тыл кораблям, преследующим «Вжика». Он отвлечёт часть их огня на себя.

— Как продвигается эвакуация? — просил Кейт.

— По плану, — ответила Лианна.

— Есть утечка в пространство?

— Нет, только внутренние повреждения.

— Насколько водонепроницаемы внутренние двери?

— Скользящие двери между жилыми помещениями герметизируются, когда закрыты, но они непрочны. Они сконструированы так, чтобы в случае аварии или пожара их можно было сорвать с направляющих ударом ноги. Воду они долго не удержат.

— Какой гений это придумал? — спросил Тор.

— Думаю, тот же, что помогал строить «Титаник», — пробормотал Кейт.

Корабль содрогнулся снова, дёрнувшись вперёд и назад. На голосфере кувыркался цилиндр, вырезанный из центрального диска «Старплекса», в десять палуб толщиной.

— Гавст вырезал наш генератор номер два, — доложила Лианна. — Я эвакуировала эту часть инженерного кольца, как только он начал свер-

лить, так что пострадавших не было. Но если он уничтожит ещё один генератор, корабль не сможет войти в гипер, даже удалившись от звезды на достаточное расстояние.

Внимание Кейта привлекла вспышка на голосфере. «Дактертх» сумел отстрелить двигательную подвеску одного из валдахудов, стрелявших по «Вжику». Подвеска, бешено вращаясь, отлетела в сторону. Поначалу казалось, что она врежется в цилиндрический сегмент, вырезанный из «Старплекса», но потом оказалось, что это лишь видимость.

— А что если спустить воду в космос? — спросил Ромбус.

— Чтобы это сделать, придётся пробить в корпусе ещё одну дыру, — ответила Лианна.

— Где это легче всего сделать? — спросил Кейт.

Лианна проконсультировалась со схемой.

— Задняя стена причального ангара шестнадцать. За ней, разумеется, инженерное кольцо, но как раз в этом месте располагается фильтрационная станция океанического яруса. Другими словами, здесь инженерное кольцо уже наполнено водой до самой стенки причального ангара, так что нужно лишь вырезать дыру, и вода сама пойдёт.

Кейт на мгновение задумался. И тут его озарило.

— О'кей, — сказал он. — Пошлите кого-нибудь в шестнадцатый с геологическим лазером. — Он повернулся к Ромбусу. — Я понимаю, что ибам нужна гравитация, но что если мы отключим искусственное тяготение и вместо этого раскрутим корабль?

— Центробежная сила? — сказала Лианна. — Придётся стоять на стенах.

— Да. Так как?

— Ну, поскольку палубы в сечении крестовидны, то условная сила тяжести будет увеличиваться по мере удаления от осевой шахты.

— Но она же не даст воде стекать вдоль осевой шахты, — сказал Кейт. — Вместо этого её будет прижимать к боковым стенкам океанического яруса. Тор, мы сможем обеспечить такое вращение маневровыми движками?

— Запросто.

Кейт посмотрел на Ромбуса.

— Какая сила тяжести нужна ибам для работы кровообращения?

Ромбус растопырил щупальца.

— Эксперименты показали, что не менее одной восьмой стандартного тяготения.

— Ниже пятьдесят пятой палубы, — сказала Лианна, — мы не сможем обеспечить такой силы тяжести при любой разумной скорости вращения даже на дальнем от оси крае.

— Но это значит, что ибов надо эвакуировать всего с пятнадцати палуб вместо сорока, — сказал Кейт. — Лианна, оповестите всех о том, что мы делаем. Тор, как только ниже пятьдесят пятой не останется ибов, начинайте раскручивать корабль. По достижении нужной скорости вращения вырубайте искусственное тяготение.

— Будет сделано.

— Думаю, следует покинуть помещения на краях палуб. Из-за окон, — сказала Лианна.

— Зачем? — удивился Кейт. — Это прозрачный углеродный композит; он не разобьётся, даже если на нём прыгать.

— Конечно, нет, — согласилась Лианна. — Но окна наклонены под углом 45 градусов из-за скоса внешней стены жилого модуля. Когда внешняя стена превратится в пол, на ней будет тяжело стоять.

Кейт кивнул.

— Разумно. Передайте и эту рекомендацию тоже.

— Выполняю.

Голографическая голова Длиннорыла, парящая над консолью Кейта, вдруг заговорила.

— В загрязнённой воде мы все. Двигатели перегреты.

Кейт кивнул голограмме.

— Делайте всё, что можете; если необходимо, уходите прочь от «Старплекса». Может быть, вас не станут преследовать.

«Старплекс» снова тряхнуло.

— Гавст начать резать центральный диск под генератором номер три, — сказал Ромбус. — А другой корабль режет диск сверху над первым генератором.

— Тор, начинайте раскрутку.

Голограмма звёздного неба начала вращаться. Потом корабль снова дёрнуло.

— Гавста это застало врасплох, — сказал Тор. — Его лазеры полосуют по всему центральному диску.

— Джессика Фонг заняла позицию в причальном ангаре шестнадцать, Кейт, — доложила Лианна.

— Покажите её.

На фоне звёздного неба, от стремительного кружения которого уже начинало мутить, появилась рамка с видом на внутреннее пространство

причального ангара шестнадцать. Посреди него висела одетая в скафандр женщина. Она была привязана тросом к внутренней стене, общей с инженерным кольцом, и трос был туго натянут центробежной силой по направлению к внешним воротам. Пол ангара, испещрённый посадочной разметкой, был в десятке метров от её ног, а потолок с осветительными панелями и направляющими лебёдок — в десятке метров над её головой.

— Открыть канал связи, — сказал Кейт. — Значит так, Джессика. За задней стеной ангара, внутри инженерного кольца, находится заполненная водой фильтрационная станция океанического яруса. С другого края станция открывается прямиком в океан. Просверлите большую дыру в задней стене ангара. Будьте осторожны: как только откроется отверстие, вода хлынет прямо на вас.

— Я понимаю, — ответила Джессика. Она потянулась к своему поясу и начала вытравливать трос. Кейт затаив дыхание следил за тем, как она движется в воздухе через ангар. Она не медлила — трос разматывался со скоростью нескольких метров в секунду. Наконец, она достигла дальней от оси корабля стены причального отсека, сильно приложившись о выгнутые шлюзовые ворота.

На одно жуткое мгновение Кейт подумал, что она потеряла от удара сознание, но она быстро пришла в себя и принялась нацеливать тяжёлый геологический лазер. Ей было тяжело удерживать его неподвижно. Когда она начала стрелять, то первым выстрелом перебила собственный привязной трос; пятнадцать метров нейлона упало на неё, другие пятнадцать взметнулись высоко над головой, словно жёлтый змей. Теперь вращение корабля прижимало её к шлюзовым воротам.

Второй выстрел угодил в распределительную коробку системы освещения. Ангар погрузился в темноту.

— Джессика!

— Я здесь, Кейт. Боже, какая я неуклюжая…

В огороженном участке голосферы теперь была лишь тьма — тьма, в которой разгорелся розовый светлячок, когда луч лазера, наконец, уткнулся в заднюю стену ангара. Кейт смотрел, как раскалённый металл начал размягчаться, оплывать…

А потом…

…рёв воды, бьющей из отверстия, как из пожарного брандспойта. Джессика продолжала работать лазером, вырезая в задней стене огромную квадратную дыру. Прожечь одно отверстие,

сдвинуть луч на сантиметр, прожечь второе, потом третье, четвёртое…

Вспыхнуло аварийное освещение, залив ангар красным светом. Морская вода вырвалась из задней стены потоком, сперва отогнув, а потом и оторвав перфорированный участок стены. Оторванный кусок полетел через ангар, толкаемый водяным гейзером.

Кейт съёжился. У него было полное впечатление того, что фрагмент стены сейчас прихлопнет Джессику, уже измолоченную водяными струями, но она, должно быть, была к этому готова. Позади неё в стену ударило пламя. Она оказалась достаточно предусмотрительна, чтобы надеть скафандр с реактивным ранцем, и теперь полетела вверх и в сторону от падающего куска стены. Ангар заполнялся водой, которая залила шлюзовые ворота и начала подниматься к внутренней стене. Скоро Джессику снова прижало к двери, через которую она вошла.

Когда ангар заполнился, Кейт снова заговорил.

— Хорошо, теперь повернитесь и вырежьте дыру десяти сантиметров в диаметре во внешних шлюзовых воротах. Прижмите эмиттер к самой поверхности, если не хотите вскипятить воду вокруг себя.

— Сейчас, — ответила она; теперь её скафандр превратился в водолазный костюм. Она встала на шлюзовые ворота и упёрла в них серый конус геологического лазера, словно отбойный молоток. Она резала, зажав лазер между колен. Скоро участок шлюзовых ворот засветился вишнёвым, затем раскалился добела, а потом…

* * *

Старплекс вертелся в ночи, словно юла, отбрасывая в пустоту отблески света зелёной звезды.

Пять уцелевших валдахудских кораблей приближались. Двое атаковали сверху и трое снизу, направляясь к кольцу причальных ангаров. Без сомнения, корабль вращался слишком быстро для того, чтобы кто-либо из валдахудских пилотов заметил крошечное пятнышко посреди ворот ангара номер шестнадцать — пятнышко, которое засветилось, запылало и выгорело. И вдруг…

Брызги воды полетели в открытый космос, разбрасываемые быстрым вращением корабля. В космическом вакууме они моментально испарялись, а потом, когда давление паров достигало определённого значения, пары снова конденсировались в жидкость, используя планктон, кристаллики соли и взвешенные в воде частички

минералов как ядра конденсации, а затем, прикрытая от сияния зелёной звезды облаком тёмной материи, вода замерзала, превращаясь в лёд.

В миллионы и миллионы крошечных ледяных дробинок, с большой скоростью разлетающиеся от «Старплекса», разогнанные давлением воды и центробежной силой вращающегося корабля. Бесчисленные сверкающие в ночи бриллианты, переливающиеся в зелёном свете близкой звезды.

Первый валдахудский корабль врезался в облако ледяных кристаллов; он приближался к «Старплексу» и таким образом летел навстречу разлетающимся ледышкам. Первые несколько штук были отражены силовыми экранами корабля, но те были рассчитаны на защиту от отдельных микрометеороидов, а не на постоянную бомбардировку. Затем…

Затем ледяные дробинки вгрызлись в корпус корабля, словно зубы в плоть, и разодрали оболочку обитаемого модуля. Воздух ринулся наружу, застывая в вакууме и присоединяясь к бушующей снаружи метели.

На мостике, Кейт закричал:

— Сейчас, Тор! Раскачайте корабль!

Тор сделал, как приказано. Струя ледяных кри-

сталлов сменила направление и накрыла второй корабль, разодрав его в клочья. Затем взорвался третий — безмолвный огненный цветок на чёрном фоне — когда ледяная шрапнель добралась до его бака с топливом для манёвров в атмосфере.

Тор наклонил корабль в противоположном направлении, и ледяные дробинки устремились к четвёртому кораблю. К этому времени его пилот уже начал противодействие. Они повернул корабль дюзами к «Старплексу» и запустил маршевые двигатели; в пламени выхлопа лёд таял, превращаясь в воду, которая тут же испарялась. Однако пилот другого уцелевшего корабля не ожидал такого манёвра либо был слишком занят спасением собственной жизни, беря курс на стяжку. Он попал под выхлоп своего товарища, и раскалённое белое пламя впилось в корпус его корабля. Он взорвался, и на поле боя осталось лишь двое валдахудов — один из них Гавст.

Расширяющееся кольцо ледяных кристаллов отклонило большинство обломков прочь от «Старплекса», однако валдахудскому экипажу, применившему трюк с маршевым двигателем, повезло меньше. Большой рваный фрагмент корпуса ударил в их корабль и отправил его, потерявший управление, в сторону облака тёмной

материи. Пилот, казалось, смог восстановить контроль над кораблём за несколько миллионов километров от ближайшей газовой сферы, но к тому времени уже оказался захваченным её тяготением. Падение продолжится ещё несколько часов, но кораблю суждено было столкнуться с одним из темнян, а на такой скорости даже то «мягкое» столкновение, что наблюдается между тёмной материей и обычной, разнесёт корабль в пыль.

Корабль Гавста пока был невредим, зацепившись буксировочным полем за нижнюю сторону центрального диска. Достать его там ледяной шрапнелью не было никакой возможности. Конечно, Тор мог продолжать вращать «Старплекс», пока у Гавста не закончится топливо…

— Ой-ой-ой, — так ФАНТОМ перевёл пробежавшие по сенсорной сети Ромбуса огни.

Тор вскинул голову.

— Да чтоб те треснуть, — сказал он.

Из-за лимба зелёной звезды появился ещё один… два… *пять* валдахудских штурмовиков. Гавст оказался достаточно умён, чтобы не бросать в первую атаку все свои силы. Один из новоприбывших был огромен, примерно вдесятеро больше, чем обычные корабли-зонды.

Пять пилотируемых дельфинами кораблей разлетелись, спасаясь от разлетающихся ледышек, но они уже выстраивались в боевой порядок и устремлялись навстречу новой волне атаки, чтобы перехватить её раньше, чем она доберётся до «Старплекса».

И тут…

— Что за чёрт? — закричал Кейт, вцепляясь в подлокотники.

— Господи! — воскликнул Тор. — Господи Иисусе!

Огромное облако тёмной материи пришло в движение, поначалу медленно, но на глазах набирая скорость. Оно скручивалось в комковатые жгуты, зеленоватые на освещённой бродячей звездой стороне, чернильно-чёрные на противоположной. Жгуты удлинялись, пока не вытянулись на миллионы километров — трубы из комического мусора с планетарных размеров сферами, распределёнными по всей их длине, словно костяшки гигантских небесных пальцев.

Корабли «Старплекса» смогли уйти выше или ниже них. Валдахудские же пилоты обнаружили, что их корабли беспорядочно меняют курс, не в силах скомпенсировать тяготение «пальцев». Кейт мог видеть на голосфере, как валдахуд-

ские корабли движутся по пьяным, дрожащим траекториям, сбиваемые с пути сотнями юпитерианских масс, собранных в каждом из жгутов тёмной материи.

«Пальцы» росли с пугающей скоростью. Кейт до сих пор испытывал трудности с осознанием возможности жизни в открытом космосе, но, конечно же, большинство жизненных форм, когда захотят, могут двигаться очень быстро…

Пилоты атакующих валдахудских кораблей осознали, что дела их плохи. Один из них прервал атаку и резко изменил курс. Другой включил тормозные двигатели, их выхлопы горели на голосфере как четвёрка рубиновых искр. Однако темняне продолжали тянуться к ним сквозь ночь длинными толстыми пальцами.

Если бы корабли могли воспользоваться гипердвигателями, они бы спаслись. Но гравитационный колодец зелёной звезды, а также колодцы помельче, создаваемые темнянами, не давали им этого сделать.

Самый быстрый из новоприбывших штурмовиков опережал один из «пальцев» всего на несколько километров. Кейт следил за тем, как разрыв сокращается, и корабль исчезает в круговерти мелких камешков.

Тор вывел на сферу схему, показывающую положение истребителя внутри «пальца» — тот уже не мог тянуться дальше и начал сокращаться, собственным тяготением увлекая валдахудский корабль за собой.

Скоро второе щупальце тёмной материи обволокло ещё один валдахудский корабль. Третий валдахуд отчаянно пытался уйти — Кейт заметил вспышки пиропатронов, отстреливших оружейные подвески, чтобы облегчить судно. Но тёмная материя всё равно настигала его. Тем временем два отростка, что уже захватили корабли, продолжали втягиваться и, что интересно, начали свиваться и изгибаться, словно сделанная из дыма кобра.

Третий малый корабль был, наконец, пойман, и третье серое щупальце начало сокращаться. К большому валдахудскому кораблю подбирались с разных сторон сразу несколько щупалец. Лишь пятый корабль, похоже, был способен уйти, но сердце Кейта беспокойно забилось, когда он увидел, что его преследуют Длиннорыл и Рисса. На мгновение перед глазами возникло лицо сына — всё ещё детское несмотря на девятнадцать лет и бородку. Как он сможет ему сказать, что его мать погибла?

Первые два щупальца уже изогнулись в полукольца, направленные выпуклостью в сторону зелёной звезды. В тот момент, когда большой корабль оказался поглощён двумя слившимися щупальцами, преследовавшими его, жгут тёмной материи, сформировавшийся первым, щёлкнул, словно хлыст. Валдахудский корабль, который он удерживал, ринулся вперёд и вырвался из хватки, беспорядочно кувыркаясь. Кейт видел вспышки двигателей ориентации, но кувыкрание не прекращалось.

С открытым от удивления ртом Кейт следил за тем, как валдахудский корабль устремился прямиком к зелёной звезде.

Он продолжал вращаться вокруг всех осей, пока расстояние между ним и звездой быстро сокращалось. Пилот в конце концов сумел стабилизировать корабль, но он был уже слишком близко от шара огня диаметром полтора миллиона километров. Навстречу кораблю взметнулись протуберанцы, и он обратился в пар в верхних слоях атмосферы звезды.

— Ромбус, — закричал Кейт, — вызовите наши корабли!

— Канал связи открыт.

— Возвращайтесь на «Старплекс»! — приказал

Кейт. — Всем кораблям, немедленно возвращайтесь на «Старплекс»!

Четыре корабля подтвердили приём и повернули назад, но один продолжил преследование цели.

— Рисса! — крикнул Кейт. — Назад!

Внезапно распрямился второй хлыст тёмной материи, и второй валдахудский корабль полетел к зелёной звезде. Голова Кейта разрывалась между страхом за удаляющуюся от «Старплекса» Риссу и ужасом безумного падения на зелёную звезду.

«Бутлегер» приближался к вражескому кораблю по лихо закрученной траектории; выстрелы кормового лазера валдахудского корабля либо проходили мимо, либо отражались силовыми экранами. Впрочем, через какое-то время огонь прекратился; по-видимому, валдахуды на борту были захвачены зрелищем, за которым они, несомненно, тоже следили.

Второй корабль, которым темняне швырнули в зелёную звезду, быстро приближался к ней. Спасательные капсулы брызнули от него в стороны, но мощности их жалких двигателей было недостаточно, чтобы выйти на орбиту вокруг звезды. Должно быть, последним, что валдаху-

ды видели на своих мониторах, были странные гантелевидные солнечные пятна, серо-черные кляксы в море расплавленного нефрита.

«Вжик» и «Дактертх» возвращались на «Старплекс». Разумеется, им пришлось подходить к нему сверху или снизу, чтобы избежать заполненной градинами тороидальной области, окружавшей корабль. Ромбус воспользовался буксировочными лучами, чтобы притянуть их к ровной поверхности центрального диска. Из-за ледяного облака не было никакой возможности завести их в причальный ангар, однако аварийные причальные гнёзда имелись на обоих поверхностях центрального диска.

«Бутлегер» же по-прежнему продолжал преследование.

— Рисса! — кричал Кейт в микрофон. — Ради бога, Рисса, возвращайся!

Внезапно лазер «Бутлегера» выстрелил, и ФАНТОМ педантично изобразил линию выстрела на голографическом дисплее поверх узора созвездий. Прицел Риссы был идеален — лазерный луч аккуратно отделил двигательную подвеску от корабля. Подвеска, кувыркаясь, унеслась в ночь в изумрудном гало истекающего из неё газа. И вдруг…

Подвеска исчезла в ослепительной термоядерной вспышке, затмившей окружающие звёзды. Длиннорыл выполнил отчаянный манёвр, чтобы уклониться от расширяющегося плазменного шара, и лёг на идеально прямой курс к «Старплексу». Лишённый двигателя валдахудский корабль полетел дальше под углом к своей прежней траектории, неспособный маневрировать.

Распрямилось третье щупальце тёмной материи, посылая очередной валдахудский корабль кувырком через всё небо. Когда он пролетал мимо, Кейт разглядел, что несколько сегментов его обшивки намеренно сорваны; очевидно, экипаж предпочел смерть от декомпрессии медленному поджариванию во время падения на звезду.

После этого составной двойной «палец», охвативший большой валдахудский корабль, начал вращаться вокруг своего центра, по ходу дела размазавшись в спиральную фигуру, напоминающую галактику. ФАНТОМ показывал положение корабля, погружённого внутрь одного из спиральных рукавов. Вращение становилось всё быстрее и быстрее, и, наконец, словно атлет-дискобол, тёмная материя выпустила корабль, и он полетел прочь. Большой корабль успел стабилизироваться до того, как врезался в звезду, но когда он

начал менять курс и на фоне зелёной фотосферы стал виден белый факел термоядерного выхлопа, снизу поднялся протуберанец и поглотил его.

— Четыре из пяти кораблей-зондов надёжно закреплены на корпусе, — доложил Ромбус. — «Бутлегер» ожидается через одиннадцать минут.

Кейт с облегчением вздохнул.

— Здорово. Как я понимаю, нижние палубы уже эвакуированы?

— Последний лифт уже на пути наверх, — сказала Лианна. — Прибудет через тридцать секунд.

— Хорошо. Сохраняйте невесомость на нижних палубах, и вода туда больше не польётся. Тор, прекращайте вращение.

— Выполняю.

— Директор, — сказал Ромбус, — Корабль Гавста тоже закрепился на корпусе. Он удерживается на месте буксировочным полем.

Кейт улыбнулся.

— Надо же — военнопленный. — Потом громко объявил: — Благодарю всех за великолепную работу. Тор, Лианна, Ромбус — отлично. — Пауза. — Слава богу, темняне были на нашей стороне. Никогда не вредно дружить с теми, из кого состоит большая часть вселенной, и…

— О Господи!.. — ахнул Тор.

Кейт резко повернулся к нему. Он рано обрадовался — жгуты тёмной материи тянулись теперь к «Старплексу».

— Мы следующие, — сказал Ромбус.

— Но мы на порядок больше валдахудских кораблей, — сказал Тор. — Разве они смогут сбросить нас на звезду?

— Только треть тёмной материи была задействована в атаке на валдахудов, — сказал Ромбус. — Если они пойдут на нас… ФАНТОМ, у них это получится?

— Да.

— Вызовите Кошачий Глаз, — сказал Кейт. — Надо с ним поговорить.

— Ищу незанятую частоту… — сказал Ромбус. — Передаю… Нет ответа.

— Тор, уводите нас отсюда, — приказал Кейт.

— Курс?

Кейт на полсекунды задумался.

— К стяжке. — Но он тут же сообразил, что «пальцы» тёмной материи уже начали перекрывать это направление. — Нет, нет то, — поправился он. — Подведите нас поближе к зелёной звезде с противоположной стороны. ФАНТОМ, приведите сюда Яга.

— Вы приказали не пускать его на мостик, —

напомнил ФАНТОМ.

— Я знаю. Я отдаю новый приказ. Приведите его сюда сию минуту.

Возникла пауза, пока ФАНТОМ разговаривал с Ягом. Потом он доложил:

— Яг уже на пути сюда.

— Что у вас на уме? — спросил Ромбус. Тёмная материя надвигалась на «Старплекс» с трёх сторон, словно хватающая муху ладонь.

— Надеюсь, путь отхода — если он нас не убьёт.

Открывшаяся дверь разорвала звёздное небо, и вошёл Яг. Впервые Кейт разглядел на лице валдахуда что-то похожее на смирение. Яг, по-видимому, наблюдал за космической битвой и видел, как его соотечественников швыряют в изумрудное пламя. И всё же следы его прежних дерзких интонаций слышались в его голосе, когда он подозрительно уставился на Кейта.

— Чего вам надо?

— Мне надо, — ответил Кейт, тщательно следя за голосом, — разогнать «Старплекс» вокруг зелёной звезды и запустить его в сторону стяжки с дальней от неё стороны.

— Ничего себе, — присвистнул Тор.

Яг пробормотал несколько подобных же меж-

дометий на родном языке.

— Это можно сделать? — спросил Кейт. — Это сработает?

— Я… я не знаю, — сказал Яг. — Такой манёвр обычно требует пары часов вычислений.

— У нас нет часов, максимум минуты. Это сработает?

— Я не… Да. Возможно.

— Дынезуб, — сказал Кейт, — верните управление на консоль Яга.

— Выполнено, — ответил дельфин.

Яг скользнул в своё кресло.

— Центральный компьютер, — пролаял он, — вывести траекторию на монитор.

— Команды выше четвёртого бытового уровня не принимаются, — ответил ФАНТОМ.

— Отменить! — приказал Кейт. — Домашний арест Яга отменяется до особого распоряжения.

Запрошенная схема появилась на мониторе. Яг уставился на неё.

— Магнор?

— Да? — ответил Тор.

— У нас есть около десяти минут до того, как нас поглотит. Вы должны будете запустить все наши брюшные толкатели. Подключитесь к моему монитору номер шесть в сенсорном режиме.

Тор нажал кнопки.

— Сделано.

Яг прочертил на схеме своим плоским пальцем широкую дугу.

— Сможете лечь на такой курс?

— В смысле, на ручном?

— Да, на ручном. Нет времени на программирование.

— Я… да, я смогу.

— Выполняйте. Прямо сейчас!

— Директор?

— Сколько времени до стыковки «Бутлегера»?

— Четыре минуты, — ответил Ромбус.

— У нас нет четырёх минут, — сказал Яг.

Кейт повернулся, чтобы заорать на Яга, но сумел сдержаться.

— Варианты? — спросил он, обращаясь ко всем на мостике.

— Я могу подцепить «Бутлегер» буксировочным лучом, — сказал Ромбус. — Мы не сможем принять их на борт до контакта со стяжкой, но по крайней мере подтащим их к ней, так что Длиннорыл, я надеюсь, сможет пройти её самостоятельно.

— Выполняйте. Тор, уводите нас отсюда.

«Старплекс» рванулся почти прямиком к звез-

де.

— Толкатели на максимуме, — доложил Тор.

— Есть ещё одна проблема, которую нужно решить, — сказал Яг, поворачиваясь к Кейту. — У нас хорошие шансы добраться до стяжки, но там нам придётся сразу войти в неё. У нас может не быть времени на торможение и вход под нужным углом, и без разрушенного гиперскопа с семидесятой палубы я не смогу предсказать, где мы выйдем. Мы можем оказаться где угодно.

Пальцы тёмной материи всё ещё тянулись к «Старплексу».

— Через пару минут «где угодно» покажется очень неплохим местом, — сказал Кейт. — Просто уведите нас отсюда.

Корабль понёсся по огибающей звезду траектории. Зелёный шар закрывал половину голосферы, испещрённый грануляцией и похожими на гантели пятнами. На другой половине голосферы жгуты тёмной материи одну за одной закрывали далёкие звёзды.

— Ромбус, вы надёжно зацепили «Бутлегер»?

— До него пока четыреста километров, и тёмная материя начинает вклиниваться, но да, я его удерживаю.

Кейт облегчённо вздохнул.

— Хорошая работа. Удалось установить контакт с Кошачьим Глазом или другими темнянами?

— Они игнорируют наши вызовы, — ответил Ромбус.

— Нам не удастся подойти к звезде так близко, как нам нужно, — сказал Яг. — На океаническом ярусе осталось слишком мало воды для эффективного экранирования, а силовые щиты не работают. Существует тридцатипроцентная вероятность того, что темняне нас достанут.

Кейт ощутил, как сердце забухало в грудную клетку. «Старплекс» продолжал свой параболический облёт звезды, «пальцы» всё ещё тянулись вслед за ним. «Бутлегер» был обозначен на голосфере крошечным квадратиком, а тянущийся к нему буксировочный луч — пульсирующей жёлтой линией. Вдруг звёздное небо поплыло — Тор менял ориентацию корабля для прохода через верхние слои звёздной атмосферы.

Наконец, «Старплекс» прошёл вершину своей параболической траектории и, набрав в ходе гравитационного манёвра огромную скорость, устремился к стяжке. На голосфере ФАНТОМ сделал анимацию буксировочного луча ярче, показывая, что в него закачивается дополнительная энергия. Траектория «Старплекса», который

прошёл на четыреста километров ближе к звезде, существенно отличалась от траектории, по которой полетел бы «Бутлегер», не будь он связан со «Старплексом».

— Две минуты до контакта со стяжкой, — объявил Ромбус.

— Мы никогда не проходили стяжку на такой скорости. Никто не проходил, — сказал Яг. — Лучше пристегнуться, или хотя бы за что-нибудь ухватиться.

— Лианна, передай рекомендацию по громкой связи, — сказал Кейт.

— Всему персоналу, — разнёсся по кораблю усиленный голос Лианы, — приготовиться к возможной болтанке.

Внезапно часть сферического обзора перекрыл большой объект неправильной формы.

— Корабль Гавста, — сказала Лианна. — Он отцепился от корпуса. Видимо, считает, что мы спятили.

— Могу зацепить его ещё одним буксиром, — сказал Ромбус.

Кейт улыбнулся.

— Нет, отпустите его. Если он считает, что с темнянами у него больше шансов, то я не возражаю.

— Восемьдесят секунд, — объявил Ромбус. Из

невидимого пола поднялись оранжевые скобы и зафиксировали его колёса.

— Один точка четыре градуса влево, — приказал Яг. — Не попадаем в стяжку.

— Корректирую.

— Шестьдесят секунд.

— Всем держаться, — сказал Лианна. — Проходим…

Тьма. Невесомость.

— *Да чтоб я сдох!* — Голос Тора.

Собачий лай — Яг что-то сказал. ФАНТОМ молчит.

Мигающие огоньки, единственный свет во всём помещении — что-то говорит Ромбус.

— Отключение питания! — крикнул Тор.

Вспыхнули красные лампочки аварийного освещения, и включилась аварийная гравитация — приоритетная аварийная функция из-за особенностей физиологии ибов. Громкий плеск донёсся с обоих краёв помещения — вода из дельфиньих бассейнов, вздувшаяся в невесомости пузырём, рухнула обратно, забрызгивая всё вокруг.

Мостик больше не окружала голосфера, вместо неё были видны серо-синие пластиформовые стены. Кейт оставался в своём кресле, но Яг лежал

на полу, очевидно, потеряв равновесие во время короткого периода невесомости.

Три консоли переднего ряда — внутренних операций, навигации и внешних операций — снова ожили, заморгав индикаторами. Консоли заднего ряда не считались жизненно важными, и поэтому остались отключены, сберегая энергию батарей.

— Мы потеряли «Бутлегер», — сказал Ромбус. — Он сорвался, когда отключился буксировочный луч.

— Отменить прохождение стяжки, — рявкнул Кейт.

— Уже никак, — ответил Тор. — Летим к ней по инерции.

Кейт закрыл глаза.

— В какую сторону ушёл «Бутлегер»?

— Не могу сказать, пока не заработают сканеры, — ответил Ромбус, — но… в общем, мы тянули его за собой, так что после обрыва он должен был полететь назад, к зелёной звезде…

— Первый генератор перегорел, — доложила Лианна, глядя на мониторы. — Повреждён в бою. Переключаюсь на резервные.

— Реинициализация, — медленно произнёс голос ФАНТОМА. — Подключение.

Включилась голосфера; сначала она целиком

заполнилась белым цветом, потом на ней проступило изображение окружающего космоса: громада зелёной звезды, остальное небо заволокли преследующие «Старплекс» волокна тёмной материи. Кейт тщетно высматривал следы «Бутлегера».

Голос Тора:

— Десять секунд до входа в стяжку. Девять. Восемь.

Голос Лианы поверх него, идущий из динамиков системы оповещения:

— Восстановление питания через шестьдесят секунд. Приготовиться…

— Два. Один. Контакт.

Красные лампы аварийного освещения моргнули. Стяжка распахнулась из неразличимой точки в кольцо фиолетового света, видимого над головой и под ногами.

По кормовую сторону от кольца было знакомое небо с зелёной звездой и волокнами тёмной материи. Но в передней части сферы было почти совершенно тёмное небо. На той скорости, которую набрал «Старплекс», прохождение стяжки заняло всего пару мгновений.

Кейт содрогнулся, когда осознал, что случилось. Огни Ромбуса кружились в узорах изумления.

Лианна издала горлом хриплый вздох. Яг рефлекторно разглаживал мех.

Всё вокруг было черным-черно, за исключением размытого белого овала и трёх светлых пятен поменьше над головой и горсточки более тусклых белых клякс, разбросанных по всему небу.

Они вынырнули в пустоте межгалактического пространства. Белые кляксы на небосводе не были звёздами; то были галактики.

И ни одна из них не была похожа на Млечный Путь.

Глава XVIII

Рисса наблюдала, как «Бутлегер» удаляется от «Старплекса» и чувствовала, как что-то сжимает ей горло.

— Что случилось? — спросила она.

Однако Длиннорыл был слишком занят и не мог ответить. Он вертелся и кувыркался в своём бассейне, пытаясь взять корабль под контроль. Рисса видела, как зелёная звезда растёт на её мониторах, превращаясь в океан изумрудного, малахитового и нефритового пламени.

Она подавила накатившую волну паники и попыталась сама понять, что могло случиться. Кейт никогда не отключил бы буксировочный луч, так что либо его как-то нейтрализовал Гавст, либо на «Старплексе» отключилось питание. В любом случае, их отбросило от материнского корабля в направлении звезды. Сквозь прозрачную стену между её заполненным воздухом отсеком и бассейном Длиннорыла Рисса видела, как дельфин резко и, по-видимому, болезненно выгибает спину так, что голова стукается о противоположную стену, словно пытаясь изменить курс корабля

прямым физическим воздействием.

Рисса снова посмотрела на мониторы, и её сердце пропустило удар. Она увидела, как «Старплекс» прошёл через стяжку — неизвестно куда. Окна по всему его корпусу были темны, подтверждая версию о том, что произошло отключение энергии. Если корабль действительно лишился питания, Рисса надеялась, что стяжка выведет его к Новому Пекину или Плоскону, где он мог бы получить немедленную помощь. Иначе он может оказаться неспособен войти в стяжку, из которой появился, а перебор всех доступных стяжек может затянуться дольше, чем хватит энергии батарей на поддержание аварийного жизнеобеспечения.

У Риссы была всего несколько секунд на размышления о судьбе мужа и коллег; «Бутлегер» продолжал падать к зелёной звезде. Носовой иллюминатор уже был сильно затемнён, пытаясь приглушить свет разверзшегося впереди ада. Длиннорыл всё ещё сражался с облепившими его плавники и хвост датчиками системы управления. Внезапно он сделал сальто, и Рисса увидела, как зелёная звезда сдвигается за пределы носового иллюминатора. Корабль заскрипел; Рисса видела, как тычками носа Длиннорыл отключает

предохранительные системы.

— Акулы! — завопил Длиннорыл. Сначала Рисса подумала, что это просто дельфинье ругательство, но потом увидела, что он имел в виду: по небу расползались волокна тёмной материи; серые сферы внутри вихрей лощёно-кваркового крошева были словно узлы на плетях кошки-девятихвостки[15].

Длиннорыл изогнулся вправо, и в этот раз корабль подчинился. Однако скоро в поле зрения появился гораздо чётче очерченный участок тьмы.

— Корабль Гавста, — пояснил Длиннорыл.

— Чёрт! — сказала Рисса. Она положила руки на рычаги управления геологическим лазером. Она не будет стрелять первой, но…

Рубиновые точки на корпусе Гавста. Рисса положила большой палец на спусковую кнопку.

Длиннорыл, должно быть, заметил её движение.

— Двигатели ориентации, — объяснил он. — Не лазеры. Он тоже пытается спастись от темнян.

Пейзаж за иллюминатором снова сменился,

---

[15] Примечания: 15

Особого вида плеть с девятью хвостами; в средневековой Англии использовалась для наказания провинившихся матросов на гражданских и военных кораблях. *(Прим. перев.)*

когда Длиннорыл изменил курс. Зелёная звезда позади, вражеский корабль по левому борту, темняне справа и выдвигаются сверху и снизу. Оставался единственный возможный курс. Длиннорыл ткнул носом в клавишу.

— К стяжке! — прокричал он своим пронзительным голосом.

Рисса нажала несколько кнопок, и на одном из мониторов возникла гиперпространственная карта, на который был виден вихрь тахионов вокруг точки входа.

— Более манёвренны мы чем «Старплекс», — сказал Длиннорыл. — Назначение можем выбрать.

Рисса на полсекунды задумалась.

— Ты можешь определить, куда отправился Кейт и остальные?

— Нет. Стяжка вращается; могу войти под тем же углом, что они, но нет времени выяснять, попадём ли туда же.

— Тогда… тогда нам надо в Новый Пекин, — сказала Рисса. — «Старплекс» рано или поздно придёт туда для ремонта — если сможет.

Длиннорыл съёжился в своём бассейне, и «Бутлегер» заложил дугу, заходя на стяжку сверху и сзади.

— Контакт на секунде пятой, — объявил он.

Рисса затаила дыхание. На мониторах ничего не было видно. Совсем ничего.

Фиолетовая вспышка.

Другие созвездия.

Массивный чёрный звездолёт.

Звездолёт, ведущий огонь по кораблям Объединённых Наций.

Четыре — нет, пять! — тёмных корпусов кувыркаются в ночи, окружённые облаком замёрзшего газа.

И всё залито кровавым светом недавно появившегося в системе красного карлика.

Перед глазами Риссы на мгновение вспыхнули слова, словно заголовок главы в учебнике истории.

«Разгром при Тау Кита»

Силы валдахудов атаковали земную колонию, захватив единственную стяжку, которой могло пользоваться человечество; гигантский космический крейсер легко одолел крошечные дипломатические суда, обычно размещённые у стяжки.

Гигантский космический крейсер, силовые щиты которого были направлены вперёд, защищая его от огня кораблей ООН.

Гигантский космический крейсер, у которого «Бутлегер» оказался прямо за спиной.

Рисса никогда прежде не убивала, никогда даже не била никого намеренно.

Она потянула за рукоятки прицела своего лазера и налегла на спусковую кнопку.

Здесь не было ФАНТОМА, чтобы нарисовать трассу её луча на экране, а валдахудский корабль был слишком далеко, чтобы разглядеть ползущую по нему красную точку…

Пляшущую по бакам с топливом для толкателей…

Разрезающую их…

Поджигающую топливо…

А затем…

Огненный шар, словно взрыв сверхновой…

Носовой иллюминатор стал полностью непрозрачным…

Длиннорыл изогнулся в своём бассейне, уводя «Бутлегер» от сферы разлетающихся обломков.

Рисса убрала руки с рукояток прицела. Иллюминатор снова обрёл прозрачность. Её начала бить дрожь. Сколько валдахудов может быть на корабле таких размеров? Сотня? Тысяча? Если они собирались вторгнуться в Солнечную систему и напасть на Землю, Марс, Луну, то не меньше

десяти тысяч.

Все мертвы.

Мертвы.

В системе присутствовали и другие валдахудские корабли, но это были крошечные одноместные штурмовики. Громадный чёрный корабль был их базой.

Рисса шумно выдохнула.

— Вы поступили хорошо, — мягко сказал Длиннорыл. — Сделали что должно.

Она не ответила.

Корабли ООН заложили вираж — Новый Пекин был совместной колонией людей и дельфинов — и атаковали уцелевшие валдахудские корабли. «Бутлегер» несколько раз ощутимо тряхнуло, когда он проходил через облако обломков уничтоженного крейсера.

На пульте у Риссы начал пищать сигнал вызова. Она тупо смотрела на горящий красным индикатор — словно капля крови, подумала она — но не могла пошевелиться. Длиннорыл некоторое время смотрел на неё, потом ткнул носом в клавишу у себя в бассейне. Из динамиков раздался женский голос:

— Лив Амундсен, командующий полицейскими силами ООН в системе Тау Кита, вызывает

вспомогательное судно «Старплекса». — Рисса взглянула на свои мониторы. Корабль Амундсен был в трёх световых минутах — отвечать, не дослушав сообщения, не имело смысла. — Мы идентифицировали сигнал вашего транспондера. Спасибо за ваше своевременное появление. Мы понесли тяжёлые потери — больше двух сотен погибших — но вы спасли Новый Пекин. Будьте уверены, я лично нацеплю вам медаль, кто бы вы ни были. Конец сообщения.

Медаль, подумала Рисса. Боже ты мой, за это дают медали.

— Рисса? — позвал Длиннорыл. — Хотите, я…

Рисса замотала головой.

— Нет. Нет. Я сама. — Она нажала кнопку. — Говорит доктор Кларисса Сервантес с борта «Бутлегера»; со мной пилот-дельфин по имени Длиннорыл. «Старплекс» был атакован кораблями валдахудов; ушёл через стяжку в неизвестном направлении, может нуждаться в немедленной постановке в док. Сможете принять?

Она смотрела на медленно дрейфующие звёзды и ждала, пока её слова достигнут корабля Амундсен и оттуда дойдёт ответ. *«Силы валдахудов были отброшены от Тау Кита»,* — говорил учебник истории в её голове. Каков будет следующий абзац?

«Двести землян и жителей колоний погибли»? Дельфины не верят в возмездие, но что, если его потребуют люди? Это останется единичным столкновением, или перерастёт в полномасштабную войну?

— Ответ отрицательный, доктор Сервантес, — пришёл, наконец, ответ Амундсен. — Верфи валдахуды атаковали в первую очередь. — Ну конечно, подумала Рисса. Перл-Харбор, опять. — «Старплексу» лучше попытать счастья на Плосконских верфях. Однако он должен быть осторожен при входе в систему — напоминаю, что из их стяжки недавно появился субгигант класса G. Мы, однако, можем принять для ремонта мелкие корабли вроде вашего.

Рисса оглядела свои мониторы. Бой ещё не вполне завершился. Полицейские корабли всё ещё преследовали несколько валдахудских штурмовиков, хотя многие, похоже, сдались, отстрелив свои двигательные подвески.

— Нам понадобится топливо, — сказала Рисса Длиннорылу. — И движкам надо дать остыть — мы их сильно перегрузили сегодня.

— Хорошо, — ответила она Амундсен. — Идём на базу. — Она кивнула Длиннорылу, и он извернулся в бассейне, двигая корабль. Сердце Риссы

всё не хотело успокаиваться. Она прикрыла глаза и постаралась не думать о том, что она только что совершила.

Глава XIX

— Лианна, оценка повреждений! — потребовал Кейт.

— Готовлю сводку по боевым, от скоростного прохождения стяжки ничего не поломалось.

— Сколько пострадавших?

Лианна наклонила голову, прислушиваясь к поступающим через аудиоимплант сообщениям.

— Погибших нет. Много переломов. Несколько сотрясений. Ничего особо серьёзного. Да, и Джессика Фонг выбралась из шестнадцатого ангара, правда, сломала бедро и руку и сильно исцарапалась.

Кейт кивнул и издал вздох облегчения. Он оглядел голосферу, пытаясь разглядеть какие-нибудь детали в тусклых кляксах, пятнающих чёрную бесконечность.

— Господи, — пробормотал он про себя.

— Все боги, — тихим голосом откликнулся Яг, — сейчас очень и очень далеко отсюда.

Тор повернулся своё кресло лицом к валдаху-ду.

— Мы ведь в межгалактическом пространстве?

Яг поднял верхнюю пару плеч в знак подтверждения.

— Но… я никогда не слышала о настолько далёких доступных выходах, — сказала Лианна.

— Стяжки существуют лишь в течение некоторого конечного времени, — сказал Яг. — Даже гиперпространственный сигнал от внегалактической стяжки мог ещё не добраться ни до одного из миров Содружества.

— Но как стяжка может существовать в межгалактическом пространстве? — спросил Тор. — За что она заякорена?

— Это очень хороший вопрос, — сказал Яг, наклоняя голову, чтобы свериться с показаниями инструментов. — Ага, вот оно. Взгляните на гиперпространственный сканер, Магнор. Примерно в шести световых годах отсюда массивная чёрная дыра.

Тор удивлённо присвистнул.

— Меняю курс. Лучше обойти её десятой дорогой.

— Она представляет для нас опасность? — спросил Кейт.

— Нет, если только я не засну за рулём.

Яг нажал на своём пульте несколько клавиш, и на голосфере появилась ограниченная рамкой

область. Но чернота внутри рамки ничем не отличалась от черноты снаружи.

— Обычно можно разглядеть вокруг чёрной дыры аккреционный диск, — сказал Яг, — но здесь ему не из чего сформироваться. — Он помолчал. — Я думаю, это очень старая чёрная дыра — ей бы понадобились миллиарды лет, чтобы сюда забраться. Подозреваю, что в прошлом она была компонентом двойной системы. Когда больший компонент превратился в сверхновую, присутствие второго могло внести во взрыв асимметрию, в результате которой получившаяся чёрная дыра оказалась выброшена из своей галактики.

— Но что тогда активировало стяжку? — спросила Лианна.

Яг пожал обеими парами плеч.

— Чёрная дыра притягивает любое вещество, которое случится поблизости. Возможно, что-то по пути к дыре случайно наткнулось на стяжку. — Яг пытался говорить непринуждённо, но было очевидно, что даже его произошедшее потрясло. — На самом деле нам очень повезло — стяжки в межгалактическом пространстве, вероятно, так же редки, как грязь без отпечатков ног.

Кейт обернулся к Тору. Он делал усилия, что-

бы заставить свой голос звучать спокойно и ровно. Он — директор; и не важно, что обычно «Старплекс» жил как научная лаборатория, а не древним парусник, он знал, что вся команда теперь смотрит на него и в нём ищет поддержки.

— Как скоро мы сможем снова войти в стяжку? — спросил он. — Как скоро мы сможем забрать «Бутлегера»?

— У нас всё ещё большие проблемы с электричеством, — сказала Лианна. — Я не хотела бы двигать корабль до тех пор, пока мы с ними разберёмся. На это нужно по крайней мере три часа.

— Три часа! Но…

— Я пытаюсь ускорить дело, — сказала Лианна.

— Мы можем послать зонд на помощь Риссе и Длиннорылу? — спросил Кейт.

Помещение на секунду затихло. Потом Ромбус подъехал к командной консоли и тронул Кейта за руку одним из своих щупалец.

— Друг мой, — сказал он; низкую интенсивность свечения его сети ФАНТОМ передал как шёпот, — вы не должны этого делать. Нельзя подвергать опасности ещё один корабль.

Я — директор, подумал Кейт. Я могу делать всё, что посчитаю нужным. Он тряхнул головой, пытаясь совладать с эмоциями. Если что-то случится

с Риссой…

— Вы правы, — ответил он, наконец. — Спасибо. — Он повернулся к Ягу, и почувствовал, как его сердце снова заколотилось. — Я возвращаю вас под домашний арест, вы …

— «Свинья», — договорил за него Яг, отлично сымитировав английское слово. — Давайте, скажите это.

— Моя жена осталась там, возможно, погибла. И Длиннорыл. Что к чертям вы пытались добиться?

— Я ничего не признаю́.

— Ремонт повреждений обойдётся в миллиарды. Содружество выдвинет против вас обвинения, уж будьте уверены.

— Вы никогда не сможете связь между моей просьбой о передвижении «Старплекса» и последующим нападением. Можете поносить меня как хотите, но даже ваше примитивное судопроизводство требует подкреплять обвинения доказательствами. Существа из тёмной материи, за которыми я собирался наблюдать, действительно оставляют необычный гиперпространственный след, любой астроном вам это подтвердит. И они на самом деле были недоступны для наблюдения из той точки, где находился

«Старплекс».

— Вы сказали, что тот темнянин собирается делиться. Ничего такого не было.

— Вас развратила социология, Лансинг. В настоящей науке мы часто получаем результаты, которые опровергают разработанные нами теории.

— Это была уловка…

— Это был эксперимент. Предполагать что-либо иное нет оснований; если вы продолжите обвинять меня публично, я выдвину против вас обвинения в диффамации.

— Ты ублюдок. Если Рисса погибнет…

— Если доктор Лансинг погибнет, я буду скорбеть вместе с вами. Я не желаю ей зла. Но, насколько нам известно, у неё и Длиннорыла были все шансы добраться до стяжки и пройти через неё. Сегодня гибли мои соотечественники, не ваши.

— Он прав, Кейт, — тихо сказала Лианна со своего места. — Мы потеряли оборудование, у нас есть раненные. Но никто на «Старплексе» не погиб.

— За возможным исключением Риссы и Длиннорыла, — огрызнулся Кейт. Потом сделал глубокий вздох и попытался успокоиться. — Это из-за денег, Яг, да? Из всех миров Содружества Реболло

от открытия межзвёздной торговли пострадал больше всех. Вы не сделали двух одинаковых вещей за всю историю…

— Это было бы оскорблением Бога Мастеров…

— Это было бы эффективно, а ваши фабрики и рабочие неэффективны. Так что вы решили пополнить казну, да? Даже разобранный на части, «Старплекс» стоит миллиарды — а ещё целую кучу славы. А если вспыхнет война — так и что ж, маленькая война — отличное дело для оживления экономики.

— Никто в здравом уме не хочет войны, — сказал Яг.

— ФАНТОМ, — сказал Кейт, — Яг снова находится под домашним арестом.

— Принято.

— Возможно, этот акт удовлетворит ваш карающий дух, — пролаял Яг, — но мы всё ещё на научном корабле, и мы впервые оказались в межгалактическом пространстве. Мы должны выяснить наше текущее положение — и я на этом корабле наиболее подходящий специалист для решения этой задачи. Отмените приказ об аресте, прекратите вопить и дайте мне спокойно работать, и я попробую понять, куда нас занесло.

— Босс, — мягко сказал Тор. — Он, в общем-то,

прав. Пусть он нам поможет.

Кейт, дрожа от ярости, помолчал несколько секунд, потом коротко кивнул. Но когда он так ничего больше не сказал, Тор произнёс в пространство:

— ФАНТОМ, отменить домашний арест Яга.

— Отмена требует одобрения директора Лансинга.

Кейт шумно выдохнул.

— Одобряю. Выполняй. Но… ФАНТОМ, отслеживай все команды, которые от него исходят. Если какая-то из них покажется не связанной с задачей определения нашего местоположения, сразу докладывай мне.

— Принято. Домашний арест отменён.

Кейт посмотрел на Тора.

— Куда мы сейчас движемся?

Тор проконсультировался с мониторами.

— Мы всё ещё движемся по модифицированной параболической орбите вокруг зелёной звезды. Разумеется, наша траектория изменилась, когда исчезло её гравитационное воздействие…

— Магнор, — прервал его Яг. — Мне нужно, чтобы вы повернули корабль в соответствии с последовательностью Гафа-Вейфарера. У нас остался только один гиперскоп, а мне нужно

выполнить параллактическое гиперпространственное сканирование всего неба.

Тор нажал несколько клавиш. Голографическая сфера начала выполнять серию вращений вокруг различных осей, но поскольку за исключением нескольких световых пятен она была практически пуста, то её наклоны и вращения не вызывали головокружения. Тор снова обернулся к Кейту.

— Что касается возвращения домой, то эта стяжка в гиперпространстве выглядит как любая другая, которые я видел, нулевой меридиан и всё такое. Исходя из предположения, что чёртова штуковина на миллионах световых лет работает точно так же, я смогу доставить нас к любой активированной стяжке по вашему выбору, как только Лианна разберётся с электроснабжением.

— Хорошо, — сказал Кейт. — Лианна, насколько серьёзные повреждения мы получили в бою?

— Палубы с сорок четвёртой по семидесятую затоплены, — ответила она голове Кейта на своей консоли, — а на всех ниже сорок первой имеются те или иные повреждения от воды. Также все палубы под центральным диском получили большую дозу радиации во время облёта зелёной звезды; я рекомендую объявить всю нижнюю часть непригодной для обитания. — Она помол-

чала. — Команда «Старплекса-2» будет в ярости — мы испоганили оба комплекта нижних жилых модулей.

— Что с силовой защитой?

— Все эмиттеры поля были перегружены, но инженеры их уже ремонтируют; минимальную защиту мы будем иметь уже через час. Собственно, нам повезло, что мы попали в межгалактическое пространство. Шансы поймать здесь микрометеорит исчезающее малы.

— А повреждения, которые нанёс Гавст, вырезая из корпуса генератор номер два?

— Ремонтники уже установили временные переборки вокруг образовавшейся дыры, — сказала Лианна. — Они продержатся, пока мы не встанем в док.

— А остальные генераторы?

— Третий был полностью отрезан от корабельной сети; ремонтники восстанавливают соединения, но я не уверена, хватит ли у нас широкополосного оптического кабеля на складе; возможно, придётся производить недостающий. В любом случае, пока мы его не подключим, главными двигателями пользоваться нельзя. Также, один из валдахудских кораблей начал вырезать генератор номер один. Это его отключение стало

причиной потери питания. С ремонтом этих повреждений проблем не будет.

— Каково состояние причальных зон?

— Шестнадцатый ангар заполнен замёрзшей водой, — сказала Лианна. — Три из пяти участвовавших в бою кораблей также нуждаются в ремонте.

— Но мы всё ещё на ходу? — спросил Кейт.

— Я рекомендую постановку в док примерно на три недели для ремонта, но в целом в ближайшее время нам ничто не угрожает.

Кейт кивнул.

— В таком случае, Тор, как только Лианна даст добро на запуск двигателей, проложите курс, который приведёт нас через стяжку обратно в систему зелёной звезды.

Рыжие брови Тора взметнулись вверх.

— Я знаю, что вы хотите спасти «Бутлегер», но если они остались живы, то Длиннорыл наверняка уже увёл корабль из системы через стяжку.

— Вероятно, так, но я не за этим хочу вернуться. — Он взглянул на Ромбуса. — Вы были правы пару минут назад, мой колёсный друг. Я должен чётко понимать приоритеты. Контакты с иной жизнью — это то, для чего «Старплекс» изначально был задуман и построен. Я не позволю Содружеству

поступить как хлопники и прекратить контакт из-за недоразумения. Я хочу снова поговорить с темнянами.

— Они пытались нас убить, — сказал Тор.

Кейт помахал рукой.

— Нет-нет, я не собираюсь давать им второй шанс запустить нами в зелёную звезду. Можете рассчитать такой маршрут, чтобы мы появились из стяжки, облетели вокруг звезды и снова вернулись к стяжке так, чтобы отправиться на Плоскон 368А?

Тор на секунду задумался.

— Думаю, это возможно. А почему П368А? Почему не Новый Пекин?

— Есть основания полагать, что атака на «Старплекс» не была изолированным событием. Возможно, Новый Пекин сейчас в осаде. Я хочу увести нас на нейтральную территорию. — Пауза. — Так вот, если полетим, как я сказал, темняне смогут нас перехватить?

Тор покачал головой.

— На таких скоростях вряд ли, если только они не ждут в засаде прямо у стяжки.

— Ромбус, — сказал Кейт, — как только Лианна запустит необходимые службы, отправьте зонд к зелёной звезде. На нём должен быть гипер-

пространственный сканер, чтобы обнаружить темнян по оставляемому ими прогибу в пространстве. Он также выполнит широкополосное радиосканирование на случай, если прибыло валдахудское подкрепление. И, — Кейт с трудом заставил голос не дрогнуть, — попытается обнаружить сигнал транспондера «Бутлегера».

— Зонд можно будет запустить не раньше чем через тридцать минут, — сказала Лианна.

Кейт кусал губы и думал о Риссе. Если она умерла, он не сможет смириться с этой потерей и за миллиарды лет. Он смотрел на светящие из бездны пятна галактик. Он даже не знал, в каком направлении смотреть, на чём концентрировать свои мысли. Он чувствовал себя невероятно крошечным, незначительным и немыслимо одиноким. На голосфере не на чем было сфокусировать взгляд — ничего резкого, чётко очерченного, ничего определённого. Просто бездна — разрушающая личность пустота.

Внезапно по левую руку от него раздался странный звук, похожий на собачье покашливание — ФАНТОМ перевёл его как выражение «абсолютного изумления». Кейт повернулся к Ягу, и от его вида у него упала челюсть. Никогда раньше он не видел, чтобы его мех выделывал *такое*.

— В чём дело?

— Я… я знаю, где мы, — сказал Яг.

Кейт смотрел на него.

— Да?

— Вы в курсе, что Млечный Путь и Туманность Андромеды гравитационно связаны с примерно сорока меньшими галактиками?

— Местная система, — сказал Кейт, начиная злиться.

— Именно, — сказал Яг. — В общем, я начал с того, что попытался найти какие-нибудь характерные объекты Местной системы, такие как сверхъяркая звезда S Золотой Рыбы в Большом Магеллановом облаке. Не получилось. Тогда я отсортировал каталог известных внегалактических пульсаров по расстоянию — которое, разумеется, соответствует возрасту — и использовал сигнатуру их пульсаций для идентификации.

— Да, да, — сказал Кейт. — И что?

— И ближайшей к нам галактикой оказалась вот эта вот, — Яг показал на голосфере размытое пятно у себя под ногами. — Отсюда до неё где-то пятьсот тысяч световых лет. Я идентифицировал её как CGC 1008; у неё есть несколько уникальных особенностей.

— Хорошо, — сказал Кейт сухо, — мы в полумил-

лионе световых лет от CGC 1008. Теперь скажите нам, далёким от астрофизики, каково расстояние от CGC 1008 до Млечного Пути?

Звуки Яговой речи стали тише и глуше.

— Мы в шести миллиардах световых лет от дома, — произнёс автопереводчик.

— Шесть… *миллиардов*? — повторил Тор, оборачиваясь к Ягу.

Яг пожал верхней парой плеч.

— Точно так, — сказал он, всё ещё глухим голосом.

— Это… поразительно, — сказал Кейт.

Яг снова пожал верхними плечами.

— Шесть миллиардов световых лет. В шесть тысяч раз больше диаметра Млечного Пути. В двести семьдесят раз больше расстояния от Млечного Пути до Туманности Андромеды. — Он посмотрел на Кейта. — В терминах, понятных вам, далёким от астрофизики — чёртова прорва световых лет.

— Млечный Путь виден отсюда? — спросил Кейт.

Яг развёл руками.

— О да, — сказал он по-прежнему глухо. — Отлично виден. Центральный компьютер, увеличить сектор 112.

Вокруг участка голосферы появилась рамка. Яг

встал со своего места и подошёл к изображению. Некоторое время он всматривался в него, ища ориентиры.

— Вот, — сказал он, указывая пальцем. — Вот это он. А вот тут, рядом с ним — Туманность Андромеды. А вот это M33, третий по величине участник Местной системы.

Огни Ромбуса сложились в узор замешательства.

— Тысяча извинений, но это не может быть правдой, уважаемый Яг. Это не спиральные галактики. Они больше похожи на диски.

— Я не ошибся, — ответил Яг. — Это Млечный Путь. Поскольку мы в шести миллиардах световых лет от него, мы его видим таким, каким он был шесть миллиардов лет назад.

— Вы уверены? — спросил Кейт.

— Абсолютно. После того, как пульсары подсказали мне, куда смотреть, определить, которая галактика Млечный путь, а которая — Туманность Андромеды уже довольно легко. Магеллановы Облака слишком молоды, так что их свет ещё сюда не добрался, но шаровые скопления состоят почти исключительно из очень старых звёзд первого поколения, и я опознал несколько специфических шаровых скоплений и в Млечном Пути,

и в Туманности Андромеды. Да, я уверен — этот простой диск и есть наша родная галактика.

— Но у Млечного Пути спиральные рукава, — сказала Лианна.

Яг обернулся к ней.

— Да, вне всякого сомнения, сегодня у Млечного Пути есть спиральные рукава. И точно так же вне всякого сомнения, как вы сами можете видеть, шесть миллиардов лет назад у него спиральных рукавов не было.

— Как это может быть? — спросил Тор.

— Это, — сказал Яг, — неприятный вопрос. Признаю, я считал, что даже будучи вдвое моложе, чем сейчас, Млечный Путь уже имел спиральные рукава.

— Ну, хорошо, — сказал Кейт. — Значит, спиральные рукава появились где-то в этом промежутке.

— Нет, это не хорошо, — ответил Яг; в звуки его родной речи начала возвращаться всегдашняя сварливость. — На самом деле, в этом никогда не было смысла. У нас никогда не было хорошей модели формирования спиральных рукавов галактик. Большинство моделей строятся на дифференциальном вращении — на том факте, что звёзды поблизости от ядра галактики делают

вокруг него несколько оборотов за то время, как периферия завершает один. Но любой рукав, возникший по этой причине, будет сугубо временным явлением, существующим в течение от силы миллиарда лет. О, мы бы видели, что некоторые галактики спиральные, но не так, чтобы спиральными были три из каждых четырёх. Эллиптических галактик должно быть много больше, чем спиральных, но это не так.

— Очевидно, в теориях где-то ошибка, — сказал Кейт.

Яг пожал верхними плечами.

— В самом деле. Мы, недалёкие от астрофизики, столетиями возились с так называемой «моделью волн уплотнения», чтобы объяснить обилие спиральных галактик. Она постулирует спиралевидные возмущения, распространяющиеся в веществе галактического диска, которые увлекают за собой звёзды — или даже способствуют их образованию — одновременно вращаясь. Но эта теория никогда не была удовлетворительной. Во-первых, она не могла объяснить многообразия спиральных форм, а во-вторых, непонятны были причины, по которым эти воображаемые волны уплотнения могли бы возникать. В качестве причины предлагались взрывы сверхновых, но

сверхновые с равной вероятностью могут и породить долгоживущие возмущения, и погасить влияние друг друга. — Он помолчал. — У нас были и другие проблемы с моделью формирования галактик. Ещё в 1995 году земные астрономы обнаружили, что далёкие галактики, наблюдаемый возраст которых впятеро меньше текущего возраста вселенной, вращаются со скоростями, сравнимыми со скоростью вращения Млечного Пути, тогда как согласно теории в те времена они должны были вращаться вдвое медленнее.

Кейт задумался на секунду.

— Но если то, что мы видим — правда, то спиральные рукава должны как-то сформироваться из простых дисков, так ведь?

Снова пожатие верхних плеч.

— Надо полагать. Землянин Эдвин Хаббл считал, что каждая галактика рождается как простое сферическое скопление звёзд, под влиянием вращения расплющивается в диск, а потом формирует спиральные рукава, которые со временем расходятся всё дальше и дальше друг от друга. Но, хотя теперь у нас есть свидетельства того, что похожая эволюция действительно имеет место, — он махнул рукой в сторону телескопического изображения, — мы по-прежнему не знаем,

почему эта эволюция происходит, и почему спиральные структуры сохраняются надолго.

— Но вы говорили, что две трети всех больших галактик спиральные, — сказала Лианна.

— Ну-у-у, — сказал Яг; ФАНТОМ перевел его шипящий взрык как растянутую гласную, — на самом деле мы не так много знаем о соотношении эллиптических и неэллиптических галактик во вселенной в целом. Очень сложно различить структуру объекта с расстояния в миллиарды световых лет. В ближайших окрестностях мы видим, что спиральных галактик много больше, чем эллиптических, и что спиральные состоят преимущественно из молодых голубых звёзд, тогда как эллиптические — по большей части из старых красных. И поэтому мы предполагаем, что всякая сверхдалёкая галактика, что излучает много голубого света (с поправкой на красное смещение, разумеется) — спиральная, а та, что больше излучает в красном диапазоне — эллиптическая.

— В это невозможно поверить, — сказала Лианна, глядя на изображение. — То есть, так она выглядела шесть миллиардов лет назад, когда ни одной из планет Содружества ещё не возникло? А там есть… как по-вашему, существует ли там

сейчас какая-нибудь жизнь?

— Ну, «сейчас» — по-прежнему «сейчас», разумеется, — заметил Яг. — Но если вы имеете в виду, существовала ли жизнь в Млечном Пути, когда этот свет отправился в путешествие, то мой ответ — нет. Ядра галактик очень радиоактивны — даже больше, чем принято думать. В огромной эллиптической галактике, которую мы видим перед собой, фактически вся галактика — ядро. Когда звёзды настолько близки друг к другу, поток жёсткого излучения повсюду так силён, что стабильные молекулы ДНК просто не могут сформироваться. — Пауза. — Из чего я делаю вывод, что жизнь возможна только в галактиках среднего возраста; молодые галактики без спиральных рукавов стерильны.

На какое-то время на мостике воцарилась тишина, прерываемая лишь тихим бормотанием системы вентиляции и время от времени приглушёнными звуковыми сигналами контрольных панелей. Каждый размышлял о крошечном световом пятне, которое в один прекрасный день даст им всем жизнь, о том факте, что они оказались дальше от дома, чем кто-либо прежде, и о неизмеримо громадной бездне пустого пространства вокруг.

Шесть миллиардов световых лет.

Кейт вспомнил читанную когда-то давно книгу о Бормане, Ловелле и Андерсе, астронавтах «Аполлона-8», которые на Рождество 1968 года облетели Луну, читая выдержки из Книги Бытия. Они были первыми землянами, забравшимися так далеко от родной планеты, что они могли закрыть её ладонью вытянутой руки. Возможно, больше, чем любое другое событие в истории, этот вид, эта перспектива, это изображение знаменовали для человечества конец детства, осознание того, что их мир — всего лишь маленький шарик, плывущий в ночи.

И теперь, думал Кейт, возможно — лишь возможно, что с этого изображения человечество вступит в пору среднего возраста: картинка на обложке тома второго биографии человечества. Крошечной, незначительной и хрупкой оказалась не только Земля. Кейт поднял руку, протянул её к голосфере и накрыл звёздные острова ладонью. Посидел так несколько секунд, потом опустил руку и позволил глазам блуждать по непомерным глубинам раскинувшейся во всех направлениях пустоты. Его взгляд случайно наткнулся на Яга, который делал ровно то же самое, чем занимался Кейт секунду назад — накрывал

ладонью Млечный Путь.

— Простите, Кейт, — сказал Лианна; первые слова, прозвучавшие на мостике после нескольких минут всеобщего молчания. Её голос был приглушён, словно она разговаривала в кафедральном соборе. — Система электроснабжения отремонтирована. Мы можем запустить зонд в любое время.

Кейт медленно кивнул.

— Спасибо, — сказал он; в его голосе звучала тоска. Он ещё раз взглянул на молодой Млечный Путь, парящий во тьме, и потом тихо сказал: — Ромбус, давайте взглянем, что творится дома.

Глава XX

— Запускаю зонд, — объявил Ромбус.

Кейт увидел на голосфере удаляющийся от корабля серебристо-зелёный цилиндр, подсвеченный прожектором, установленным на корпусе «Старплекса». На фоне размытых клякс далёких галактик он выглядел неуместно.

— Вылазка всего на пять минут, — сказал Ромбус.

Кейт кивнул, пытаясь заставить себя успокоиться. Он не знал, чего хочет больше: чтобы зонд обнаружил сигнал транспондера, что означало бы, что «Бутлегер», по крайней мере, пока невредим, либо чтобы он ничего не обнаружил, что могло означать, что «Бутлегер» ушёл через стяжку.

Время шло, и Кейт нервничал всё больше. Конечно, время тянется медленно, когда ждёшь, но всё-таки…

Он поднял глаза на тройной циферблат, парящий в воздухе над невидимой дверью.

— Сколько прошло?

— Семь минут, — ответил Ромбус.

— Ему не пора уже вернуться?

По сенсорной сети иба взбежали светляки.

— Так где ж его черти…

— Тахионный выброс! — сказал Ромбус. — Возвращается.

— Не ждите, пока он пристыкуется, — сказал Кейт. — Скачайте данные по радиоканалу и покажите.

— Выполняю с удовольствием, — сказал Ромбус. — Воспроизвожу.

Полученная зондом картинка имела невысокое разрешение и была плоской. На голосфере снова появилась синяя рамка, и внутри неё начал воспроизводиться отснятый зондом материал.

— Что за… — сказал Кейт. — Ромбус, вы правильно выбрали угол входа?

— Да, с точностью до доли градуса.

Яг произнёс валдахудское ругательство. ФАНТОМ обычно брань не переводил, но сейчас Кейт и сам был готов ругаться матом.

— Это не то место, откуда прилетели мы, — сказал он.

Мех Яга был неподвижен.

— Нет, — сказал он. Изображение на экране показывало пространство, битком набитое красными звёздами. — Я бы сказал, что это вообще

не Млечный Путь. Это похоже на внутренние области шарового скопления. В CGC 1008 таких десятки, должно быть, это одно из них.

— Что означает…

— Что означает, — продолжил Тор, поднимая руки над рулевой консолью, — что мы не можем вернуться домой. Не знаем верного адреса.

— Система широта-долгота, должно быть, работает по-другому на дальних расстояниях, — сказала Лианна.

— Даже на полном гиперприводе… — тихо проговорил Кейт. Яг фыркнул.

— Даже на полном гиперприводе полёт на шесть миллиардов световых лет займёт двести семьдесят миллионов лет.

— Ну, хорошо, — сказал Кейт. — Тогда попробуем метод тыка. Ромбус, начните с северного полюса тахионной сферы и посылайте зонды под всеми углами входа через каждые пять градусов широты и долготы. Может быть, если нам повезёт, зонд вернётся с изображением чего-то знакомого.

Ромбус начал запускать зонды, но скоро стало очевидно, что все они попадают либо в шаровое скопление, либо в другой регион космоса, где на небе доминировала кольцеобразная туманность.

— С точки зрения этой стяжки, — сказал Ромбус, — существует лишь две активированные стяжки. Нам повезло, что наш первый зонд вернулся к нам — на это у него был лишь один шанс из двух.

— Не слишком богатый выбор, — заметил Кейт. — Здесь, в окрестностях черной дыры в межгалактическом пространстве; там, в недрах шарового скопления, предположительно полного старых безжизненных звёзд; или возле той кольцевой туманности.

— Нет, — сказал Яг.

— Что «нет»? — спросил Кейт.

— Нет, мы не можем быть ограничены только этими вариантами.

Кейт облегчённо вздохнул.

— Здорово. А почему?

— Потому что Богиня Аллювиальных Отложений — моя покровительница, — ответил Яг. — Она не оставит меня.

Сердце Кейта упало. Он едва смог удержаться от того, чтобы высказать какую-нибудь гадость.

— *Должен* быть какой-то путь назад, — сказал Яг. — Раз мы попали сюда, то должен быть и путь отсюда. Если б мы только…

— Скорость! — закричала вдруг Лианна.

Кейт взглянул на неё.

— Скорость! — повторила она. — Мы прошли через стяжку на очень высокой скорости. Возможно, скорость входа определяет, к какому другому семейству стяжек вы отправитесь. Мы всегда входили в стяжку на малых относительных скоростях, чтобы избежать столкновений. В конце концов, мы всегда входим вслепую, никогда не зная точно, что на той стороне. Но в этот раз мы влетели в неё на существенной доле скорости света, и тем самым, должно быть, переключились на другой уровень Стягивающей сети.

Кейт посмотрел на Яга. Тот пожал обеими парами плеч.

— Объяснение не хуже любого другого.

— Ромбус, запустите ещё один зонд, — сказал Кейт. — Подготовьте для него траекторию разгона такую, чтобы он вошёл в стяжку на той же скорости, что и мы, и под углом для той стяжки, из которой мы прибыли.

— Выполняю с необыкновенным удовольствием, — отозвался иб.

Зонд стартовал, разогнался и нырнул в стяжку. Все затаили дыхание. Даже помпа Ромбуса, которая работала без контроля со стороны кокона, будто бы почувствовала, что происходит что-то важное — её центральное отверстие на время

прекратило свой бесконечный цикл открывания, растяжения, сжатия и закрывания.

А потом зонд вернулся. Щупальца Ромбуса захлестали по консоли, производя звучные хлопки, и на голосфере снова появился отгороженный участок, в котором появилось то, что увидел зонд.

Тор улыбнулся от уха до уха.

— Никогда бы не подумал, что буду так рад увидеть эту штуку снова, — сказал он, тыкая пальцем в изображение зелёной звезды.

Кейт испустил вздох облегчения.

— Спасибо… спасибо Богине Аллювиальных Отложений.

— Согласно показаниям зонда, темняне удалились от стяжки на значительное расстояние, — сообщил Ромбус.

— Отлично. Тор, возвращайте нас назад. Выведите нас на курс, который мы обсуждали ранее. Надо потолковать с Кошачьим Глазом.

Глава XXI

«Старплекс» двигался к стяжке сквозь бездну межгалактического пространства. Корабль, крошечная песчинка в окружающей пустоте, набирал скорость; толкатели работали на максимуме мощности. Когда он коснулся стяжки, по его корпусу пробежало кольцо фиолетового пламени, в то время, как корабль преодолевал расстояние в шесть миллиардов световых лет — 60 000 000 000 000 000 000 000 километров — в мгновение ока. Когда голосферу вновь заполнили мириады звёзд, у всех присутствующих на мостике вырвался ликующий крик.

Кейт почувствовал, как защипало глаза; такое с ним было в его последний приезд на Землю.

Тор немедленно начал производить ручную коррекцию — они не следили за передвижением зелёной звезды достаточно долго, так что её положение относительно стяжки знали не совсем точно. Скоро он вывел корабль на параболическую орбиту, которую заказывал Кейт — парабола была пошире, чем в прошлый раз, и не подходила так близко к звезде, которая снова становилась

главным объектом на голосфере.

— Поищите транспондер «Бутлегера», — сказал Кейт.

— Выполняю, — ответила Лианна. Секундой позже: — Простите, Кейт. Ничего нет.

Кейт закрыл глаза. Она может быть жива, сказал он себе, она могла добраться до стяжки и уйти отсюда, могла…

— Тахионный выброс! — сказал Ромбус, и ФАНТОМ воспроизвёл его реплику в виде радостного возгласа.

Кейт впился глазами в точку стяжки, разбухающую в окружённую фиолетовой каймой фигуру — фигуру, напоминающую поперечное сечение корабля-зонда «Старплекса».

— Это «Бутлегер»! — заорал Тор.

— Входящее сообщение, — сказала Лианна. Она нажала кнопки, и на голосфере появилось сияющее от радости лицо Риссы.

— Всем привет, — сказала она. — Вот уж не ожидала вас тут встретить.

— Рисса! — выдохнул Кейт, вскакивая на ноги.

— Привет, дорогой, — ответила она, ослепительно улыбаясь.

— Ромбус, мы можем принять их на борт, не меняя курса? — спросил Кейт.

— Можем, если я подцеплю их буксировочным полем.

Кейт расплылся в улыбке.

— Пожалуйста, так и сделайте.

— Итак, — сказал Ромбус, — всем приготовиться к буксировке.

Серое лицо Длиннорыла выскочило из пустоты рядом с Риссиным.

— Приготовлены мы! Домой мы идём!

— Фиксация, — объявил Тор.

— Тор, — спросил его Кейт, — вы уже обнаружили Кошачьего Глаза?

— Да. Он примерно в десяти миллионах километров впереди, на девять часов от зелёной звезды.

— Мы нашли в темнянском диапазоне свободную частоту на случай, если вы будете с ним говорить, — сказала Лианна. — Должно быть, кто-то недавно закончил разговор.

— Отлично, — сказал Кейт. — Продолжайте её прослушивать. Мы начнём передачу, как только Рисса поднимется на борт.

— «Бутлегер» войдёт в причальный ангар номер семь через три минуты, — уточнил Ромбус.

Кейт нервничал. Он попытался отвлечься, изучая на мониторе отчёты о состоянии корабля, но

слова не доходили до сознания. Наконец, звёздное небо разверзлось, и в открывшейся двери появилась Рисса, загораживая собой кусок коридора. Кейт подбежал к ней, обнял и поцеловал. Все присутствующие на мостике встретили её появление радостными возгласами. Мгновением позже в одном из боковых бассейнов вынырнул Длиннорыл. Рисса присела у края бассейна и погладила его по выпуклому лбу.

— Спасибо, что вернул нас домой целыми и невредимыми, — сказала она.

— Мы выполняем скоростной параболический облёт, — объяснил им Кейт. — Не думаю, что в этот раз темняне успеют нас схватить, но я хочу с ними поговорить — узнать, за каким чёртом они напали на нас.

Рисса кивнула, поднялась на ноги, ещё раз поцеловала Кейта и направилась к своему рабочему месту. Она нажала несколько клавиш, запуская программы перевода.

— У нас всё ещё есть вакантная частота? — спросил Кейт.

— Да, — ответила Лианна.

— Хорошо. Приступим к общению. Лианна, откройте канал связи с моей консоли с автоматическим переводом, но с пятисекундной

задержкой передачи. — Он посмотрел на Риссу. — Я буду обращаться напрямую к Кошачьему Глазу, но если я скажу что-то не то, или ты посчитаешь, что мои слова не будут переведены правильно, немедленно прерывай меня, и мы переформулируем сообщение перед отправкой.

Рисса кивнула.

— Готово, — сказала Лианна.

— «Старплекс» Кошачьему Глазу, — сказал Кейт. — «Старплекс» Кошачьему Глазу. Мы друзья. Мы друзья. — Кейт взглянул на таймер. На скорости света сообщению понадобится тридцать пять секунд, чтобы добраться до Кошачьего Глаза, а его ответу почти столько же, чтобы вернуться.

Но ответ не пришёл. Кейт подождал ещё минуту, потом ещё одну. Потом нажал клавишу и сказал ещё раз:

— Мы друзья.

Снова прошло время, достаточное для того, чтобы сигналу дойти и вернуться. И ещё через сорок секунд ответ пришёл, два слова с французским акцентом:

— Не друзья.

— Мы друзья, — настаивал Кейт.

— Друзья не вредят. — В этот раз ответ был дан тут же, с поправкой на время прохождения

сигнала.

Кейт несколько опешил. Может, они и правда как-то навредили темнянам? Но он не мог даже вообразить, как существам планетарных размеров можно нанести хоть какой-то вред.

И всё же… Может быть, забор образцов причинил им боль? Кейт понятия не имел, как он может попросить прощения; словарь, собранный Риссой, не содержал ничего близкого к такой концепции.

— Мы не хотели вредить вам, — сказал Кейт.

— Не прямо, — ответил Кошачий Глаз.

Кейт развёл руками и оглядел мостик.

— Кто-нибудь понимает, что происходит?

— Думаю, он имеет в виду, что вред, нанесённый нами, не был направлен на них самих, — предположила Лианна. — Мы не вредили им, но навредили — или собирались навредить — кому-то, кто для них важен.

Кейт нажал кнопку передачи.

— Мы никому не хотели вредить. Но вы — вы намеренно пытались нас убить.

— Сделали вас. Не сделаем вас.

Кейт отключил микрофон.

— «Сделали вас. Не сделаем вас» — повторил он и беспомощно пожал плечами. — Идеи?

Лианна развела руками. Яг пожал всеми плечами. Сенсорная сеть Ромбуса осталась тёмной.

Кейт снова включил микрофон.

— Мы снова хотим быть друзьями.

Время прохождения сигнала уменьшалось по мере того, как параболическая орбита «Старплекса» приближала их к Кошачьему Глазу.

— Мы тоже снова хотим быть друзьями, — ответил темнянин.

Кейт на минуту задумался, потом сказал:

— Вы говорите, мы вам как-то навредили. Мы не хотели вредить. Чтобы мы не сделали это снова, скажите нам, что мы сделали не так?

Промежуток между вопросом и ответом сводил с ума. Наконец:

— Нападали друг на друга.

— Вас обеспокоило сражение? — спросил Кейт.

— Да.

— Беспокоились, что взрывы повредят вас?

— Нет.

— Но почему вы бросали корабли на звезду?

— Боялись.

— Чего?

— Что ваша активность разрушит… разрушит… точку, которая не есть точка.

— Стяжку? Вы боялись, что мы разрушим стяж-

ку?

— Да.

— Никакой взрыв не может повредить стяжку.

— Не знали.

Яг приглушённо пролаял:

— Спросите их, какое им дело.

Кейт кивнул.

— Почему стяжка важна для вас? Вы пользуетесь ей сами?

— Пользуемся? Нет. Не пользуемся.

— Тогда почему?

— Потомство.

— Она важна для вашего процесса размножения?

— Нет. Один из нашего потомства, — произнёс голос из динамика.

Неспособность договориться приводила в отчаяние — причём, вероятно, темнянина так же, как и Кейта. Кошачий Глаз был частью сообщества индивидуумов, которые общались друг с другом тысячелетиями. Они понимали контекст реплик друг друга, их историю. Детальное объяснение собственных мыслей наверняка у них не было принято — возможно, даже считалось грубостью.

— Один из вашего потомства, — повторил

Кейт.

— Да. Коснулся точки, которая не есть точка.

О боже!

— Вы хотите сказать, один из ваших младших прошел через стяжку?

— Да. Потерян.

— Чёрт, — воскликнул Тор, оборачиваясь. — Так вот что активировало стяжку — через неё прошёл темнянский детёныш.

Кейт откинулся на спинку кресла.

— И если бы наше сражение случайно уничтожило стяжку, ваш младший никогда не смог бы вернуться домой, верно?

— Верно без границ. Когда вы появились, мы думали, что вы привели назад наше потомство.

— Вы не спрашивали нас об этом.

— Неверно спрашивать.

— Плохие манеры у темнян? — Рисса сделала круглые глаза и вскинула брови.

Кейт развёл руками.

— Мы не знали о вашем ребёнке. Как давно он прошёл через стяжку?

— Время с вашего появления, умножить на два.

Кейт повернулся налево и взглянул на Яга.

— В таком случае ребёнок не мог уйти далеко

от точки выхода. Есть какие-нибудь способы выяснить, куда он мог попасть?

— Ребёнок должен был выйти из одной из уже активированных стяжек, — сказал Яг. — Однако, как мы выяснили, когда влетели в стяжку сломя голову, существует гораздо больше активных точек выхода, чем мы знаем — возможно, триллионы, если стяжками нашпигованы другие галактики и межгалактическое пространство. А поскольку стяжка вращается, то без знания с точностью до секунды времени входа даже знание угла входа нам ничего не даст. Он может быть где угодно.

— Но если мы сумеем найти пропавшего ребёнка и привести его домой, — сказал Кейт, — то это будет не просто доброе дело, это позволит нам укрепить отношения с темнянами. — Он оглядел мостик. — Есть возражения? — Он включил микрофон. — У младшего есть имя? Уникальное слово, обозначающее только его?

— Да. Это… — голос ФАНТОМА прервался, и из динамиков громкой связи послышалось синтезированное «неизвестный термин».

Кейт посмотрел в камеру слежения ФАНТОМА.

— Назови его… ну, так и назови — Младший, — сказал он.

— Принято.

Кейт посмотрел на Ромбуса, который, разумеется, мог его видеть, даже сидя к нему спиной.

— Ромбус, каково ваше мнение?

— Это может быть очень крутой спуск с обрывом в конце, — сказал он — другими словами, ловля ветра в поле. — Но, как вы сказали, установление дружеских отношений — это то, для чего и был построен «Старплекс». Я бы сказал, что стоит попытаться.

— Не нужно ли предложить одному из них пойти с нами? — спросила Лианна.

— Мы не сможем пройти сквозь стяжку совместно, — сказал Тор, поворачиваясь к ней. — Помните, даже самый маленький из них весит как Юпитер. А без точного соблюдения угла входа темнянин может отправиться не на ту стяжку, и мы будем иметь двух потерявшихся темнян вместо одного.

Кейт включил микрофон.

— Мы поищем вашего ребёнка, — сказал он. — Вы не могли бы его позвать? Мы запишем ваш зов и будем его воспроизводить в местах, где станем искать. Позовите его и скажите идти с нами. Скажите ему, что мы не причиним ему вреда, просто отведём его домой.

— Запишете?

— Запомним и повторим.

— Идёт запись, — сообщил голос из динамиков. Кейт подождал, пока темнянские увещевания окажутся в памяти ФАНТОМА.

— Ваши слова у нас, — сказал Кейт, когда Кошачий Глаз завершил передачу.

— Найдите нашего ребёнка, — сказал Кошачий Глаз. — Я… (неизвестные термины).

Риссины языковые упражнения не касались этой темы. Но Кейт его понял, несмотря на видовой барьер. Даже, так сказать, *материальный* барьер.

Он кивнул.

Глава XXII

Кейт сидел в своём кабинете и размышлял над планами поиска темнянского ребёнка. Было первое число месяца; в рамке на столе фото танцующей Риссы сменилось на её изображение в майке и шортах, снятое на Земле во время похода по Большому Каньону. Картина Эмили Карр сменилась видом на озеро Верхнее кисти А. Я. Джексона[16].

— Здесь Яг Кандаро эм-Пелш, — объявил ФАНТОМ.

— Впусти, — проговорил Кейт, не поднимая глаз от электронного планшета, с которого читал.

Яг вошёл и устроился в кресле, сложив обе пары рук на своей массивной грудной клетке.

— Я хочу участвовать в поиске темнянского ребёнка, — пролаял он.

Кейт откинулся на спинку кресла и посмотрел на валдахуда.

— Вы?

Дентальные пластины Яга упрямо скрипнули.

---

[16] Примечания: 16

Александр Янг Джексон (1882–1974) — канадский художник. *(Прим. перев.)*

— Я.

Кейт медленно выдохнул, воспользовавшись этими секундами для того, чтобы собраться с мыслями.

— Это деликатная миссия.

— А вы мне больше не доверяете, — сказал Яг и пожал верхними плечами. — Я это знаю. Но нападение на «Старплекс» не было одобрено королевой Тратх. А штурм Тау Кита, о котором нам рассказала Рисса, был отбит. События подошли к своему завершению — если только вы, земляне, не решите их продлить. Куда мы станем двигаться дальше, Лансинг? Покончим с этим? Или продолжим воевать? Я готов действовать так, будто…

— Будто ничего не случилось?

— Альтернатива этому война. Я этого не хочу, и был уверен, что и вы этого не хотите.

— Но…

Лай Яга стал более отрывистым.

— Выбор за вами. Я предлагаю мирное сосуществование. Если вам нужен — как вы это называете? фунт моей плоти?[17] — то я отказы-

---

[17] Примечания: 17

Аллюзия на пьесу Шекспира «Венецианский купец», где заимодавец требует с должника расплатиться, согласно условиям векселя, фунтом собственного мяса. *(Прим. перев.)*

ваюсь вам его предоставить. Но поиск ребёнка и доставка его домой потребует глубоких познаний в области механики Стягивающей сети. Магнор в этом деле хорош, но я лучше. И вы знаете, что это так; будь это не так, меня бы не назначили на этот корабль.

— Тору можно верить, — сказал Кейт.

Правые глаза валдахуда смотрели на Кейта с самого начала; теперь же он уставился на него и левой парой.

— Выбор за вами. Мой доклад у вас, — он сделал жест в сторону планшета, который Кейт до сих пор держал в руках. — Я предлагаю послать на поиски ребёнка корабль-зонд. Я должен быть на этом корабле.

— Всё, что вам нужно, — сказал Кейт, — это доступ к темнянам для вашего народа. Возвратив домой их ребёнка, вы заслужите их благодарность.

Яг двинул нижней парой плеч.

— Вы меня раскусили, Лансинг. Но вообще-то темняне не знают даже, что мы — не одно существо, не говоря уж о том, что мы принадлежим к четверть-шестнадцати различных рас.

Кейт на мгновение задумался. Чёрт возьми, он терпеть не мог, когда на него давили. Но гадский

сви… но Яг определённо был прав.

— Ладно — вы и Длиннорыл, если он согласится. А «Бутлегер» вообще на ходу?

— Доктор Сервантес и Длиннорыл отдавали его для техобслуживания на Гранд-Централе, — сказал валдахуд. — Ромбус подтвердил, что он в полном порядке.

Кейт вскинул взгляд к потолку.

— Вызвать Тора.

Голограмма головы Тора возникла в воздухе над столом Кейта.

— Слушаю, босс?

— Мы готовы к полёту через стяжку?

— Никаких проблем, — ответил Тор. — Зелёная звезда уже достаточно далеко, так что доступны любые углы входа. Хотите, чтобы я запрограммировал маршрут?

Кейт покачал головой.

— Не для всего корабля. Один маршрут для «Бутлегера» и другой для одноместного челнока. Мне придётся слетать на Гранд-Централ и встретиться с премьером Кеньяттой. — Он посмотрел на валдахуда. — Несмотря на то, что вы мне сейчас сказали, кому-то придётся заплатить за всё.

* * *

Это было грандиозное путешествие — вокруг галактики через двадцать стяжек, быстрый осмотр всех возможных точек выхода. «Бутлегер» с Длиннорылом и Ягом на борту выскочил из шлюзовых ворот и после обязательной для Длиннорыла демонстрации пилотажных навыков устремился к стяжке.

Как всегда, стяжка распахнулась, как только корабль её коснулся. Фиолетовое кольцо прошло по всей его длине, и вот корабль уже ворвался в другой сектор пространства. Смотреть было особо не на что: просто звёздные россыпи, не такие густые, как на той стороне.

Яг приник к инструментам. Он выполнял гиперпространственное сканирование в поисках крупной массы в пределах одного светового дня от стяжки. Найти темнянского ребёнка будет непросто. Тёмную материю в силу самой её природы очень трудно обнаружить — она практически невидима, а испускаемые ей радиосигналы очень слабы. Но даже темнянин-малыш весит около 10^{37} килограмм. Он производит заметный прогиб в пространстве-времени, который должен фиксироваться гиперскопом.

— Что-нибудь есть? — спросил Длиннорыл.

Яг двинул нижними плечами.

Длиннорыл изогнулся в своём бассейне, и «Бутлегер», заложив вираж, направился обратно к стяжке.

— Снова идём мы, — сообщил дельфин. Корабль нырнул в стяжку…

…и вынырнул рядом с красивой двойной системой: струи газа тянутся от разбухшего, сплющенного у полюсов красного гиганта к крошечному белому компоненту.

Яг проверил приборы. Ничего. «Бутлегер» выполнил мёртвую петлю и спикировал на стяжку, нырнул к ней, снова искупался в излучении Содерстрёма, и зрелище двойной звезды сменилось новым узором созвездий с огромной жёлто-розовой туманностью, покрывающей полнеба; пульсар в её центре вспыхивает и гаснет с периодом в несколько секунд.

— Ничего, — сказала Яг.

Длиннорыл снова выгибает спину, и корабль несётся к стяжке.

Раскрывается портал.

Бежит фиолетовое кольцо.

Узор созвездий меняется.

Ещё один сектор космоса.

Сектор, в котором тоже царит удаляющаяся от стяжки зелёная звезда. Длиннорыл отчаянно маневрирует, уклоняясь.

В этот раз Ягу нужно больше времени на сканирование — близость звезды ослепляет сканеры. Но в конце концов он выясняет, что темнянского ребёнка нет и здесь.

Длиннорыл повернулся у себя в бассейне, и «Бутлегер» закрутился штопором, падая на стяжку. В этот раз они выскочили в пространство из Локуса Прайм, поблизости от ядра галактики, самой первой стяжки, активированной, по-видимому, самими строителями Стягивающей сети. Небо пылало светом бесчисленных красных солнц. Длиннорыл коснулся носом пульта управления, и радиационные щиты включились на максимум. Они были достаточно близко к ядру галактики, чтобы различить поблёскивающий край аккреционного диска, окружающего чёрную дыру в центре.

— Не здесь, — сказал Яг.

Длиннорыл повёл корабль обратно к стяжке по простейшей прямой траектории. Они были достаточно далеко от сингулярности, чтобы не опасаться захвата её ненасытным тяготением, но рисковать всё равно не хотелось.

Следующий прыжок привёл их в ещё один относительно пустой сектор пространства, но сканеры Яга показали присутствие значительной невидимой массы.

— Ничего и здесь? — спросил Длиннорыл.

Яг пожал всеми четырьмя плечами.

— Проверить не повредит, — сказал он, настраивая бортовое радио на полосу двадцать один сантиметр.

— Передачи на девяносто трёх частотах, — сказал Яг. — Ещё одно сообщество темнян.

Они были в десятках тысяч световых лет от первых встреченных ими темнян, однако их раса существует миллиарды лет. Вполне возможно, что они говорят на том же языке. Яг просканировал эфирную какофонию, и, поскольку не нашёл вакантного канала, передал на частоте, непосредственно прилегающей к крайней занятой:

— Мы ищем существо по имени Младший, — компьютер подставил настоящее имя пропавшего ребёнка.

Молчание длилось гораздо дольше, чем требовалось сигналу на то, чтобы долететь и вернуться, но в конце концов ответ пришёл:

— Здесь никого с таким именем. Кто ты?

— Говорить нет времени — но мы вернёмся,

— ответил Яг, и Длиннорыл повернул корабль к стяжке.

— Держу пари удивили мы их, — сказал дельфин, когда корабль входил в портал.

В следующий раз они вынырнули неподалёку от планеты размером с Марс, такой же сухой, но жёлтой, а не красной. Её солнце, бело-голубая звезда, была видна в отдалении; её видимый диаметр был вдвое больше, чем у видимого с Земли Солнца.

— И здесь ничего, — сказал Яг.

Длиннорыл повел «Бутлегер» обратно к стяжке по такой траектории, чтобы тело жёлтой планеты точно накрыло собой диск звезды. Корона, переливающаяся фиолетовым, синим и белым цветами, выглядела потрясающе; её размер оказался вдвое больше ожидаемого. Некоторое время они с Ягом наслаждались зрелищем, а потом снова нырнули в стяжку.

Поблизости от новой стяжки также была недавно появившаяся из неё звезда, но не зелёная. Как и у Тау Кита, это был красный карлик, маленький и остывший.

Яг произвёл сканирование.

— Ничего нет.

Они снова нырнули; портал открылся перед ни-

ми, как раскрашенный фиолетовой помадой рот.

Полная тьма — не видно ни единой звезды.

— Пылевое облако, — сказал Яг; его шерсть от неожиданности встопорщилась. — Интересно — когда это место посещали в прошлый раз, пыли здесь не было. По большей части углеродные зёрна, хотя есть некоторые сложные молекулы, включая формальдегид и даже аминокислоты и… Сервантес обязательно должна здесь побывать. Я регистрирую ДНК.

— В облаке? — недоверчиво переспросил Длиннорыл.

— В облаке, — ответил Яг. — Самовоспроизводящиеся молекулы, летающие в открытом космосе.

— Но темнян нет?

— Нет, — ответил Яг.

— Загадка для другого раза, — подытожил Длиннорыл. Он сделал сальто, запустил тормозные двигатели и отправил корабль обратно в стяжку.

Новый сектор пространства. Здесь стяжка также выплюнула бродячую звезду, на этот раз голубой гигант класса О; фиолетовых пятен на нём было больше, чем веснушек летом на лице блондина. «Бутлегер» оказался на самой границе одного из спиральных рукавов Млечного Пути. По одну сторону на небе теснились яркие молодые

звёзды; по другую их было заметно меньше. Над головой виднелось шаровое скопление, миллион древних красных звёзд, упакованный в плотный рой. И ещё…

— Эврика! — сказал Яг или, по крайней мере, прорычал нечто, что компьютер перевёл именно так. — Вот он!

— Вижу его я, — согласился Длиннорыл. — Но…

— Великая сушь! — выругался Яг. — Он застрял.

— Согласен — пойман в сеть.

Так оно и было. Маленький темнянин, очевидно, вывалился из стяжки за несколько дней до прибытия голубой звезды, которая появилась из стяжки, двигаясь примерно в том же направлении, что и он. Как они недавно имели возможность убедиться, темняне в открытом пространстве двигаются на удивление резво, однако тяготение звезды было чудовищно. Темнянин обращался вокруг звезды на расстоянии всего сорока миллионов километров от её поверхности — меньше, чем Меркурий от Солнца.

— Ему никогда не достичь скорости убегания, — сказал Яг. — Я даже не уверен, на стабильной ли он орбите — возможно, падает по спирали. В любом случае, этот темнянин с нами пойти не

сможет.

— Просигналю, — сказал Длиннорыл и включил передачу записанного сообщения на частотах, которыми пользовались члены темнянского сообщества. Они находились примерно в трёхстах миллионах километров от звезды, так что радиосигналу требовалось пятнадцать минут, чтобы долететь до темнянина, а его ответу — ещё пятнадцать минут, чтобы вернуться назад. Они ждали. Яг нервничал; Длиннорыл развлекался, рисуя сонарную карикатуру на нервничающего Яга. Однако ответ не пришёл.

— Ну ладно, — сказал валдахуд, — здесь столько радиошумов от звезды, что его ответа мы могли попросту не услышать. Или он не услышал нас.

— Или, — добавил Длиннорыл, — темнянин уже умер.

Яг издал звук, похожий на звук лопающихся пузырьков на пупырчатой упаковке; его нос при этом мелко затрясся. О такой возможности он предпочитал не думать. Однако жар в такой близости от звезды должен быть просто невероятный. Сторона темнянина, обращённая к звезде, должна нагреться до 350 градусов, достаточно, чтобы плавился свинец. Ни Яг, ни Делакорт ещё толком не занимались деталями лощёнокварко-

вой мета-химии, но многие сложные соединения обычной материи при таких температурах неминуемо распадаются.

Тут Ягу в голову пришла ещё одна мысль. Интересно, каковы у темнян погребальные обряды? Захотят ли они, чтобы мёртвое тело размером с планету было доставлено на родину? Дельфины, к примеру, просто оставляют труп плавать на поверхности, когда кто-то из них умирает. Яг надеялся, что темняне настолько же практичны.

— Возвращаемся, — сказал Яг. — Сами мы тут ничего не сделаем.

«Бутлегер» устремился назад к стяжке по одной из любимых Длиннорылом широких кривых, коснувшись стяжки под идеальным углом для возвращения в точку отправления. «Старплекс» был там; он висел во тьме, зеленоватый в свете звезды четвёртого поколения. Далеко позади него были темняне с протянувшимися между ними газовыми щупальцами. Теперь надо было решать, что делать дальше. На одно короткое мгновение Яг пожалел Лансинга. Ему самому очень не хотелось бы плыть по бурным водам реки, что раскинулась сейчас перед землянином.

* * *

Кейт был у себя в квартире, готовясь к визиту на Тау Кита для встречи с премьером Кеньяттой на Гранд-Централе.

Зажужжал зуммер.

— Ромбус хочет вас видеть, — сообщил ФАНТОМ. — Просит уделить ему семь минут вашего времени.

Ромбус? Здесь? Как раз сейчас Кейт предпочёл бы остаться один. Он только начал собираться с мыслями, решая, о чём будет говорить на встрече. Впрочем, то, что иб побеспокоил его в нерабочее время, было достаточно необычно, чтобы возбудить его любопытство.

— Время выделено, — произнёс Кейт стандартную формулу ибовского этикета.

Снова голос ФАНТОМА:

— Разрешите приглушить свет для приёма посетителя-иба?

Кейт кивнул. Яркость потолочных осветительных панелей уменьшилась, а ослепительно белый ледник на голограмме озера Луиз на видеостене померк и посерел. Двустворчатая дверь раздвинулась, и в неё вкатился Ромбус. На сенсорной сети вспыхнули огни.

— Здравствуйте, Кейт.

— Здравствуйте, Ромбус. Чем могу помочь?

— Я прошу прощения, что вмешиваюсь, — произнёс его приятный британский голос, — но сегодня на мостике вы были весьма рассержены.

Кейт нахмурился.

— Прошу прощения, если был груб, — сказал он. — Я был зол на Яга, но не должен был срывать свою злость на ком-либо ещё.

— О, ваш гнев был отлично сфокусирован. Я не думаю, что вы обидели кого-то ещё.

Кейт вскинул брови.

— Тогда в чём проблема?

Ромбус мгновение помолчал, потом заговорил:

— Вам никогда не казалось, что представители моей расы ведут себя непоследовательно? Мы, выражаясь на человеческий манер, одержимы временем. Мы ненавидим тратить его впустую. Но при этом мы постоянно теряем его на формулы вежливости и, как замечают многие люди, прилагаем массу усилий к тому, чтобы не задеть чьих-то чувств.

Кейт кивнул.

— Я задумывался об этом. Действительно, время, потраченное на социальные условности, можно бы было посвятить более важным вещам.

— Именно, — сказал Ромбус. — Именно так это и видят люди. Но мы на это смотрим совершенно по-другому. Мы считаем, что искусство уживаться с другими… наша метафора для этого «как колесо на оси», но вы, наверное, сказали бы «рука об руку»… так вот, оно идёт рука об руку с философией качественного использования времени. Короткая, но неприятная встреча ведёт к бóльшим потерям времени, чем та, что длится дольше, но обходится без конфликтов.

— Почему?

— Потому что после неприятного столкновения вы потом тратите много времени, прокручивая её в голове снова и снова, часто заново испытывая гнев по поводу того, что было сделано или сказано. — Он помолчал. — Как вы убедились в случае с Каретой, в ибовском праве принято наказывать за деяния, приводящие к потерям времени. Если некий иб впустую потратил десять минут моего времени, суд может решить сократить срок его жизни на эти десять минут. Но известно ли вам, что если другой иб расстроит меня грубостью, неблагодарностью или злоумышлением, то суд может наложить наказание, в шестнадцать раз превышающее потерянное мной время? Коэффициент шестнадцать здесь только из-за того,

что это число у нас, как и у валдахудов, лежит в основе системы счисления; на самом деле точно вычислить время, потраченное на самокопание и повторное переживание неприятного инцидента, невозможно. Даже годы спустя неприятные воспоминания могут… опять же, мы про такое говорим «наехать сзади», у вас, вероятно, это что-то вроде «всплыть из глубин». Всегда полезней и лучше разрешать любую ситуацию в приятном ключе, не тая злобы.

— Вы хотите сказать, что с валдахудами мы должны затянуть гайки? Потребовать с них вшестнадцатеро за вред, который они причинили? — Кейт кивнул. — Это имеет смысл.

— Нет, вы не уловили мою мысль — несомненно, потому, что я выразил её недостаточно ясно. Я советую *забыть* о том, что произошло между вами и Ягом и между Землёй и Реболло. Меня приводит в отчаяние объём мыслительных усилий и *времени*, которые вы, люди, собираетесь растратить, разрешая этот кризис. Не важно, как ухабист путь — разгладь его в своих мыслях. — Ромбус на секунду замолчал, давая мысли проникнуть в сознание. — Хорошо, я использовал семь минут, которые вы мне дали; теперь я должен удалиться. — И иб покатился в сторону

двери.

— Люди погибли, — сказал Кейт, повышая голос. — Такое трудно разгладить.

Ромбус остановился.

— Если трудно, то лишь потому, что вы сами так решили, — сказал он. — Вы можете вообразить хоть какое-нибудь решение, которое вернуло бы погибших к жизни? Акт возмездия, который не выльется в новые смерти? — Огни гонялись друг за другом по его сенсорной сети. — Оставьте всё как есть.

Эта Дракона

Стеклянный смотрел на Кейта, а Кейт смотрел на Стеклянного. Что-то в поведении существа из будущего подсказывало Кейту, что это их последний разговор.

— В своей вступительной речи ты упомянул, что ваше Содружество состоит из трёх планет, — сказал Стеклянный.

Кейт кивнул.

— Так и есть. Земля, Реболло и Плоскон.

Стеклянный качнул головой.

— В твоё время во всей Вселенной было лишь семь тысяч планет, на которых зародилась жизнь. И эта горстка планет была разбросана по миллиардам галактик. Млечному Пути их досталось больше, чем выходило по статистике — в твою эпоху там существовало в общей сложности тринадцать видов разумных существ.

— Я буду вести счёт, — улыбаясь, сказал Кейт. — Не успокоюсь, пока не найду их всех.

Стеклянный покачал головой.

— Конечно, рано или поздно вы найдёте их всех — когда они будут готовы к тому, чтобы их

нашли. То, что стяжки облегчают межзвёздные путешествия — это не побочный эффект системы, созданной с целью забрасывания звёзд в прошлое. Скорее, это неотъемлемая часть изначального замысла. Такая же, как и их функция предохранительного клапана, изолирующего область пространства от доступа извне до тех пор, пока зародившийся в ней разум сам не выйдет в космос. Конечно, если у тебя есть ключ, то ты можешь отправиться к любой стяжке, даже неактивированной. Это тоже важно, потому что мы, строители Стягивающей сети, и сами ею активно пользуемся. Но то, как она работает в отсутствие ключа, было задумано специально с целью взращивания межзвёздного сообщества, формирования будущего, основанного на мире и сотрудничестве в общих интересах. — Стеклянный замолчал; когда он заговорил вновь, в его голосе прозвучала грусть. — И всё же ты не сможешь вести счёт ещё не открытым цивилизациям. Когда я отошлю тебя назад, я сотру все воспоминания о твоём пребывании здесь.

Сердце Кейта вдруг затрепыхалось.

— Не делайте этого.

— Боюсь, мне придётся. Мы поддерживаем политику изоляции.

— Так вы… вы это делаете всё время? В смысле, выдёргиваете людей из прошлого?

— Обычно мы такого не делаем, но… в общем, ты — особый случай. *Я* — особый случай.

— В каком плане особый?

— Я — один из первых людей, ставших бессмертными.

— Бессмертными… — изумлённо повторил Кейт.

— Я разве не говорил? О, ну конечно. Твоя жизнь будет не просто очень-очень долгой. Ты будешь жить вечно.

— Бессмертный… — снова повторил Кейт. Он попытался придумать, что ещё сказать, но не смог, и сказал просто: — Вау!

— Однако, как я сказал, ты — я — в общем, мы — особый случай бессмертия.

— То есть?

— Видишь ли, во всей вселенной всего трое людей старше меня. По-видимому, у меня был — как вы это называете? — у меня был «блат», благодаря которому я получил бессмертие одним из первых.

— Рисса занималась исследованиями старения. Полагаю, она стала одним из изобретателей технологии бессмертия.

— А, должно быть, так и было, — сказал Стеклянный.

— Вы не помните?

— Нет — и в этом-то как раз и проблема. Видишь ли, когда бессмертие изобрели впервые, его принцип был в том, чтобы научить клетки делиться неограниченное количество раз вместо того, чтобы умирать после определённого числа делений.

— Предел Хейфлика, — сказал Кейт, который много раз слышал об этом явлении от Риссы.

— Прошу прощения?

— Предел Хейфлика. Так называется механизм, ограничивающий число делений клетки.

— А, да, — сказал Стеклянный. — Ну, в общем, они его одолели. Одолели старое природное ограничение, вследствие которого вы рождались с определённым количеством нервных клеток в мозгу, которые потом умирают и не заменяются новыми. Одним из ключевых элементов бессмертия стало воспроизводство мозгом нервных клеток взамен отмерших, так что...

— Так что если клетки заменяются новыми, то записанные в них воспоминания пропадают.

Стеклянный кивнул своей гладкой головой.

— Именно. Конечно, сейчас старые воспомина-

ния выгружаются в лептонные матрицы. Теперь мы можем помнить неограниченный объём информации. Я не просто имею доступ к текстам миллионов книг — я именно *помню* содержание всех миллионов книг, прочитанных за все эти годы. Но я стал бессмертным до появления технологии выгрузки памяти. Мои самые первые воспоминания, все, что было со мной в первые два столетия моей жизни — оказалось потеряно.

— Один из моих лучших друзей, — сказал Кейт, — иб по имени Ромбус. Ибы умирают, когда стирается их самая ранняя память — новые воспоминания затирают их базовые поведенческие рефлексы и убивают их.

Стеклянный кивнул.

— Есть в этом определённая элегантность. Очень трудно жить, не зная, кто ты такой, не помня своего прошлого.

— Вот почему вы были разочарованы, когда узнали, что мне только сорок шесть?

— Именно. Это значило, что мне всё ещё недоступны полтора столетия моей жизни. Возможно, когда-нибудь я разыщу другую версию самого себя, из — когда это будет? — из 2250 года по вашему календарю. — Он помолчал. — Но всё-таки ты помнишь самую важную часть. Ты помнишь моё

детство, помнишь моих родителей. До встречи с тобой я даже не был уверен, что у меня вообще были родители. Ты помнишь мою первую любовь. Я был этого лишён так невообразимо долго… И всё же именно эти переживания сформировали моё поведение, соткали мою индивидуальность, составили ядро нейронных сетей в моём мозгу, фундамент того, кем я есть. — Стеклянный снова помолчал. — Я тысячелетиями ломал голову над тем, почему я веду себя так, а не иначе, почему я мучаю себя неприятными мыслями, почему я беру на себя роль строителя мостов и миротворца, почему скрываю свои чувства. И ты объяснил мне: когда-то, давным-давно, я был несчастным ребёнком, средним сыном со склонностью к стоицизму. В моём прошлом существовал горизонт, изгиб, за который я был не в состоянии заглянуть. Ты убрал его. То, что ты мне дал, не имеет цены. — Стеклянный помолчал и продолжил более непринуждённым тоном. — Благодарю тебя от всего моего неограниченно регенерирующегося сердца.

Кейт засмеялся, как скулящий тюлень, и другой Кейт засмеялся, как хрустальные бубенцы, а потом они оба смеялись над звуками, которые издавал другой.

— Боюсь, тебе пора домой, — сказал Стеклянный.

Кейт кивнул.

Стеклянный немного помолчал и продолжил:

— Я не стану давать тебе советов, Кейт. Это не моё дело, и, кроме того, между нами десять миллиардов лет. Во многих отношениях мы совершенно разные люди. Что правильно для меня, может быть неправильно для тебя. Однако, я перед тобой в долгу — за то, что ты мне дал, я в неоплатном долгу, и поэтому хотел бы взамен дать тебе один намёк.

Кейт слегка склонил голову, ожидая продолжения.

Стеклянный развёл своими прозрачными руками.

— Я наблюдал подъёмы и спады человеческой сексуальной морали в течение целых эпох, Кейт. Я знал людей, что миллиарды лет хранили целибат, и знал других, сменивших миллионы партнёров. Я видел секс между представителями различных видов одного мира и между продуктами эволюции разных миров. Некоторые мои знакомые полностью удалили себе гениталии, чтобы избавиться от проблемы секса. Другие стали истинными гермафродитами, способными

заниматься сексом и зачинать потомство с самими собой. Кто-то до сих пор меняет пол — у меня есть друг, который делает это каждую тысячу лет, как часы. Были времена, когда человечество признавало и гомосексуализм, и гетеросексуализм, и инцест, и одновременные отношения со многими партнёрами, и проституцию, и садомазохизм, и были эпохи, когда всего этого сторонились. Я видел брачные контракты с фиксированной датой окончания, и видел браки, что длились пять миллиардов лет. И ты, мой друг, будешь жить так же долго и тоже всё это увидишь. Но во все времена была одна константа для порядочных людей, таких, как ты и я — если ты делаешь больно тому, кто тебе небезразличен, то ты чувствуешь вину.

Стеклянный склонил голову.

— Я не помню Клариссу. Вообще не помню. Не имею ни малейшего понятия, что с ней стало. Если она тоже стала бессмертной, то, вероятно, она жива до сих пор и, возможно, я могу её найти. За эти годы я любил тысячи других людей; жалкое число, по мнению некоторых, но мне хватало. Но нет никаких сомнений в том, что Рисса, должно быть, была для нас очень, очень особенной; это очевидно по тому, как ты о ней говоришь.

Стеклянный замолчал, и Кейту на мгновение

показалось, что его глаза, неразличимые на гладком прозрачном эллипсоиде его головы, ищут его взгляд, ищут истину в его взгляде.

— Я вижу тебя насквозь, Кейт. Помнишь, когда ты мне начал говорить «пропустим, сменим тему»? Мне было очевидно, что именно ты пытаешься скрыть, какие именно мысли и желания. — Секундная пауза. — Не делай ей больно, Кейт. Этим ты лишь сделаешь больно себе.

— Это ваш совет? — спросил Кейт.

Стеклянный слегка приподнял плечи.

— Да, это он.

Кейт некоторое время молчал.

— Как я им воспользуюсь? Вы сказали, что я забуду о нашей встрече.

— Эту мысль я не трону. У тебя действительно не останется никаких воспоминаний обо мне, тебе будет казаться, что эта мысль просто пришла тебе в голову — что она твоя собственная. Что, в определённом смысле, так и есть.

Кейт некоторое время раздумывал над каким-нибудь достойным ответом. Но потом сказал просто:

— Спасибо.

Стеклянный кивнул. А потом, с грустью в голосе, сказал:

— Тебе пора возвращаться.

Возник неловкий момент, когда они просто стояли и смотрели друг на друга. Кейт начал было протягивать руку, но тут же опустил её. Потом, после секундного колебания, шагнул вперёд и обнял Стеклянного. К его изумлению, прозрачный человек на ощупь был тёплый и мягкий. Объятие длилось всего несколько секунд.

— Может, мы ещё увидимся? — сказал Кейт, отступая назад. — Если вам вдруг захочется рвануть в двадцать первый век и нагрянуть в гости…

— Возможно, я действительно это сделаю. Мы тут как раз собираемся начать один очень-очень большой проект. В самом начале я сказал тебе, что на карту поставлена судьба Вселенной, и я — имея в виду и тебя, разумеется — должен сыграть в этом ключевую роль. Я забросил социологию целые эпохи назад. Как ты можешь догадаться, я сменил тысячи профессий, и сейчас я нечто вроде физика. Моя новая работа потребует путешествия в прошлое.

— Только ради бога не забудьте моё полное имя, — сказал Кейт. — Я числюсь в справочнике Содружества, но вы меня никогда не найдёте снова, если забудете имя.

— Не забуду, — ответил Стеклянный. — В этот

раз, обещаю, я не забуду ни тебя, ни ту часть моего прошлого, которой ты со мной поделился. — Он помолчал. — Прощай, друг.

Имитация леса вместе с неподвижным солнцем, дневной луной и четырёхлистным клеверищем растаяла, открывая кубическую внутренность причального ангара. Кейт зашагал к своему челноку.

Стеклянный по-прежнему неподвижно стоял посреди ангара, когда он открылся в вакуум. Снова магия — ему не нужен был скафандр. Кейт нажал кнопку, и его челнок двинулся в пространство; шестипалая розовая туманность, бывшая когда-то Солнцем, пятнала небо по левому борту, а небесно-голубой дракон пропадал из глаз за кормой. Кейт подвёл челнок к невидимой точке стяжки, и когда произошёл контакт, почувствовал слабый зуд внутри черепа. Он только что думал о чем-то… о чём-то таком…

О чём бы он ни думал, мысль была упущена безвозвратно.

Ну да ладно. Кольцо излучения Содерстрёма прокатилось через челнок от носа до кормы, небеса заполнили знакомые созвездия Тау Кита, станция Гранд-Централ виднелась неподалёку с правой стороны, выглядя непривычно в све-

те недавно появившегося в системе красного карлика.

Как и каждый раз по прибытии на Тау Кита Кейт потратил секунду, чтобы отыскать на небе созвездие Волопаса и найти в нём Солнце. Всегда приятно убедиться, что старушка ещё не превратилась в новую…

Глава XXIII

Кейт всегда считал, что из космоса станция Гранд-Централа похожа на четыре тарелки, поставленные квадратом, но сегодня, непонятно почему, она напомнила ему парящий на фоне звёзд четырёхлистный клевер. Каждый из листов клевера имел километр в диаметре и восемьдесят метров в толщину, что делало Гранд-Централ самым большим искусственным сооружением в Содружестве. Как и на значительно меньшем по размеру центральном диске «Старплекса» направленные вовне участки боковых поверхностей каждого диска были утыканы воротами причальных ангаров, на многих из которых красовались логотипы базирующихся на Земле промышленных корпораций. Бортовой компьютер челнока получил причальные инструкции от диспетчера Гранд-Централа и направился к причальному кольцу рядом с большими рифлёными воротами с изображённым на ней жёлтым логотипом Компании Гудзонова залива, «уже

пятое столетие на рынке»[18].

Кейт огляделся сквозь прозрачные стенки челнока. В небе плавали корпуса мёртвых кораблей. К причалам прибывали буксиры, нагруженные обломками. Одна из четырёх тарелок станции была погружена во тьму, по-видимому, получив во время сражения серьёзное повреждение.

Как только челнок пришвартовался, Кейт перешёл на станцию. В отличие от «Старплекса», который был собственностью Содружества, Гранд-Централ полностью принадлежал народам Земли, так что климатические условия в его помещениях соответствовали земным стандартам.

Помощник губернатора уже ожидал Кейта. У него была сломана рука. Это наверняка случилось во время сражения с валдахудами, поскольку обтягивающую руку остеопластическую сеть полагалось носить в течение семидесяти двух часов после перелома. Помощник провёл Кейта в пышный офис Петры Кеньятты, премьера Правительства Людей провинции Тау Кита.

Кеньятта, африканка под пятьдесят, встала и поприветствовала Кейта.

---

[18] Примечания: 18

Компания Гудзонова Залива, основанная в 1670 году для торговли мехами, существует в Канаде до сих пор, владея несколькими сетями универсальных магазинов в США и Канаде. *(Прим. перев.)*

— Здравствуйте, доктор Лансинг, — сказала она, протягивая руку.

Кейт пожал её. Рукопожатие у Кеньятты было крепкое, даже немного болезненное.

— Мэм.

— Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо. — Стоило Кейту усесться в кресло — в нормальное человеческое, а не поликресло — как дверь снова раскрылась и вошла ещё одна женщина, на этот раз нордического вида и немного моложе Кеньятты.

— Вы знакомы с комиссаром Амундсен? — спросила премьер. — Она возглавляет полицейские силы ООН в системе Тау Кита.

Кейт привстал со своего кресла.

— Комиссар.

— Конечно, — сказала Амундсен, — «полицейские силы» — это эвфемизм. Мы их так называем для инопланетных ушей.

Кейт почувствовал, что его желудок завязывается узлом.

— Подкрепление уже вылетело с Земли и Эпсилона Индейца, — продолжала Амундсен. — Мы будем готовы ударить по Реболло, как только оно подойдёт.

— Ударить по Реболло?

— Точно, — сказала комиссар. — Мы погоним проклятых свиней до самой Андромеды.

Кейт покачал головой.

— Но ведь всё уже кончилось. Внезапная атака срабатывает лишь раз. Они больше не вернутся.

— А мы укрепим их в этом намерении, — сказала Кеньятта.

— ООН на это не согласится, — сказал Кейт.

— Нет, конечно, не ООН, — сказала Амундсен. — У дельфинов для такого кишка тонка. Но я уверена, что Правительство Людей акцию поддержит.

Кейт обратился к Кеньятте.

— Позволить конфликту разрастись будет ошибкой, госпожа премьер. Валдахудам известен способ уничтожения стяжек.

Сапфировые глаза Амундсен стали совсем круглыми.

— Что вы сказали?

— Они способны отрезать нас от остальной галактики. Для этого им достаточно привести сюда один корабль.

— Что это за технология?

— Э… ни малейшего представления. Но меня заверили, что она рабочая.

— Ещё одна причина их уничтожить, — сказала

Кеньятта.

— Как они к вам подобрались? — спросила Амундсен. — Сюда они прислали большой корабль-матку, который выпустил истребителей сразу, как только появился. Из того, что рассказала доктор Сервантес, пока была здесь, я поняла, что против «Старплекса» они послали малые корабли. Как так получилось, что вы не заметили первый же из них сразу по прибытии?

— Недавно появившаяся из стяжки звезда оказалась между кораблём и стяжкой.

— По чьему приказу корабль занял такую позицию? — просила Амундсен.

Кейт помедлил.

— По моему. На борту «Старплекса» приказы отдаю я. Мы производили астрономические исследования, которые потребовали увести корабль от стяжки. Я несу полную ответственность за это решение.

— Не беспокойтесь, — сказала Амундсен; её улыбка была похожа на скелет. — Мы заставим свиней заплатить.

— Не называйте их так, — сказал Кейт, к собственному удивлению.

— Что?

— Не называйте их этим именем. Они валдаху-

ды, — он постарался произнести это слово на валдахудский манер, с правильными тонами и придыханиями.

Амундсен была несколько сбита с толку.

— Вы знаете, как они зовут нас? — спросила она.

Кейт слегка качнул головой.

— *Гаргтелькин*, — сказала она. — «Те, кто спаривается вне сезона».

Кейт с трудом подавил улыбку, но потом посерьёзнел.

— Вы не можете затевать с ними войну.

— Они её уже начали.

Кейт подумал о своих старшей сестре и младшем брате. Вспомнил тот старый, чёрно-белый ещё фильм с дуэлью гимнов, когда «Марсельеза» заглушает и заставляет умолкнуть «Вахту на Рейне».[19] А ещё он вспомнил Млечный Путь, накрытый ладонью его вытянутой руки.

— Нет, — сказал он.

— В каком смысле «нет», — не поняла Амундсен. — Они начали войну.

— В том смысле, что это ничего не меняет. Ничегошеньки. Есть существа, состоящие из

---

[19] Примечания: 19
Сцена из фильма «Касабланка» (1949). *(Прим. перев.)*

тёмной материи. Есть стяжки в межгалактическом пространстве. Из будущего вываливаются звёзды. А вы тут беспокоитесь о том, кто начал? Да неважно, кто начал. Дайте войне закончиться. Закончите её здесь и сейчас.

— Мы как раз об этом и говорим, — сказала Кеньятта. — О том, чтобы закончить войну раз и навсегда. Напинав свиней по их волосатым задницам.

Кейт покачал головой. Кризис среднего возраста — у всех, и людей, и валдахудов.

— Дайте мне съездить на Реболло. Дайте поговорить с королевой Тратх. Я вроде как дипломат. Давайте я поеду и договорюсь о мире. Построю мост.

— Погибли люди, — сказала Амундсен. — Здесь, на Тау Кита, погибли люди.

Кейт подумал о Соле Бен-Абрахаме. Не о той ужасающей картине, что обычно всплывала у него в памяти — череп, раскрывшийся, как красный цветок прямо у него на глазах, а о живом Соле — широкая улыбка, делящая надвое тёмную бороду, кружка тёмного пива домашней варки в руке. Он поднялся на корабль чужаков, ища мира и дружбы.

А другой Сол? Сол Лансинг-Сервантес — неспо-

собный насвистеть простейшую мелодию, отрастивший дурацкую бородку, сладкоежка и шортстоп бейсбольной команды гарвардского кампуса — и студент-физик, то есть тот, кого в случае войны первым призовут в качестве гиперпространственного пилота.

— Люди гибли прежде, и мы тогда не искали мести, — сказал Кейт. Ромбус был прав. Оставить всё как есть, сказал он. Оставить всё как есть. Кейт ощутил, как оно покидает его, то неприятное чувство, что он носил в себе восемнадцать лет. Он посмотрел на двух женщин.

— Ради тех, кто погиб, и тех, кто может погибнуть в войне, мы должны потушить этот пожар, пока не стало слишком поздно.

* * *

Кейт погрузился в свой челнок, отчалил от Гранд-Централа и полетел обратно к стяжке.

Он проспорил с Комиссаром Амундсен и премьером Кеньяттой несколько часов. Но он не сдался. Это была ветряная мельница, которую он искал. Это была достойная битва — битва за мир.

Несбыточная мечта?

Он подумал о жизни своего прапрапрадеда, полной чудес. Автомобили, аэропланы, лазеры и

полёты на Луну.

И о своей полной чудес жизни.

И о чудесах, что ещё придут.

Всё возможно — и мир тоже. Любая достаточно продвинутая технология неотличима от магии.

Достаточно продвинутая. Расы и правда взрослеют, и правда становятся зрелыми… Он был к этом готов. В конце концов, он был к этому готов.

И другие будут.

Борман, Ловелл и Андерс закрыли ладонью Землю. Всего четверть столетия спустя тот же самый мир начал разоружаться. Эйнштейн не дожил, чтобы увидеть это собственными глазами, но его несбыточная мечта загнать ядерного джинна обратно в бутылку и правда сбылась.

А теперь люди и валдахуды закрыли ладонью галактику. Галактику, которую Кейт, и, разумеется, не только он, ещё увидит раз за разом поворачивающейся вокруг оси.

Будет мир между расами. Он позаботится об этом. В конце концов, какое лучшее занятие может себе найти средний сын, которому предстоит прожить миллиарды лет?

Челнок Кейта коснулся стяжки, фиолетовое гало пробежало по сферическому корпусу, и он

снова оказался в окрестностях зелёной звезды.

«Старплекс» был прямо по курсу, гигантский серебристо-медный ромб на фоне звёздных россыпей. Кейт видел, что ворота причального ангара номер семь открыты, и бронзовый клин «Бутлегера» выполняет посадку — из чего следовало, что Яг и Длиннорыл вернулись с новостями о темнянском малыше. С часто застучавшим сердцем Кейт запустил программу швартовки.

* * *

Кейт сразу поспешил на мостик. Хотя он отсутствовал лишь короткое время, он вдруг ощутил необходимость обнять Риссу, которая обнаружилась за своей консолью, несмотря на то, что на вахте была смена «дельта». Он прижимал её к себе несколько секунд, наслаждаясь теплом её тела. Фужер тактично откатился от директорского места, но Кейт жестом попросил иба вернуться, а сам уселся на галерее для посетителей в задней части помещения.

Стоило ему это сделать, как открылась передняя дверь и вперевалку вошёл Яг.

— Ребёнок застрял, — объявил он и прошёл к своей консоли, которая оказалась незанятой. — Завяз на низкой орбите вокруг звезды, появив-

шейся из той же стяжки, что и он.

— Вы вызывали его по радио? — спросила Рисса. — Он ответил?

— Нет, — сказал Яг, — но звезда очень сильно шумит. Либо наше сообщение, либо ответ могли потеряться в этом шуме.

— Это всё равно что пытаться услышать шёпот во время урагана, — сказал Кейт, тряхнув головой. — практически невозможно.

— Особенно, — сказал Длиннорыл, выныривая в правом дельфиньем бассейне, — если темнянин мёртвый.

Кейт посмотрел дельфину в глаза, затем кивнул.

— Это хороший вопрос. Как мы поймём, что он всё ещё жив?

Рисса нахмурилась.

— Никто из нас не выживет и пяти секунд поблизости от звезды без серьёзной защиты и мощных силовых экранов. А ребёнок голый.

— И, что ещё хуже, — сказал Яг, — он чёрный. Хотя лощёнокварковая материя прозрачна для электромагнитного излучения, пыль из обычного вещества, которой он нашпигован, практически не отражает свет и тепло звезды. Ребёнок может свариться.

— И что же нам делать? — спросил Кейт.

— Во-первых, — сказал Яг, — нужно дать ему тень — построить отражающий зонтик из фольги и разместить его между темнянином и звездой.

— Наша нанотехническая лаборатория сможет такое сделать? — спросил Кейт. — В обычное время я бы сделал заказ на Новом Пекине, и нам бы его доставили через стяжку Тау Кита, но я только что оттуда и видел, какой там царит разгром.

Подал голос молодой индеец, занимавший консоль внутренних операций.

— Надо проконсультироваться с Лианной, — сказал он, — но мне кажется, что мы такое потянем. Хотя работа будет не из лёгких. Зонтик будет размером больше ста тысяч километров. Даже если сделать его толщиной в одну молекулу, на всё понадобится очень много сырья.

— Тогда начинайте работы, — сказал Кейт. — Когда ждать?

— Шесть часов, если всё пойдёт хорошо, — ответил индеец. — Двенадцать, если плохо.

— Ладно, допустим, мы прикрыли ребёнка от солнца, что дальше? — спросила Рисса. — Он по-прежнему застрял на низкой орбите.

Кейт взглянул на Яга.

— А мы не могли бы использовать зонтик как

солнечный парус, чтобы солнечный ветер отталкивал бы темнянина от звезды?

Яг фыркнул.

— Десять в тридцать седьмой килограмм? Без шансов.

— Ладно, тогда так, — сказал Кейт. — Что если мы защитим темнянина силовым полем или ещё чем, а потом взорвём звезду, чтобы она стала новой…

Лай Яга перешёл в стаккато — валдахудский смех.

— У вас необузданное воображение, Лансинг. Да, существуют теоретические работы по контролируемым взрывам новых — я сам вёл исследования в этой области — но никакой щит не сможет никого защитить от такого взрыва на расстоянии всего сорока миллионов километров.

Кейт не сдавался.

— Ладно, а как такая идея: что если мы направим звезды в стяжку. Когда она пройдёт, её тяготение исчезнет, и ребёнок освободится.

— Звезда движется от стяжки, а не к ней, — напомнил Яг. — Мы не умеем двигать стяжки, а если бы у нас достало сил, чтобы повернуть вспять звезду, то уж снять объект размером с Юпитер с её орбиты труда бы не составило. Но у нас таких

сил нет. — Яг окинул взглядом мостик. — Какие-нибудь ещё блестящие идеи?

— Да, — сказал Кейт. Он посмотрел прямо в лицо Ягу. — Да, есть ещё идея!

* * *

Когда Кейт закончил говорить, Яг какое-то время стоял с открытым ртом, выставив на обозрение сине-белые прозрачные зубные пластины. Наконец, он пролаял несколько обескураженным голосом:

— Я… я знаю, что такие вещи возможны, но никто никогда не пробовал применять их к объектам такого масштаба.

Кейт кивнул.

— Это понятно. Но если у вас нет лучшего предложения…

— В принципе, — произнёс бруклинский голос Яга, — мы могли бы оставить темнянского детёныша на орбите вокруг звезды. Исходя из предположения, что он до сих пор жив, как только мы прикроем его зонтиком, он сможет, в теории, прожить всю свою оставшуюся жизнь, как бы велика она ни была, на низкой орбите вокруг звезды. Но если ваш план не сработает, темнянский ребёнок может погибнуть. — Голос Яга стал

тише. — Я знаю, Лансинг, что здесь именно я всегда ищу славы, и, поскольку моя роль в том, что вы предлагаете, ключевая, то в случае успеха мне её достанется немало. Но вообще-то решение здесь принимать не нам. В нормальных условиях я бы рекомендовал попросить у… у пациента разрешения, прежде чем предпринимать что-либо настолько рискованное, но это невозможно из-за радиопомех. Поэтому я предлагаю сделать то, что в таких случаях делают и у нас, и у вас — спросить разрешения у ближайших родственников.

Кейт подумал, затем кивнул.

— Вы правы, разумеется. Я продолжаю думать только об удачном исходе, что если у нас всё получится, то это улучшит наши отношения с темнянами. Чёрт, иногда я настолько тупорыл…

— Ничего, — отозвался Яг, решив не принимать оговорку Кейта на свой счёт, — ходят слухи, у вас будет очень много времени для постижения мудрости.

* * *

— «Старплекс» Кошачьему Глазу, — проговорил Кейт в микрофон. — «Старплекс» Кошачьему Глазу.

— Привет, «Старплекс». — Этот неуместный

французский акцент: Кейт почти ожидал услышать «бонжур». — Спрашивать неправильно, но…

Кейт улыбнулся.

— Да, у нас есть новости о вашем ребёнке. Мы нашли его. Но он на низкой орбите вокруг голубой звезды. Самому ему не выбраться.

— Плохо, — сказал Кошачий Глаз. — Плохо.

Кейт кивнул.

— Но у нас есть план, который может — я повторяю, может — позволить нам спасти его.

— Хорошо, — сказал Кошачий Глаз.

— В плане присутствует доля риска.

— Измерьте.

Кейт взглянул на Яга, который пожал всеми плечами.

— Не могу, — ответил Кейт. — Мы никогда не делали такого с объектами настолько большими. В сущности, я лишь недавно узнал, что это теоретически возможно. Это может получиться, а может и нет — и у меня нет способа определить вероятность того или иного исхода.

— Лучшие идеи имеются?

— Нет. На самом деле, это наша *единственная* идея.

— Опишите план.

Кейт сделал это, насколько позволил ограниченный набор доступных ему темнянских слов.

— Трудно, — сказал Кошачий Глаз.

— Да.

На частоте Кошачьего Глаза воцарилась тишина, зато другие каналы взорвались активностью — темнянская община обсуждала ситуацию.

Наконец, Кошачий Глаз снова заговорил.

— Попытайтесь, но… но… двести восемнадцать минус один меньше чем двести семнадцать.

Кейт проглотил подступивший к горлу комок.

— Я знаю.

* * *

«Вжик», пилотируемый китообразным физиком Дынезубом, и «Бутлегер» с Ягом и Длиннорылом на борту вернулись через стяжку в сектор пространства, где застрял темнянский малыш. Работая в тандеме, два корабля развернули молекулярной толщины солнечный зонтик. Смонтированные на краях зонтика реактивные электродвигатели толкали зонтик в сторону звезды, чтобы скомпенсировать давление солнечного ветра. Как только темнянин оказался в тени, температура его обращённой к звезде стороны начала быстро падать.

На следующем этапе через стяжку прошли 112 наскоро собранных буёв; каждый состоял из выпотрошенного корпуса ватсона со смонтированной внутри специальной аппаратурой. Два корабля, пользуясь буксировочными лучами, вывели буи на пересекающиеся орбиты вокруг темнянского малыша.

На один из своих вертикально ориентированных мониторов Яг вывел гиперпространственную схему местного гравитационного колодца со звездой на его дне. На таком близком расстоянии от звезды стенки колодца были почти вертикальны; заметное глазу уменьшение их крутизны начиналось чуть выше орбиты, на которой находился темнянин. Сам он создавал собственный, значительно меньший колодец.

Когда буи были расставлены по орбитам, «Вжик» вернулся к стяжке, а потом, не входя в неё, продолжил удаляться от звезды ещё в течение половины суток. В конце концов, все оказались выстроены в линию. На одном её кольце был «Бутлегер». Дальше находился ребёнок-темнянин. В сорока миллионах километров от него пылала голубая звезда. В трёхстах миллионах километров за звездой находилась стяжка, а ещё в миллиарде километров — «Вжик». Дынезуб

теперь находился в семидесяти двух световых минутах от звезды, достаточно далеко, чтобы считать окрестное пространство в целом плоским.

— Готов? — хрюкнул Яг Длиннорылу, который занимал пилотажный бассейн «Бутлегера».

— Готов, — хрюкнул дельфин в ответ, тоже по-валдахудски.

Яг тронул клавишу, и сеть окружающих темнянского малыша буёв ожила. Каждый буй содержал генератор искусственной гравитации, питаемый энергией той самой звезды, тяготение которой он пытался преодолеть. Медленно, синхронно, буи увеличивали мощность, и также медленно на одной из крутых стен гравитационного колодца звезды начала формироваться выемка.

— Потихоньку, — шептал Яг, следя за гиперпространственной схемой. — Потихоньку.

Площадка продолжала выравниваться. Большие усилия были приложены к тому, чтобы не выровнять гравитационный колодец самого темнянина — ведь частицы, составляющие его тело, удерживаются вместе лишь его собственным тяготением, и если его подавить, темнянин лопнет, словно воздушный шарик.

Мощность буёв продолжала расти, а кривизна

пространства уменьшаться, пока…

Пока дно выемки, выщербившей стенку колодца, не стало горизонтальным. Теперь пространство было плоским, словно темнянин парил в межзвёздном пространстве, а не накручивал витки в опасной близости от звезды.

— Изоляция завершена, — сказал Яг. — Теперь забираем его отсюда.

— Активация гиперпривода, — сказал Длиннорыл.

Антигравитационные буи находились на поверхности условной сферы, окружившей темнянина, но теперь, когда включились их собственные генераторы гиперпространственного поля, эта сфера перестала быть условной. Она стала зеркальной, словно капля ртути, парящая в невесомости. Не прошло и секунды, как сфера сжалась в точку и пропала.

Буи были запрограммированы унести ребёнка-темнянина от голубой звезды как можно быстрее. «Вжик» ожидал поблизости от точки, в которой он должен вынырнуть из гиперпространства, достаточно далеко от звезды, чтобы гиперполе можно было свернуть без последствий.

«Бутлегер» двинулся к той же точке сквозь обычное пространство. Когда он проходил мимо

стяжки, то получил сообщение от Дынезуба, претерпевшее серьёзное синее смещение вследствие высокой скорости «Бутлегера».

«“Вжик” Длиннорылу и Ягу. Прибыл ребёнок темнянин; в пространство обычное выскочил на глазах у меня. Гиперполя коллапс без неожиданностей. Малыш, однако, признаков жизни не подаёт, на сигналы мои не отвечает.»

Мех Яга задвигался, отражая раздумье. Никто не знал наверняка, выдержит ли темнянин даже короткое путешествие в гиперпространстве без всякой защиты. Даже если перед тем он был жив, гиперпространство могло его убить. И, что самое отвратительное, не было способа проверить.

Технология выравнивания пространства таила в себе риск. Вместо того, чтобы самим ею воспользоваться и иметь возможность запустить гиперпривод, Длиннорыл и Яг добирались до точки рандеву со «Вжиком» на обычной тяге. Чтобы заполнить время и отвлечься от раздумий о судьбе темнянского детёныша, Яг болтал с Длиннорылом, который в этот раз вёл корабль к цели по абсолютно прямой линии.

— Вы, дельфины, — сказал Яг, — любите людей.

— Большей частью, — ответил Длиннорыл

по-валдахудски. Пилотажные датчики отлепились от его плавников, и кораблём управлял автопилот.

— Но почему? — резко гавкнул Яг. — Я читал земную историю Они загрязняли океаны, в которых вы плаваете, держали вас в баках с водой, ловили рыболовными сетями.

— Никто из них не делал ничего такого со мной, — ответил Длиннорыл.

— Но…

— Этим отличны мы — не обобщаем. Конкретные плохие люди делали конкретные плохие вещи; тех людей мы не любим. Но остальных людей мы оцениваем каждого отдельно.

— Однако нет сомнения, что когда они обнаружили, что вы разумны, то стали лучше обращаться с вами.

— Люди обнаружили, что разумны мы раньше, чем мы обнаружили, что разумны они.

— Что? — удивился Яг. — Но ведь это было очевидно. Они строили города и дороги, и…

— Того нам было не видно.

— Действительно, полагаю, что нет. Но они плавали в лодках, делали сети, носили одежду.

— Ничего из этого не имело значения для нас. У нас нет таких вещей или концепций; не с чем

сравнить. Моллюск отращивает раковину; люди носят одежду из ткани. Покровы моллюска прочнее. Должны думать, что моллюск разумен более? Вы говорите, люди строили вещи. У нас нет концепции строительства. Мы не знали, что лодки они делают сами. Думали, возможно, лодки живые или раньше были живыми. Какие-то на вкус были как дерево, другие испускали в воду вещества, как живые организмы. Ехать на спине лодки — достижение? Мы думали, люди — как прилипалы на акуле.

— Однако…

— Они нашего разума не видели. Они смотрели прямо на нас и не видели. И мы смотрели на них, и тоже их разума не видели.

— Но после того, как они узнали о вашей разумности, а вы — об их, вы должны были понять, что в прошлом они обращались с вами плохо.

— Да, некоторые в прошлом с нами обращались плохо. Люди обобщают, они корили себя. Узнал я с тех пор, что концепция греха предков — первородного греха — во многих их верованиях центральное место занимает. Были случаи, когда людские суды выносили решение о выплате компенсаций дельфинам. Для нас была это полная бессмыслица.

— Но сейчас вы хорошо уживаетесь с людьми, с чем у моего народа возникают значительные проблемы. Как вы это делаете?

— Примите их слабости, — пролаял Длиннорыл, — и цените достоинства.

Яг задумался.

* * *

Наконец, «Бутлегер» достиг точки своего назначения на расстоянии 1,3 миллиарда километров от звезды и в миллиарде километров от стяжки. Яг и Дынезуб обсудили траекторию, по которой собирались запустить темнянина, после чего гравитационные буи были включены снова и стали тянуть и толкать исполинское существо, которое, как и планировалось, начало падать по направлению к звезде, обратно в гравитационный колодец, из которого его только что выдернули. Но в этот раз стяжка находилась между темнянином и звездой; в этот раз, если всё пройдёт гладко, детёныш коснётся стяжки, приобретя за время падения к звезде некоторую собственную скорость.

Даже на полной мощности толкателей буям потребовалось больше суток, чтобы доставить темнянина в окрестности стяжки. Дынезуб отпра-

вил на «Старплекс» ватсон с предупреждением от том, что детёныш вот-вот появится на их стороне.

На подходе к стяжке гравибуи были включены на торможение, чтобы провести темнянина через портал на малой скорости. Вся спасательная операция пойдёт насмарку, если по выходу из стяжки он врежется в зелёную звезду. После того, как его достаточно затормозили, его траекторию скорректировали так, чтобы он прошёл сквозь тахионную сферу под нужным углом.

Сначала стяжку прошла часть гравибуёв, и лишь потом её коснулось тело самого темнянина. Стяжка начала расти, расширяться, охватывая гигантскую чёрную сферу губами фиолетового пламени и поглощая её. Яг задумался о том, что чувствует темнянин во время прохождения через портал, если он, конечно, всё ещё жив.

И если он жив и находится в том, что у темнян считается сознанием, думал Яг, то не запаникует ли он? Что если он окажется неспособен воспринять пребывание в двух секторах пространства одновременно? Он может прекратить движение. Если такая туша остановится прямо в стяжке, то не будет никакой возможности сдвинуть её с места. Края портала плотно прилегают к поверх-

ности проходящего через него тела, не оставляя никакого зазора, так что координация действий гравигенераторов по обеим сторонам портала будет невозможна. Это будет также означать, что «Бутлегер» и «Вжик» навсегда останутся здесь, на краю рукава Персея, в десятках тысяч световых лет от любой планеты Содружества.

Прохождение через стяжку немного деформировало темнянина — края портала немного сдавливали проходящий через него объект. Космический корабль с его жёстким корпусом такого сдавливания не замечает, но темнянин состоит в основном из газа — экзотического, лощёнокваркового, но тем не менее газа. Яг опасался, что детёныша может разрезать напополам — похоже на темнянский процесс размножения, но наверняка фатально, если происходит в неподходящее время. Но, похоже, ядро существа было достаточно плотно, чтобы предотвратить проникновение краёв портала вглубь его тела.

Наконец, темнянин завершил прохождение стяжки, и она сжалась в своё обычное безразмерное состояние. Ягу хотелось, чтобы Длиннорыл немедленно нырнул вслед, чтобы увидеть результат их трудов. Однако и они, и Дынезуб на борту «Вжика» должны были ждать ещё несколь-

ко часов, чтобы дать темнянину по ту сторону стяжки отойти от неё на достаточное расстояние, чтобы исключить возможность столкновения или разрушения кораблей приливными силами его колоссального поля тяготения, когда они окажутся на той стороне.

Наконец, когда пришёл ватсон с известием о том, что путь свободен, Длиннорыл запрограммировал компьютер на обратный путь. «Бутлегер» двинулся вперёд. Стяжка разверзлась, и они проскользнули на другую сторону.

Ягу понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что он видит. Малыш был там. И «Старплекс» тоже был. Но «Старплекс» со всех сторон окружали темняне, а сам корабль выглядел мёртвым — ни одно из его окон не светилось.

Глава XXIV

Стяжка ожила: фиолетовая искорка излучения Содерстрёма превратилась в непрерывно растущее огненное кольцо. Первым из неё выскочил один из наскоро собранных на «Старплексе» гравибуёв, потом ещё и ещё; они проносились по небу, словно пули. Гравибуи тянули за собой темнянского детёныша, но, поскольку он сам остался по ту сторону, гравибуи теряли точку приложения силы и резко ускорялись. Однако скоро в небе появился край огромного темнянского тела, выпирающий из кольца фиолетового пламени.

На мостике «Старплекса» Тор Магнор испустил восторженный вопль, подхваченный сотнями людей по всему кораблю — за операцией через окна или на телеэкранах следили практически все.

Кошачий Глаз и десяток других взрослых темнян придвинулись ближе к стяжке, окликая малыша. ФАНТОМ проигрывал перевод того, что говорил Кошачий Глаз, через динамики, но перевод зиял лакунами — предводитель темнян не ограничивался словами, значение которых Риссе и Хеку удалось выяснить.

— Иди вперёд… вперёд… вперёд… ты… мы… иди… торопись… не… вперёд… вперёд….

Ромбус наблюдал за детёныша с помощью инструментов обсерватории на первой палубе, но тот с момента своего появления не передал ни слова, по крайней мере, на частотах в пределах полосы двадцать один сантиметр.

Лианна покачала головой.

— Он движется не сам по себе, — сказал она. — Должно быть, он мёртв.

Кейт сжал зубы. Если ребёнок умер, то все усилия насмарку.

— Возможно, — ответил он, наконец, пытаясь убедить не столько Лиану, сколько себя, — отдельный темнянин и не может двигаться сам по себе. Возможно, поля их сил притяжения и отталкивания должны взаимодействовать. Возможно, детёныш пока слишком далеко от остальных.

— Вперёд, — продолжал говорить Кошачий Глаз. — Вперёд… иди… вперёд...

Кейт никогда не слышал, чтобы кто-нибудь проходил стяжку на такой малой скорости — из-за невыразимого словами ощущения, что промедление может стать фатальным, если магия вдруг перестанет действовать.

Наконец, детёныш закончил прохождение.

Портал схлопнулся, но мгновения спустя из него начали выскакивать остававшиеся на той стороне гравибуи.

Темнянский детёныш удалялся от стяжки, однако лишь по инерции. Он так и не…

— Где… где…

Тот же французский прононс, но креативный ФАНТОМ по собственному почину воспроизвёл его перевод голосом ребёнка.

— Домой… назад…

Тор издал ещё один ликующий вопль.

— Он жив!

Кейт вдруг обнаружил, что у него на глаза навернулись слёзы. Лианна плакала, не стесняясь.

— Он жив!!! — снова заорал Тор.

Малыш-темнянин начал, наконец, двигаться самостоятельно и направился к группе поджидавших его взрослых.

Из динамиков снова раздался голос, выбранный ФАНТОМом для Кошачьего Глаза.

— Кошачий Глаз «Старплексу», — произнёс он.

Кейт включил микрофон.

— «Старплекс» слушает, — сказал он.

Кошачий Глаз молчал дольше, чем можно было объяснить задержкой сигнала, должно быть, он подбирал слова из числа уже известных собесед-

нику. Наконец, он сказал просто:

— Мы друзья.

Кейт осознал, что улыбается до ушей.

— Да, — сказал он. — Мы друзья.

— Зрение ребёнка повреждено, — сказал Кошачий Глаз. — Оно будет… равно одному снова, но нужно время. Время и отсутствие света. Зелёная звезда светит ярко; она не была здесь, когда ребёнок ушёл.

Кейт кивнул.

— Мы можем построить ещё один экран, чтобы защитить малыша от света зелёной звезды.

— Больше, — сказал Кошачий Глаз. — Вы.

Кейт на какое-то время растерялся, но потом сообразил.

— Лианна, выключите все наши ходовые огни и внешнюю иллюминацию, а также, после оповещения, приглушите освещение во всех помещениях с окнами. Если кому-то нужен полный свет, пусть сначала закроют окна.

Лианнино прекрасное лицо озарила широкая улыбка.

— Выполняю.

«Старплекс» погрузился во тьму, следя за тем, как сообщество темнян движется навстречу своему нашедшемуся ребёнку.

* * *

Из стяжки появился «Бутлегер», через короткое время за ним последовал «Вжик». «Старплекс» заверил по радио новоприбывших, что с ним всё в порядке, и корабли рванулись к причальным воротам. Сразу же после того, как «Бутлегер» пришвартовался, Яг направился на мостик.

* * *

Когда Яг вошёл, Кейт разговаривал с Кошачьим Глазом. Он обернулся к вошедшему.

— Спасибо, Яг. Огромное вам спасибо, — сказал он.

Яг кивнул головой, принимая благодарность.

Из динамиков раздался голос Кошачьего Глаза.

— Мы к вам неверно, — сказал он.

Несправедливы, подумал Кейт. Они были к нам несправедливы.

— Вы в точку что не есть точка входили с большой скоростью.

— О, это было не так плохо, — дипломатично ответил Кейт. — Благодаря этому мы смогли увидеть нашу группу из сотен миллионов звёзд.

— Мы называем такую группу, — ФАНТОМ сам подставил перевод нового слова, — галактикой.

— У вас есть слово для галактики? — удивился Кейт.

— Верно. Много звёзд, отдельно.

— Правильно, — сказал Кейт. — Стяжка перенесла нас за шесть миллиардов световых лет отсюда. Это значит, что мы видели нашу галактику такой, какой она была шесть миллиардов лет назад.

— Понимаем смотреть назад.

— Правда?

— Да.

Кейт был впечатлён.

— Это было поразительно, — продолжил он. — Шесть миллиардов лет назад Млечный Путь был не такой как сейчас. Э… не думаю, что вам это известно, но сейчас он имеет вид спирали. — На консоли перед Кейтом вспыхнул индикатор, означающий, что он только что произнёс слово, для которого у ФАНТОМА в словарной базе не было темнянского эквивалента. Кейт кивнул в сторону его камер слежения. — «Спираль», сказал он в микрофон, — это… это… — Он пытался найти метафору, которая бы имела значение для темнянина. Слова типа «вихрь» ничего бы ему не объяснили. — Спираль — это…

ФАНТОМ вывел определение на один из мони-

торов Кейта. Он зачитал его в микрофон:

— Спираль — это линия, описываемая объектом, вращающимся вокруг центральной точки и одновременно удаляющимся от неё.

— Понимаем спираль.

— Так вот, Млечный Путь — спираль с четырьмя главными… — он хотел сказать «рукавами», но сообразил, что это тоже бесполезное слово, — частями.

— Знаем это.

— Знаете?

— Собрали.

Кейт посмотрел на Яга, который поднял и опустил нижнюю пару плеч. Что мог темнянин иметь в виду? Что они собрали знание о строении галактики по крупицам, как земные учёные?

— Собрали? — переспросил он.

— Раньше просто, сейчас… сейчас… нет слова, — сказал темнянин.

— Сейчас *красиво*, — вмешалась Лианна. — Я уверена, он ищет это слово.

— Смотреть на спираль, один плюс один больше, чем два? — сказал Кейт в микрофон.

— Больше чем. Больше, чем сумма частей. Спираль — это…

— Это *красиво*, — сказал Кейт. — Больше, чем

сумма частей.

— Да, согласился Кошачий Глаз. — Красиво. Спираль красиво.

Кейт кивнул. Спиральная галактика, несомненно, выглядит поинтереснее эллиптической. Он был рад, что люди и темняне, по-видимому, разделяют некоторые эстетические понятия. Впрочем, это неудивительно, ведь многие художественные принципы базируются на математике.

— Да, — сказал Кейт. — Спирали очень красивы.

— Поэтому мы их собрали, — произнёс синтезированный голос из динамика.

Сердце Кейта подпрыгнуло, и он заметил, как Яг растопырил все шестнадцать пальцев — валдахудский знак внезапного озарения.

— Вы их собрали? — переспросил Кейт.

— Да. Двигаем звёзды — малой силой, надо много времени. Собираем звёзды в узоры, держим их так.

— Вы превратили нашу галактику в спираль?

— Кто ещё?

Действительно — кто ещё?

— Это невероятно, — тихо сказал Кейт.

Яг поднялся со своего кресла.

— Нет, это имеет смысл, — сказал он. — Клянусь

всеми богами, это имеет смысл. Я говорил, что у нас нет хорошей теории, объясняющей, как галактики приобрели и, главное, сохранили спиральную форму. Спиральные рукава, сознательно удерживаемые на месте разумными существами из тёмной материи — это взрывает мозг, но всё объясняет.

Кейт отключил микрофон.

— Но тогда… как тогда другие галактики? Вы говорили, что две трети галактик — спиральные.

Яг пожал обеими парами плеч.

— Спросите его.

— Вы многие галактики сделали спиралями?

— Не мы. Другие.

— Другие вашего рода сделали многие галактики спиралями?

— Да.

— Но зачем?

— Смотреть на них. Делать красиво. Делать… выражать не математикой.

— Искусство, — подсказал Кейт.

— Искусство, да, — согласился Кошачий глаз.

Вылезя из своего кресла, Яг упал на четвереньки — Кейт никогда раньше не видел, чтобы он так делал.

— Боги, — прохрипел он тихим голосом. — Бо-

ги…

— Это безусловно заполняет дыру в теории, про которую вы говорили, — сказал Кейт. — Это даже объясняет тот факт, что, как вы упоминали, древние галактики вращаются быстрее, чем положено по теории. Их специально раскручивали, чтобы сформировать спиральные рукава.

— Нет, нет, нет, — пролаял Яг. — Нет, неужели вы не понимаете? Неужели не видите? Это объясняет не только непонятный элемент в теории формирования галактик. Мы обязаны им всем! Буквально всем! — Валдахуд ухватился за одну из опор директорской консоли и снова принял двуногое положение. — Я вам уже говорил: стабильные генетические молекулы практически невозможны внутри плотно упакованных звёздных масс из-за слишком высокого уровня радиации. Жизнь смогла появиться *только* благодаря тому, что наши родные планеты находятся далеко от ядра, в спиральных рукавах. Мы существуем — любая жизнь, состоящая из того, что мы самонадеянно называем «нормальной» материей, существует только потому, что существа из тёмной материи играли со звёздами, выстраивая их в приятные глазу узоры.

Тор повернулся и посмотрел на Яга.

— Но… но ведь самые большие галактики во вселенной — эллиптические, а не спиральные?

Яг пожал всеми плечами.

— Да. Но, возможно, их преобразование слишком трудоёмко, или требует слишком много времени. Даже при наличии сверхсветовых коммуникаций, того самого «радио-два», сигнал будет идти от одного края действительно гигантской галактики до другого десятки тысяч лет. Возможно, это слишком много для групповой координации. Но что касается галактик среднего размера вроде нашей или Андромеды — у каждого художника есть свой любимый масштаб, не правда ли? Любимый размер холста или склонность к коротким рассказам или толстым романам. Галактики среднего размера — это художественное средство, а мы… мы — сюжет.

Тор кивнул.

— Он чертовски прав. — Он посмотрел на Кейта. — Помните, как Кошачий Глаз сказал нам «Сделали вас. Не сделаем вас»? Мой папаша мне говорил, когда был не в духе: Я тебя, бестолочь, в этот мир пустил, я тебя с него и заберу. Они знают, что это их активность сделала возможным наш тип жизни.

Яг с трудом удерживался на двух ногах; нако-

нец, он сдался и снова плюхнулся на четвереньки, став похожим на упитанного кентавра.

— Вот и говори после этого об ударе по самолюбию. Этот — наибольший из всех возможных. В древности каждая из рас Содружества считала, что её родная планета — центр вселенной. Это, конечно, было не так. Потом мы догадались о том, что существует тёмная материя — и это, в определённом смысле, было ещё более унизительно. Это означало, что мы не только не центр вселенной, но мы ещё и сделаны не из того, из чего большей частью состоит вселенная! Мы словно пена на поверхности пруда, возомнившая себя более значительной, чем огромная масса воды, составляющая пруд.

И теперь это! — его шерсть топорщилась и плясала. — Помните, что Кошачий Глаз сказал, когда вы его спросили, сколько существует жизнь на основе тёмной материи? «С начала всех звёзд вместе», сказал он.

Кейт кивнул.

— Они сказали, что должны были существовать с самого начала. Должны были! — По меху Яга пошла рябь. — Я посчитал, что это элемент их философии, но он, конечно же, прав — жизнь должна была существовать с самого начала все-

ленной, или с момента, как только она стала физически возможна.

Кейт уставился на Яга.

— Я не понимаю.

— Какие же мы самовлюблённые идиоты! — вскричал Яг. — Вы не видите? До сих пор, несмотря на все унижения, которые преподнесло нам мироздание, мы всё равно пытаемся сохранить за собой роль центрального элемента творения. Мы выдумываем космологические теории, которые гласят, что вселенная специально так устроена, чтобы дать начало нам, жизни наподобие нашей. Люди называют это антропным принципом, мой народ — принципом *адж-валдахудралт*, но это всё одно и то же: отчаянная, глубоко пустившая корни потребность верить в то, что мы значительны, что мы важны.

В квантовой физике мы говорим о коте Шрёдингера или *кестооре* Тэга — это идея о том, что всё существует лишь потенциально, в виде волновых функций, до тех пор, пока один из нас, очень важных для мироздания квалифицированных наблюдателей не пройдёт мимо, не посмотрит и самим фактом наблюдения не сколлапсирует волновую функцию. Мы и в самом деле позволили себе поверить, что так вселенная и работает

— хотя прекрасно знали при этом, что возраст вселенной исчисляется миллиардами лет, тогда как ни одна из наших рас не старше миллиона.

Да, — лаял Яг, — квантовая физика требует присутствия квалифицированного наблюдателя. Да, для определения того, какая из потенциальных возможностей реализуется, нужен разум. Но мы в своей гордыне считали, что вселенная, пятнадцать миллиардов лет обходившаяся без нас, тем не менее каким-то образом настроена на то, чтобы взрастить нас. Какая спесь! Разумные наблюдатели — это не мы, крошечные существа, живущие на горстке планет, разбросанных по необозримому космосу. Разумные наблюдатели — это существа из тёмной материи. Они закручивали галактики в спирали в течение миллиардов и миллиардов лет. Это их интеллект, их наблюдения, их чувства заставляют вселенную вертеться, это они создают из квантовых потенциальностей конкретную реальность. Мы ничто — *ничто!* — иное как недавний и весьма ограниченно распространённый феномен, пятно плесени на поверхности вселенной, которой мы не нужны и которой безразлично, есть мы или нет. Это *их* вселенная, вселенная темнян. Они сотворили её, и тем самым сотворили нас.

Глава XXV

Кейт сидел в своём офисе на четырнадцатой палубе и просматривал последние новости с Тау Кита. Сообщения были обрывочны, но на Реболло силы, лояльные королеве Тратх, подавили направленное против неё восстание, и двадцать семь заговорщиков были казнены традиционным методом утопления в кипящей грязи.

Кейт отключил планшет. Новостям верилось с трудом — на его памяти это был первый раз, когда он услышал о каких-либо политических волнениях на Реболло. Впрочем, возможно, всё это правда — хотя, более вероятно, что таким образом правительство пытается дистанцироваться от провалившейся авантюры.

Прозвучал гонг, и голос ФАНТОМа произнёс:

— Здесь Яг Кандаро эм-Пелш.

Кейт вздохнул.

— Впусти.

Яг вошёл и устроился на поликресле. Левая пара глаз смотрела на Кейта, правая рефлекторно обшаривала комнату на предмет возможной опасности.

— Я полагаю, — сказал он, — что в сложившейся ситуации я должен заполнить какие-то формы, которые вы, люди, так любите.

— Какие формы? — спросил Кейт.

— Формы для оставления моей должности на борту «Старплекса», разумеется. Я больше не могу здесь работать.

Кейт встал на ноги и позволил себе потянуться.

Когда-то это должно случиться — зрелость, состояние по ту сторону кризиса среднего возраста, умиротворение. В какой-то момент это всё должно было наступить.

— Дети играют в игрушечных солдатиков, — сказал Кейт, глядя на Яга. — Молодые расы играют в настоящих. Может быть, нам всем пора немного повзрослеть.

Валдахуд некоторое время молчал.

— Может быть.

— Наша лояльность прописана в наших генах, — сказал Кейт. — Я не буду настаивать на вашем увольнении.

— Ваш комментарий предполагает, что я в чём-то виновен. Я это отрицаю. Но даже будь это и так, вы всё равно неправильно меня поняли. Возможно… возможно ваш народ никогда не

будет понимать мой. — Он помолчал. — Как и наоборот. — Снова пауза. — Нет, мне пришло время возвращаться на Реболло.

— Здесь осталось много дел, — сказал Кейт.

— Несомненно. Но дело, которое я собирался делать здесь, завершено.

— О, — сказал Кейт, внезапно догадываясь. — Вы хотите сказать, что снискали достаточно славы, чтобы завоевать Пелш?

— Именно. Открытия, в которых я принимал участие, особенно контакт с темнянами, сделали меня самым знаменитым учёным на Реболло. — Снова пауза. — Пелш скоро сделает выбор. Я не могу больше медлить.

Кейт на секунду задумался.

— Валдахудские самки ни разу не работали на борту «Старплекса». Когда срок моего директорства подойдёт к конца, директором станет иб; я думаю, Фужер получит этот пост. Но после иба должность перейдёт к валдахудам, и я уверен, что валдахуды потребуют директора-женщину. Что, если… что, если вы и Пелш будете работать на «Старплексе» вместе? Судя по всему, что я слышал, она — идеальная кандидатура на директорский пост.

По меху Яга пробежала рябь удивления.

— Это невозможно. Мы оба останемся частью нашей ячейки. Она сохранит свою свиту до самой смерти.

Кейт вскинул брови.

— Вы хотите сказать, что самцы, которым не повезло с ней, не будут пытать счастья с кем-либо другим?

— Конечно нет. Мы останемся семьёй. Мы все дали клятву верности Пелш ещё в детстве.

— Тогда вы, возможно, сможете переехать на «Старплекс» всей семьёй — вшестером.

Яг пожал нижними плечами.

— «Старплекс» для самых лучших и перспективных. С валдахудом я никогда не стал бы говорить о других членах свиты моей дамы в уничижительном ключе, но вам я скажу правду. Это никогда не было соперничеством между мной и четырьмя остальными. Никогда. Соперник был только один. Это было ясно с самого начала. Остальные… им не хватает незаурядности.

— Но я слышал, что Пелш состоит в родстве с королевской фамилией. Простите, откуда тогда в её свите кто-то, кроме наиболее перспективных?

— Свита должна продолжать функционировать даже после того, как партнёр выбран. Мастерски подобранная свита содержит нескольких самцов,

которых удовлетворит подчинённое положение. На самом деле, свита, состоящая из, как вы их называете, альфа-самцов, обречена.

Кейт подумал об этом.

— Ну, если единственный способ увидеть вас на борту «Старплекса» — это привести сюда всю вашу семью, то я позабочусь, чтобы это было сделано.

— Я… я очень сомневаюсь, что вы на это пойдёте.

Кейт моргнул.

— Я всегда держу слово.

— Настоящее соперничество за Пелш развернулось между мной и ещё одним самцом. У того, другого, есть имя. — Взгляд всех четырёх глаз Яга упёрся в Кейта. — Гавст Далайо эм-Пелш.

— Гавст! — воскликнул Кейт. — Тот, что командовал атакой на «Старплекс»?

— Да. Он смог уйти от темнян и вернуться на Реболло.

Кейт ошеломленно молчал секунд десять, потом начал кивать.

— Вы обязаны были ему помочь, не так ли?

— Я ничего не признаю́, — ответил Яг.

— Если бы вы ему не помогли, то вся слава за доставку «Старплекса» на Реболло досталась бы

ему одному; Пелш выбрала бы его. Помогая ему, вы обеспечивали раздел добытой славы.

— На «Старплексе» двести шестьдесят валдахудов, — сказал Яг.

Эта фраза несколько мгновений витала между ними. Кейт кивнул, догадавшись.

— Так что если бы вы ему не помогли, наверняка нашёлся бы кто-нибудь другой, — сказал Кейт.

— Опять же, — сказал Яг, — я ничего не признаю́. — Он секунду помолчал. — Конечно, правительство королевы Тратх может выдвинуть против Гавста обвинения. В скором времени он может лишиться свободы, а то и жизни.

— Моё предложение остаётся в силе, — сказал Кейт.

Яг склонил голову.

— Я… *мы* его тщательно обдумаем. — И затем он сделал то, чего на памяти Кейта никогда не делал ни один валдахуд. Он добавил: — Спасибо.

* * *

Наступил вечер; освещение в коридорах было приглушено. Как всегда перед самым ужином, Кейт зашёл на мостик перекинуться парой слов с и. о. директора в смене «гамма», валдахудом

по имени Стелт. Всё идёт гладко, сказал Стелт. Ничего удивительно; если бы что-то стряслось, его бы сразу вызвали на мостик. Кейт пожелал всем спокойной вахты, покинул мостик и пошёл в направлении центральной шахты.

Там оказалась Лианна Карендоттир; она сидела на скамейке в месте, где коридор расширялся непосредственно перед входами в лифты. В облегающем чёрном комбинезоне она выглядела изящно и сексуально.

Конечно, совпадение, подумал Кейт. Откуда ей знать его распорядок — знать, что он проходит здесь каждый вечер в это время. Наверное, ждёт кого-то.

Её причёска была распущена; Кейт и не подозревал, что её волосы доходят до середины спины. Она тепло улыбнулась ему и сказала:

— Привет, Кейт.

— Привет, Лианна. Как… как прошёл день?

— О, отлично. В смысле, вы же видели сегодняшнюю вахту альфы — никакой работы. Во время беты собираюсь немного поплавать и пофехтовать. А как у вас?

— Прекрасно. Всё прекрасно.

— Вот и хорошо, — сказала Лианна. Она на мгновение замолчала и посмотрела на прорези-

ненный пол. Когда она подняла взгляд, то самую малость отводила глаза от взгляда Кейта.

— Я… э… так понимаю, что Рисса сегодня в отъезде.

— Да. Улетела на челноке на Гранд-Централ. По-моему, она ищет способ отвертеться от медали за доблесть и парада в свою честь.

Лианна кивнула.

— Я так и думала, — сказала она, — что сегодня вы будете ужинать один.

Кейт почувствовал, как вдруг заколотился пульс.

— Я… полагаю, что так, — ответил он.

Лианна улыбнулась. У неё были идеальные белые зубы, безупречная алебастровая кожа и пронзительный взгляд тёмных миндалевидных глаз.

— Я думала, а не прийти ли вам ко мне в гости. Я бы угостила вас чахохбили, как обещала.

Кейт посмотрел на… на *девушку*, вдруг осознал он. Всего двадцать семь. На двадцать лет младше него. Он ощутил слабое напряжение у себя под шортами. Это наверняка вполне невинное приглашение. Стало жаль старикана, или просто решила подлизаться к начальству. Просто чахохбили, может, немного вина, может…

— Знаете, Лианна, — сказал Кейт, — вы очень красивая женщина. — Он поднял руку, не давая ей заговорить. — Я знаю, я не должен говорить такие вещи, мы оба сейчас не на работе. Вы очень красивая женщина.

Она опустила взгляд. Он помедлил и закусил губу. И вдруг в его голове откуда-то всплыла мысль.

Не делай Риссе больно.

Этим ты лишь сделаешь больно себе.

— Но, — сказал он, наконец, — думаю, мне лучше восхищаться вами на расстоянии.

Она на мгновение встретила его взгляд, потом снова опустила глаза.

— Риссе очень повезло с вами, — сказала он.

— Нет, — сказал Кейт. — Это мне с ней очень повезло. Увидимся завтра, Лианна.

Она кивнула.

— Спокойной ночи, Кейт.

Он пошёл домой, сделал себе сэндвич, прочитал пару глав старого романа Робертсона Дэвиса[20] и пораньше лёг спать.

И заснул, как убитый, в полном согласии с самим собой.

---

[20] Примечания: 20

Робертсон Дэвис (1913–1995) — известный канадский писатель, драматург и критик. *(Прим. перев.)*

* * *

Вахта «альфы» на следующий день началась без происшествий. Ромбус, как всегда, прибыл секунда в секунду; вошёл Тор, закинул ноги на край пульта и начал диктовать инструкции навигационному компьютеру; Лианна погрузилась в обсуждение заданий на день с голографическими головами своих инженеров. На заднем ряду Кейт тихо переговаривался с вернувшейся с Гранд-Централа Риссой.

Но вот раскололось звёздное небо, и появился Яг, скорее бегом, чем обычной своей походкой вперевалочку.

— Я нашёл! — сказал он, хотя, судя по состоянию его меха, это скорее была «Эврика!»

Кейт и Рисса повернулись к нему. Он не пошёл к своему месту; вместо этого он прошёл в переднюю часть помещения и встал в двух метрах от консоли Тора.

— Что вы нашли? — спросил Кейт, подавив желание сострить.

— Ответ! — возбуждённо гавкнул Яг. — Ответ! — Он перевёл дыхание. — Послушайте меня некоторое время — это дело требует разъяснений. Но я вам скажу одну вещь — мы важны! От нас многое

зависит. О боги гор, рек, долин и равнин — от нас зависит *вообще всё!* — Его глаза разбежались, один уставился на Лиану, второй на Ромбуса, третий на Риссу, четвёртый на Тора и Кейта, которые для него находились на одной линии.

— Мы теперь знаем, что путешествия во времени из будущего в прошлое возможны, — сказал он. — Мы видели, как это произошло со звездой четвёртого поколения и с капсулой времени, которую построили Хек и Азми. Но давайте рассмотрим следствия. Предположим, завтра в полдень я воспользуюсь машиной времени, чтобы переместить себя в сегодняшний день. Что тогда у нас получится?

— Ну, тогда вас станет двое, правильно? — предположил Кейт. — Яг сегодняшний, и Яг из завтра.

— Правильно. А теперь подумайте вот над чем: если у вас двое меня, то и весим мы вдвое больше. Я вешу сто двадцать три килограмма, но если бы нас стало двое, то масса Яга на «Старплексе» стала бы двести сорок шесть килограмм.

— Но я считала, что это невозможно, — сказала Рисса, — потому что нарушает закон сохранения массы и энергии. Откуда возьмутся дополнительные сто двадцать три килограмма?

Яг выглядел триумфатором.

— Из будущего! Разве вы не видите? Путешествие во времени — это единственный мыслимый способ обойти этот закон. Это единственный способ увеличить массу замкнутой системы. — Его мех продолжал свой танец. — А что такое звёзды из будущего? Каждая, прибывая, увеличивает массу сегодняшней вселенной. В конце концов, даже звёзды четвёртого поколения сложены из тех же субатомных частиц, что уже существуют сегодня. Отправка звёзд в прошлое означает, этих частиц в сегодняшней вселенной станет вдвое больше, и масса увеличится соответственно.

— Без сомнения интересный побочный эффект, — сказал Ромбус. — Но это всё ещё не объясняет, зачем было посылать звёзды в прошлое.

— О, объясняет в лучшем виде! Удвоение массы — это не побочный эффект, вовсе нет! Это *конечная цель* всей операции.

— Операции? — переспросил Кейт.

— Да! Операции по спасению вселенной! Звёзды посылают в прошлое для того, чтобы увеличить массу вселенной.

Кейт от удивления раскрыл рот.

— О боже!..

Все четыре глаза валдахуда сошлись на нём.

— Именно! — гавкнул Яг. — Более столетия мы

знаем, что видимое вещество составляет не более десяти процентов от массы вселенной. Остальное — это нейтрино и тёмная материя, вроде наших гигантский друзей снаружи. Теперь мы знаем, из чего складывается полная масса вселенной, но не знаем её точную величину. А судьба вселенной напрямую зависит от её массы, от того, меньше она, больше или точно равна так называемой критической плотности.

— Критической плотности? — переспросила Рисса.

— Именно так. Вселенная расширяется — расширялась с самого Большого Взрыва. Но будет ли она расширяться вечно? Это зависит от гравитации. А сила этой гравитации, разумеется, определяется массой, которая её производит. Если массы недостаточно — то есть, если масса вселенной меньше критической плотности — гравитация никогда не преодолеет первоначальный взрыв, и вселенная будет расширяться бесконечно, а её масса — размазываться по всё большему и большему объёму. Она станет холодной и пустой, и её атомы будут разделять световые годы.

Рисса содрогнулась.

— Если же верно противоположное, если масса

вселенной больше критической плотности, то гравитация преодолеет силу большого взрыва, затормозит расширение вселенной и впоследствии обернёт его вспять. Все упадёт на всё, сольётся в единый блок материи. Если условия будут подходящие, этот блок может взорваться в новом большом взрыве, создав новую, вероятно, совершенно иную вселенную — но всё, что составляло нашу, будет неминуемо разрушено.

— Звучит не намного привлекательнее, — заметила Рисса.

— Да уж. Но если — если! — масса вселенной *в точности* равна критической плотности, тогда, и только тогда, вселенная может продолжить существовать в пригодном для жизни состоянии бесконечно долго. Расширение будет практически остановлено гравитацией — скорость расширения будет асимптотически приближаться к нулю. Вселенная не превратится в холодное пустое место, и не сольётся снова воедино. Вместо этого она будет существовать в стабильном состоянии триллионы и триллионы лет. Со всех практических точек зрения, она станет бессмертной.

— И как оно на самом деле? — спросила Рисса. — Вселенная выше или ниже критической

плотности?

— Наши самые точные оценки на сегодняшний день говорят, что масса всей видимой части вселенной, плюс вся масса, которую мы не можем видеть, включая тёмную материю, в совокупности не дотягивают до критической плотности где-то на пять процентов.

— Из чего следует, что Вселенная будет бесконечно расширяться, верно? — спросила Лианна.

— Именно. Всё будет бесконечно удаляться от всего остального. Весь космос вымрет, всё мироздание окончит свои дни при температуре на крошечную долю градуса выше абсолютного нуля.

Рисса покачала головой.

— Но это не обязательно случится, — добавил Яг. — Не случится, если у них всё получится.

— У кого всё получится? — спросил Кейт.

— У существ из будущего — потомков рас Содружества. Вы сами это сказали, Лансинг, вы будете жить чудовищно долго, миллиарды лет. Другими словами, станете бессмертным. Так вот, по-настоящему бессмертные существа рано или поздно столкнутся с проблемой смерти вселенной; это единственное, что может прекратить их жизнь.

— А как тогда быть с энтропией? — спросила

Лианна.

— Да, второе начало термодинамики действительно предсказывает тепловую смерть любой замкнутой системы. Однако вселенная, возможно, не полностью замкнута; в конце концов, есть хорошие теоретические основания считать, что наша вселенная — лишь одна из бесконечного множества. Может статься, что существуют способы черпать энергию из другого континуума, или просто экономить энергию здесь, производя минимальную энтропию, так, чтобы континуум оставался пригодным для жизни фактически вечно. В любом случае, пройдёт неисчислимые триллионы лет, прежде чем с этой проблемой придётся что-то делать — триллионы лет на поиски решения.

— Но… но… это же немыслимый проект, — сказал Кейт. — Я хочу сказать, если мы на пять процентов не дотягиваем до критической плотности, то это ж сколько звёзд нужно сбросить в прошлое? Даже одной из каждой стяжки не хватит, не так ли?

— Нет, — сказал Яг. — Количество стяжек в нашей галактике оценивается в четыре миллиарда. Предположим, что наша галактика типична, что они построили по одной стяжке на каждую сотню

звёзд не только в Млечном Пути, но и в каждой галактике во вселенной. Звёзды составляют примерно десять процентов от массы вселенной; остальные девяносто — тёмная материя. Чтобы увеличить массу вселенной на одну двадцатую — пять процентов — вам понадобится отгрузить через каждую стяжку пятьдесят звёзд.

— Но если вы можете путешествовать во времени, — сказал Кейт, — то вам вовсе не нужно спасать вселенную. Вы можете прожить десять миллиардов лет, вернуться в прошлое к самому началу, прожить ещё десять миллиардов лет, вернуться опять и так до бесконечности.

— О, это так, и кто знает, сколько таких циклов они прошли, прежде чем накопить достаточно решимости и технологической мощи для осуществления проекта? Метод бесконечного возврата в прошлое даёт лишь псевдо-бессмертие — он явно проигрывает вселенной, которая сама по себе существует вечно. Он не только означает, что никакая искусственная структура не существует дольше десяти миллиардов лет, он позволяет бессмертие только тем, кто владеет путешествиями во времени.

— Это конечно, — согласился Кейт. — Но всё-таки такой проект!

— Да, — сказал Яг. — И его масштаб может оказаться даже грандиознее, чем мы думаем. Скажите мне: каков текущий возраст вселенной?

— Пятнадцать миллиардов лет, — ответил Кейт. — Земных лет, разумеется.

Яг двинул нижней парой плеч.

— На самом деле, хотя это наиболее известная величина, астрофизики с ней не согласны. Пятнадцать — это компромисс, среднее значение между величинами, полученными с помощью двух различных методик. Вселенной или десять миллиардов лет, или двадцать. С середины 1990-х годов общепризнанным значением постоянной Хаббла — которая отражает скорость расширения вселенной — было примерно восемьдесят пять километров в секунду на мегапарсек. Это значит, что вселенная после большого взрыва всё ещё разлетается со значительной скоростью, что гравитация пока не слишком затормозила этот разлёт, и потому вселенной не может быть более десяти миллиардов лет.

Однако спектральные исследования звёзд первого поколения, особенно тех, что составляют шаровые скопления, показывают, что реакции синтеза в этих звёздах протекают по меньшей мере вдвое дольше. Мы долго полагали, что один из

методов каким-то образом даёт неверное значение. Однако, возможно, оба они верны. Возможно, что то, что мы наблюдаем сегодня — это лишь одна из фаз многоэтапного проекта. Возможно, я был слишком поспешен, отвергая предположение Магнора о возможности проведения через стяжку шарового скопления. Возможно, эти скопления, каждое состоящее из десятков тысяч звёзд, были заброшены к нам из будущего. Возможно, что изначально масса нашей вселенной была гораздо меньше девяноста пяти процентов критической плотности, и текущая фаза проекта — это лишь точная настройка и коррекция.

— Но… ведь масса удвоится только на время, — сказала Лианна. — Возвращаясь к вашему самому первому примеру, если вы переместились из завтра в сегодня, то сегодня вас будет двое, но завтра один из вас исчезнет, поскольку отправится в прошлое.

— Вероятно, так, — согласился Яг. — Но в течение всего промежутка времени между точкой отправления и точкой прибытия у вас будет удвоенная масса. И если эти точки разнесены на десять миллиардов лет, то удвоенная масса у вас будет реально долго — достаточно долго, чтобы её гравитация успела затормозить разлёт все-

ленной. Если вы правильно рассчитаете, то вам не понадобится увеличивать массу вселенной навсегда, только на время, достаточное для компенсации воздействия большого взрыва. Если вы всё сделаете правильно, то даже без постоянного увеличения массы в далёком будущем вы получите стабильную вселенную, находящуюся в идеальном равновесии — вселенную, которая будет существовать вечно.

Яг прервался, чтобы перевести дыхание.

— Это самый грандиозный инженерный проект, какой можно себе представить, — сказал он. — Но альтернативой ему было бы дать вселенной умереть. — Он триумфально оглядел всех присутствующих на мостике. — И осуществили его *мы*. Существа из обычной материи — существа с *руками*! В конце концов, точнее, чтобы *предотвратить* конец, вселенной понадобились мы!

* * *

Церемония, организованная в их любимом валдахудском ресторане, длилась недолго. Гостей было значительно больше, чем на той первой свадьбе в Мадриде, где были лишь родственники; на борту «Старплекса» любые празднества пользовались успехом.

Торальд Магнор на этот день был назначен и. о. директора, чтобы иметь право провести церемонию.

— Согласен ли ты, Жильбер Кейт, — сказал он, — снова взять Клариссу Марию в жёны, любить её, лелеять и почитать в болезни и радости, в бедности и богатстве?

Кейт повернулся к жене. Он помнил этот день двадцать лет назад, день, когда они впервые прошли через этот ритуал, замечательный, счастливый день. Это был хороший брак — плодотворный и интеллектуально, и физически, и эмоционально. И она сегодня была, если это возможно, ещё прекраснее, ещё желаннее, чем в тот день. Он посмотрел в её огромные карие глаза и произнёс:

— Согласен.

Тор повернулся к ней, но прежде чем он снова заговорил, Кейт сжал руку жены и добавил, громко, чтобы все слышали:

— Пока смерть нас не разлучит.

Рисса ослепительно улыбнулась ему.

Чёрт возьми, подумал Кейт, двадцать лет — это ж так, только поскрести сверху.

Эпилог

Кейт Лансинг отлично спал по ночам уже много недель. Сейчас он лежал в постели рядом со своей прекрасной женой и медленно погружался в сон. Ну и что, если он и Рисса, и Яг, и Длиннорыл, и Ромбус и миллиарды других граждан Содружества не значили сейчас ровно ничего в этой сумасшедшей вселенной? Ну и что, что они были космической загогулиной, нечаянным побочным продуктом темнянского творчества? Придёт день, когда и от них будет что-то зависеть — когда от них будет зависеть *всё*.

Кейт вдруг проснулся, как от толчка. Он отогнул кусок пластика, который загораживал циферблат часов. 01:43. Он сел в постели и прислушался а белому шуму, который ФАНТОМ транслировал через динамики системы оповещения.

Боже мой, подумал он. Боже мой!

Выталкивание миллиардов звёзд в прошлое должно его изменить — изменить радикально и непредсказуемо. После этого вселенная станет развиваться совсем по-другому и разовьется в совсем новое будущее, не в то, что было прежде.

Парадокса не избежать — если только…

Если только не переместиться в прошлое самому — во время *до* прибытия первой партии массы из будущего. Кейт ощутил, как затрепыхалось сердце. Все существа далёкого будущего должны жить сейчас, в настоящем.

Он вспомнил виденные ранее изображения гладкого шара из металла — металла, который когда-то был «бумерангом», отправленным с Тау Кита к стяжке поблизости от Теят Постериор, металла, изменённого с помощью фантастически продвинутой технологии.

Хлопники действительно закрыли перед Содружеством дверь — закрыли дверь перед собственным прошлым. Они недвусмысленно дали понять, что они хотят — они *должны* — оставаться изолированными от ранних версий самих себя.

Эту стяжку, как, несомненно, и множество других, использовали пришельцы из будущего. И где-то среди них жил и тот, кто подписал сообщение на капсуле времени, тот, кто, по-видимому, возглавлял проект по спасению вселенной — многомиллиардолетний Кейт Лансинг, Кейт Лансинг, который буквально стал Великим Стар-

цем[21] физики. Как было бы здорово встретиться с ним…

Кейт посмотрел на Риссу, едва видимую в свете ночника. Она крепко спала, но от его шевеления с неё сползла простыня. Он осторожно вернул её на место, потом снова улегся на подушку и медленно уплыл в забытье.

Ему снился человек из стекла.

[21] Примечания: 21

Уважительное наименование для видного деятеля пожилого возраста; первоначально прозвище Уильяма Гладстона (1809–98), многолетнего премьер-министра Великобритании викторианской эпохи. *(Прим. перев.)*